

The background of the poster is a cinematic scene from Star Wars: The Force Awakens. It depicts the Millennium Falcon, a large, iconic spaceship, in a dark, atmospheric space. The ship is shown from a low angle, emphasizing its massive scale. A large, circular, metallic structure, possibly a part of the ship's engine or a nearby celestial body, is visible in the foreground, partially obscuring the Falcon. The lighting is dramatic, with a mix of cool blues and greys in the background and warmer, reddish-orange highlights on the ship's surfaces and the foreground structure. The overall mood is mysterious and epic.

ГЛЕН КУК

ЗВЕЗДНЫЕ ЛОВЦЫ

• ТЕНЕВАЯ ЧЕРТА • ЗВЕЗДНЫЕ ЛОВЦЫ •
• ЗВЕЗДНЫЙ РУБЕЖ •

Звезды новой фэнтези

Глен Кук

**Теневая Черта. Звездные
ловцы. Звездный Рубеж**

«Азбука-Аттикус»

1982

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Кук Г. Ч.

Теневая Черта. Звездные ловцы. Звездный Рубеж / Г. Ч. Кук —
«Азбука-Аттикус», 1982 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-21204-6

Космическая вендетта началась за века до рождения Масато Игараси Шторма. Его дед напал на планету Префактл и учинил кровавую расправу, освободив рабов-людей от их господ-сангари. Но один из сангари остался жив. Юный наследник клана Норбон поклялся отомстить семейству Шторм и их солдатам. Он придумал изощренный план, для осуществления которого могло потребоваться несколько поколений. И вот теперь Гней, отец Масато, вынужден сражаться за богатства, которые хранит в себе огненная половина планеты Черномир. Пока могущественные частные армии со всего космоса сходятся в бою на узкой Теневой Черте, что отделяет пылающий ад от животворной тени, сводный брат Гнея Майкл ведет свою собственную игру – роковую игру изменника.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-21204-6

© Кук Г. Ч., 1982
© Азбука-Аттикус, 1982

Содержание

Теневая Черта	6
Часть первая	7
Часть вторая	94
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Глен Кук

Теневая Черта. Звездные ловцы. Звездный Рубеж (сборник)

Glen Cook

SHADOWLINE

Copyright © 1982 by Glen Cook

STARFISHERS

Copyright © 1982 by Glen Cook

STAR'S END

Copyright © 1982 by Glen Cook

All rights reserved

© К. П. Плешков, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Мир и неординарные герои этого многообещающего начала трилогии созданы для отменного читательского приключения.

Booklist о романе «Теневая Черта»

Выдающаяся космоопера от Глена Кука, мастера современной героической фэнтези, – идеальная смесь древней мифологии, политической интриги и феерических звездных битв.

Goodreads

Глен Кук – уникальный писатель. Он с необычайной легкостью лавирует между военной фэнтези, космооперой, эпической фэнтези, фэнтези-детективом и научной фэнтези... Он описывает жизнь в самых реальных ее проявлениях: от мысли, рождающейся в уме героя или героини, до бьющего ему или ей в лицо ветра.

SFFWorld

Теневая Черта

Посвящается Рихарду Вагнеру

Часть первая Веревка

Кто вьет ту веревку, что свисает с переключины?

1. Год 3052

Кто я такой? Что я такое?

Я внебрачное дитя Теневой Черты, расселины с иззубренными краями в обожженном солнцем камне, что стала моим третьим родителем.

Вряд ли вы сумеете постичь мою суть или суть Теневой Черты, ничего не зная о моем отце. А чтобы что-то знать о Гнее Юлии Шторме, нужно быть в курсе истории моей семьи, со всеми ее запутанными взаимоотношениями. Чтобы что-то знать о моей семье...

Так может продолжаться до бесконечности, подобно расходящимся по воде кругам. И история эта, на одном конце которой стоят Теневая Черта и я сам, напоминает невероятно длинную реку, куда впадают воды десятков внешне незначительных притоков-событий.

Если говорить вкратце, я такой, какой есть, благодаря отцу и Кассию, полковнику Уолтерсу. Это рассказ о них, а также о тех, кто оказал на них влияние, в итоге сформировав тот отпечаток, который они наложили на меня.

Масато Игараси Шторм

2. Год 3031

Глубоко в подземельях Железной крепости, среди мрачных железных стен кабинета, сгорбился в глубоком мягком кресле Гней Шторм, опустив подбородок на грудь. Его здоровый глаз был закрыт, на усталое лицо падали длинные седые волосы.

В камине рядом с ним плясали и кружились в бесконечном мавританском танце языки пламени. Свет и тень разыгрывали зловещие драмы на бесценном ковре ручной работы, вытканном на Древнем Востоке Старой Земли. Среди деревянных балок, поддерживавших каменный потолок, играли в догонялки тени несбывшегося.

Кабинет Шторма сам по себе являлся твердыней внутри крепости. То была цитадель его души, бастион сердца. Вдоль стен тянулись полки с редкими изданиями. Флотилию столов заваливали сокровища из его коллекции и бумаги подчиненных. То и дело заходили и уходили молчаливые клерки, внося дополнения в лежащий перед креслом доклад.

По комнате бродили две немецкие овчарки-мутанта величиной с шетландского пони, обнюхивая тени. Из горла одного пса вырывалось негромкое рычание. Охота на врагов не знала конца.

И она никогда не завершалась успехом. Враги Шторма не отваживались вторгаться на его родной планетоид.

В кабинет, хлопая крыльями, влетело черное существо размером с сокола и неуклюже приземлилось перед Штормом. Бумаги разлетелись во все стороны, напугав существо, похожее на миниатюрного птеродактиля. И его на мгновение окутала темная аура, скрывая от глаз.

Это был воронопут, ночной летающий ящер из болот Сломанных Крыльев. Окружившая его тень возникала инстинктивно и играла роль защитной окраски.

Воронопут наклонил голову, глядя красным глазом на свою самку, устроившую гнездо в каменной трещине позади Шторма. Другим глазом он уставился на хозяина.

Шторм не отзывался.

Воронопут ждал.

Гней Юлий Шторм считал, что жизнь его клонится к закату. Ему было почти двести лет от роду. Благодаря последним достижениям медицины и омолаживающим технологиям выглядел он на сорок пять, но врачи и машины не могли омолодить его душу.

Задремав, он уронил старую священную книгу, в которой до этого отметил пальцем фразу: «Время рождаться, и время умирать...»¹

В комнату проскользнул юноша в черной флотской форме, невысокий и стройный. И – застыл как вкопанный. Хотя он бывал в этом кабинете бесчисленное множество раз, его восточная невозмутимость вновь уступила место благоговейному трепету.

«Столько роскоши и сокровищ, – подумал Мыш. – Но разве все они не более чем Смерть, скрытая под маской из кованого золота? – Он взглянул на отца. – У него такой измученный вид. Почему его не оставят в покое?»

Но это было невозможно – по крайней мере, при жизни Ричарда Хоксблада. Никто бы не посмел. Так что однажды Гнею Шторму, как и всем наемникам, предстояло встретить на последнем поле боя смерть, после которой уже не будет воскрешения.

Шторм поднял усталое лицо, в котором по-прежнему чувствовалась сила. Ток воздуха из вентиляции пошевелил седые волосы.

Мыш тихо вышел, и на мгновение сердце защемило от глубокой тоски. Он боготворил отца, и ему было больно видеть того страдающим и загнанным в угол.

Он отправился на поиски полковника Уолтерса.

Шторм открыл здоровый глаз, столь же серый, как и его волосы, и окинул взглядом сердце своего королевства без подданных. И увидел вместо золотой маски смерти – зеркало, отражавшее его тайную суть.

В кабинете хранились не только книги. Одну стену украшала коллекция оружия – шумерская бронза рядом с универсальными пехотными пистолетами последней модели из стресс-стекла. В освещенных витринах стояли редкий фарфор, граненый хрусталь, серебряные столовые приборы и древний веджвудский фаянс. В выставленных бархатом ящиках лежало целое состояние в виде золотых монет.

Шторма всегда интриговали превратности истории. Ему нравилось окружать себя следами, которые она оставляла после себя.

Но сам он не мог сбежать во вчерашний день. Время ускользало сквозь пальцы, будто вода.

Порыв воздуха из разболтанной вентиляции перелистал бумаги на столе. Знамена над головой пошевелились, будто потревоженные призраками. Некоторые знамена были очень стары. Одно следовало за Черным Принцем в Наваррете². Другое пало в разгаре атаки на Литтл-Раунд-Топ³. Но большинство представляли собой очередные вехи карьеры самого Шторма.

Шесть из них ничем не отличались друг от друга – одинаковые квадраты из титановой ткани, висевшие в ряд. Над ними, на черном фоне, мчался слева направо золотой ястреб над водопадом из алых капель. По сравнению со знаменами Плантагенетов они нисколько не впечатляли и тем не менее прославляли лучшие времена Железного легиона Шторма.

---

¹ Еккл. 3: 2.

² *Эдуард Черный Принц* (1330–1376) – старший сын короля Англии Эдуарда III, военачальник Столетней войны, разгромивший кастильскую армию под командованием Генриха Трастамарского и Педро Жестокое в сражении при Наваррете в 1367 году.

³ *Сражение за Литтл-Раунд-Топ* – один из эпизодов битвы при Геттисберге во время Гражданской войны в США, состоялось 2 июля 1863 года.

Он силой вырвал их у собственного Генриха Трастамарского – Ричарда Хоксблада. И каждая победа принесла ему не больше удовлетворения, чем получил Эдуард от Педро Жесток.

Ричард Хоксблад был признанным мастером наемничества.

В собственной коллекции Хоксблада хранились пять знамен Легиона. Трижды их сражение закончилось вничью.

Шторм и Хоксблад были лучшими полководцами – королями наемников, принцами личной войны, которых в прессе называли «баронами-разбойниками тридцать первого века». В течение десяти лет они сражались исключительно друг с другом.

Лишь Шторм и его талантливые подчиненные могли победить Хоксблада. Лишь Хоксблад обладал достаточным гением, чтобы противостоять Железному Легиону.

Именно Хоксблад был причиной дурного настроения Шторма. Разведка сообщала, что Ричард размышляет над предложением наняться на Черномир.

– Пусть оно все горит огнем, – пробормотал он. – Я устал.

Но он знал, что сражаться все равно придется – если не в этот раз, то в следующий. Ричард наверняка примет предложение, и его потенциальная жертва будет знать, что единственный ее шанс на спасение – Железный Легион. Наверняка это будет жесткий человек, зубами и когтями проложивший себе путь наверх среди таких же жестких, как и он сам, привыкший использовать наемников и убийц. Он будет искать способ, как выкрутить Шторму руки. А потом найдет этот способ и безжалостно его применит.

Шторм через все это уже проходил.

И он чувствовал, что снова грядет нечто подобное.

В прошлом месяце ему довелось побывать по личным делам в Корпоративной зоне, на Старой Земле, где он посетил ряд светских мероприятий, освежив былые контакты. К нему обратилась парочка типов, похожих на менеджеров среднего звена, предложив на выбор ряд незамысловатых гипотез.

Черномирцам не хватало изысканности. Эти начинающие Макиавелли несколько не впечатляли, если не считать их настойчивости. Но их хозяин – совсем другое дело. Ему вежливо сообщили, что они работали на Горно-металлургическую корпорацию Блейка в Крайгороде на Черномире.

Гней Юлий Шторм был могущественным человеком. Его личная армия была обучена, мотивирована и снаряжена намного лучше, чем самые выдающиеся космические пехотинцы Конфедерации. Но его Железный Легион был не бандой флибустьеров, а многопрофильной холдинговой компанией с долевым участием в десятках крупных корпораций. Он не просто сражался и затем какое-то время жил на широкую ногу за счет добытого, но делал долгосрочные вложения в безопасность своих людей.

Железная крепость простирала щупальца в тысяче направлений, хотя и не считалась крупной силой в мире бизнеса и финансов. Ее интересами мог манипулировать любой, имевший деньги и желание.

Это был рычаг, которым пользовались гиганты, чтобы добиться своего.

В прошлом они умело управляли личными конфликтами Шторма с Ричардом Хоксбладом, играя на его тщеславии и ненависти. Но он давно уже перестал поддаваться эмоциям.

– На этот раз будет нечто уникальное, – прошептал он.

Шторм тщетно пытался придумать, как добиться преимущества над тем, кого пока не знал и чьи намерения еще не ясны до конца.

Летучий ящер, на которого он не обращал внимания, терпеливо ждал, привыкший к его задумчивости.

Достав из лежавшего рядом с креслом футляра древний кларнет, Шторм внимательно осмотрел инструмент. А затем – заиграл мелодию, которую вряд ли опознал бы кто-то из ныне живущих.

Он наткнулся на это произведение в лавке старьевщика во время визита на Старую Землю. Название «Странник на берегу»⁴ захватило его воображение – слишком уж оно ему подходило. Он ощущал себя странником на берегу времени, родившимся через полтора тысячелетия после его родной эпохи. Времена Ноллеса и Хоквуда⁵ подошли бы ему куда больше.

Одинокая навязчивая мелодия освободила его душу. Даже с семьей, друзьями или в толпе Гней Шторм ощущал себя чужим, посторонним. Он чувствовал себя уютно, лишь уединившись в кабинете, в окружении вещей, из которых построил твердыню для души.

Но при этом он не мог без людей. Он нуждался в них здесь, в крепости. Ему нужно было знать, что они всегда рядом, – иначе становилось совсем одиноко.

С кларнетом он никогда не расставался. Это был его фетиш, амулет с чудодейственными способностями. Шторм ценил его больше, чем самого близкого подчиненного. Вместе с древним пистолетом – другим талисманом, который он всегда носил с собой, – кларнет не давал душе погрузиться в долгую ночь.

Мрачный. И молодой и старый одновременно. Преданный всему древнему, редкому, забытому. Проклятый властью, которой он больше не желал. Таков был в первом приближении Гней Юлий Шторм.

Власть походила на некую мифическую мантию, которую нельзя было сбросить. Чем больше он пытался от нее избавиться, тем плотнее она прилегала и тяжелее становилась. И чтобы сбросить ее навсегда, имелось лишь два способа.

И каждый требовал смерти – его собственной или Ричарда Хоксблада.

Когда-то смерть Хоксблада была целью жизни Шторма. Но после столетних тщетных усилий казалось, что она уже не имеет такого значения.

Шторм знал: если он когда-нибудь попадет в рай, тот окажется спокойным, населенным учеными местом, где всегда найдется пристанище для хорошо осведомленного любителя антиквариата.

Воронопут на мгновение раскинул крылья.

3. Год 3052

Можем ли мы понять человека, не зная его врагов? Можем ли мы познать инь, не познав ян? Мой отец ответил бы на этот вопрос отрицательно. И он сказал бы: «Если хочешь, чтобы тебе открылись новые истины, – иди и спроси того, кто хочет тебя убить».

Человек живет. В молодости у него больше друзей, чем он в состоянии сосчитать. С возрастом их круг сужается, сжимаясь и становясь более закрытым. Зрелость и старость мы проводим за одними и теми же занятиями в обществе одних и тех же немногих друзей, редко принимая в него новичков.

Но врагами мы обзаводимся постоянно.

Они подобны зубам дракона, которые то и дело возникают на жизненном пути, где угодно и когда угодно, нежеланные и неожиданные, а иногда невидимые и неведомые. А иногда мы попросту получаем их в наследство от предков.

Мой отец был очень стар. И он был сыном своего отца.

---

⁴ «Странник на берегу» – популярная джазовая мелодия для кларнета авторства Акера Билка, впервые исполненная в 1961 году.

⁵ Сэр Роберт Ноллес (1317?–1407) – английский военачальник времен Столетней войны. Методы, применяемые Ноллесом, принесли ему славу великого воина, но также грабителя и опустошителя. Джон Хоквуд (1320?–1394) – итальянский кондотьер английского происхождения, участник Столетней войны, командир знаменитого «Белого отряда» наемников.

Врагов у него имелся легион. Он сам до конца и не знал, сколько их и кто они.
Масато Игараси Шторм

4. Год 2844

В высоком огромном здании стояла жара, словно в теплице. Влажность и вонь сводили с ума. Крышу из поляризованной стеклостали настроили так, чтобы пропускала как можно больше солнечных лучей. Кондиционер не работал. Оставшиеся с ночи ведра с землей так и не убрали из племенных стойл.

Норбон в Дит, облокотившись на скользкое латунное ограждение, окинул взглядом простирившиеся под смотровой платформой акры пола.

Передвижные перегородки делили пространство на сотни крошечных отсеков, расположенных вплотную друг к другу вдоль узких коридоров. В каждом сидела симпатичная самочка. Их было так много, что от дыхания и шевелений слышался непрекращающийся шорох.

Диту было страшно, но любопытно. Он не ожидал, что племенное хозяйство столь огромно.

Ладонь отца коснулась его плеча и тут же отдернулась, жестикулируя в ходе беседы с зоотехником. Во время разговора старший Норбон всегда отчаянно размахивал руками.

– Как они могут отказаться? Рхафу, это всего лишь животные.

Дит был полностью согласен с отцом. Глава семейства Норбон никогда не бывал не прав. Рхафу наверняка ошибался. Животных ничего не интересовало, кроме кормежки и спаривания.

– Вы не понимаете, господин, – напряженно проговорил старый Рхафу. Даже Дит ощутил его замешательство из-за неспособности объяснить Норбону всю серьезность положения. – Хотя на самом деле они не то чтобы отказываются. Они просто не проявляют интереса. Все дело в бычках, господин. Будь дело лишь в телках, бычки бы их оприходовали независимо от желания.

Дит взглянул снизу вверх на Рхафу. Старик ему нравился, и он жалел, что отец не был таким же – старым искателем приключений, которым надеялся стать любой мальчишка.

Обязанности главы семейства оставляли мало времени на близкие отношения. У отца зачастую не оставалось сил на общение с сыном, и он редко уделял мальчику внимание, которого тому так не хватало.

Рхафу был бродягой со множеством историй о захватывающем прошлом. Он с гордостью носил шрамы, полученные на человеческих мирах. И у него всегда находилось время, чтобы поделиться историями с мальчиком.

Дит во всем был готов подражать Рхафу. Он собирался пережить немало собственных приключений до того, как отец передаст семейное дело в его руки. Ему хотелось совершить множество набегов на Терру, Токе и Улант, а потом вернуться с личной сокровищницей историй, богатства и почетных шрамов.

Но это были всего лишь мечты. В свои семь лет он уже знал, что наследники никогда не рисковали жизнью в безрассудных авантюрах. Последние оставались на долю младших сыновей, решивших самостоятельно строить судьбу, дочерей, неспособных заключить выгодный альянс, и тех, кто не имел ничего за душой, вроде Рхафу. Самому же Диту предназначено стать принцем-торговцем, как и его отец, далеким от куда более жестоких способов накопления богатств. Единственная опасность, которая ему грозила, – междусемейные интриги из-за рынков, ресурсов и власти.

– Наркотики давать пробовал? – спросил отец у Рхафу.

Дит вернулся с небес на землю. Предполагалось, что он должен учиться. Отец дал бы сыну хорошего подзатыльника, если бы понял, что тот чересчур замечтался.

– Конечно. Племенные телки всегда под наркотой. Так они становятся более восприимчивыми и еще меньше соображают.

Рхафу злился. Его работодатель не появлялся на станции Префактл уже несколько лет. Более того, признался, что ничего не знает о практических аспектах разведения рабов. Судьба забросила его сюда в самую критическую минуту, и он постоянно задавал вопросы, намекая на некомпетентность работающих здесь профессионалов.

– Мы экспериментировали с афродизиаками, но толку было мало. Бычки стали податливей, когда мы отправили нескольких за непослушание на бойню. Но, присмотревшись внимательнее, мы увидели, что они бросают начатое до завершения акта. Господин, вы не там ищите ответы на свои вопросы. Поинтересуйтесь за пределами станции. Животные не отказывались бы, если бы не оказались под чьим-то посторонним влиянием.

– Дикари? – Норбон пожал плечами, отвергая подобную мысль. – Как насчет искусственного осеменения? Мы не можем отставать от графика. Нужно исполнять контракты.

Именно этим объяснялось дурное настроение отца Дита. Кризис угрожал росту прибыли семейства Норбон.

Дит снова повернулся к стойлам. Забавно – эти животные очень похожи на сангари. Только грязные, и от них воняло.

Рхафу говорил, что некоторые дикари совсем другие и ухаживают за собой не хуже, чем сангари. А те, которых семья держала дома в имении, были чистоплотны, хорошо обучались и вообще не отличались от настоящих сангари.

Дит заметил телочку, очень похожую на его двоюродную сестру Марджо. Что, если бы женщина-сангари смешалась с этими животными? Смог бы кто-то ее отличить? С чужаками вроде токе и улантонилов было проще, но эти люди вполне могли сойти за сангари.

– Да, конечно. Но мы не готовы к требуемым масштабам. Прежде никогда такого не случилось. У меня уже заказано все необходимое оборудование и инструменты, но я их еще не получил.

– Неужели нет ничего, чем ты мог бы обойтись? – раздраженно бросил отец Дита. Он всегда раздражался, когда его бизнесу что-то угрожало. – Заказ с Осириса может принести целое состояние, а нам едва хватает времени, чтобы прогнать их через лаборатории ускорения роста. Рхафу, я не могу не выполнить своих обязательств. Просто не могу. Никак.

Дит улыбнулся телке, которая смотрела на него пустым взглядом, но вместе с тем – с легким любопытством. И показал едва заметный непристойный жест, которому научился в школе.

– Ай!

Преподав урок сыну, Норбон как ни в чем не бывало снова повернулся к Рхафу. Дит потер горящую щеку. Отцу отвратительна была сама мысль о том, чтобы совокупляться со скотиной. Он воспринимал это как крайнюю степень извращения, хотя подобное было весьма распространено. Семейство Сексон держало целый гарем специально выведенных экзотических телочек.

– Тридцать единиц в первой партии, – задумчиво проговорил Рхафу. – Думаю, сумею справиться, хотя, возможно, поголовье и подсократится.

– Делай, что нужно.

– Терпеть не могу портить первоклассный скот, сэр. Но иначе производительности не дожидаться. Придется еще последить, чтобы они не устраивали выкидышей.

– Что, все в самом деле настолько плохо? – Обычно бесстрастное лицо Норбона исказила болезненная гримаса. – Решено. Даю тебе все полномочия. Делай все, что сочтешь необходимым. Эти контракты стоят того, чтобы рискнуть. За ними наверняка пойдут следующие. Рынок Осириса открыт настежь. Он свеж и нетронут. Местные принцы – настоящие деспоты, потака-

ющие желаниям сибариты. Это мир Первой экспансии человечества, который вконец одичал, опустившись до феодального уровня как в общественном, так и в технологическом смысле.

Рхафу кивнул. Как и большинство опытных сангари, он был основательно подкован в истории человеческого общества и культуры.

Старший Норбон не сводил взгляда со стойл – краеугольного камня богатства семьи.

– Рхафу, Осирис – Холар Норбонов. Помоги мне использовать его так, как подобает Великому дому.

«Холар, – подумал Дит. – Тот самый, легендарный. Золотое дно. Бездонный горшок с золотом». Планета столь большая, дикая и богатая, что для ее освоения потребовалось пять семейств. Планета, благодаря которой семейства, вошедшие в консорциум, стали первыми среди сангари.

Дит сомневался, что Норбоны нуждаются в своем Эльдорадо. Слишком уж много это потребует от него работы, когда он станет главой. К тому же ему пришлось бы общаться с этими снобами Кримнинами, Сексонами и Мейсонами. Разве что он сумеет задавить в зародыше свою мечту и сделать Норбонов самым богатым семейством из всех. Тогда он станет Первым главой семейства, сможет делать все, что захочет, и ему незачем будет думать, как жить дальше.

– Клянусь, это проблемы откуда-то извне, – сказал Рхафу. – Господин, что-то происходит. Даже молодняк в изоляторе этим заразился. Оттуда всю неделю идут жалобы. Начальник станции говорит, что так повсюду. В сельскохозяйственном секторе поймали нескольких бычков-сборщиков, которые пытались поджечь поля ситлака.

– Предзнаменования, Рхафу? Ты настолько суеверен? Есть те, кто не может без сверхъестественного. Наверняка дело в воде. Или в корме.

– Нет, я проверял. Провел полный химический анализ. Все в порядке. Говорю вам, что-то происходит, и они об этом знают. Я уже видел такое, помните? На Медном острове.

Дит снова заинтересовался. Рхафу перешел к Норбонам от Датегонов, чья станция стояла на Медном острове. Никто не говорил ему из-за чего.

– Что там случилось, Рхафу?

Зоотехник взглянул на работодателя. Норбон нахмурился, но кивнул.

– Восстание рабов, Дит. Из-за небрежной охраны. Сельскохозяйственные животные начали общаться с дикими. Вскоре они взбунтовались. Некоторые из нас поняли, что происходит, и пытались предупредить начальника станции, но он не стал слушать. Выжившие теперь работают на твоего отца. Датегоны так и не восстановились.

– Ничего себе...

– И ты думаешь, то же может случиться и здесь? – требовательно спросил отец Дита.

– Не обязательно. Наша охрана намного лучше. Наш начальник станции служил в человеческом космосе, и он знает, на что способны эти животные, когда действуют вместе. Я лишь рассказываю, как это выглядит, надеясь, что вы предпримете меры. Нам бы хотелось обойтись без потерь.

Рхафу был полон странной двойственности, которой отличались служившие в человеческом космосе сангари. Одиночек и небольшие группы он называл животными. Более крупные сообщества повышал до статуса рабов. Человечество за пределами владений сангари он называл людьми, почти их не принижая. Отношение к ним отражало отношение его расы к тем, кого они использовали как ресурс.

– Если так пойдет и дальше, придется забить лучших производителей, чтобы это прекратить.

– Рхафу, – спросил Дит, – что случилось с животными на Медном острове?

– Главы Префактла проголосовали за их истребление.

– О...

Дит пытался не думать о погибших животных, но он еще был слишком юн, чтобы полностью очерстветь. Если бы они не были так похожи на сангари...

– Я подумаю о том, что ты мне рассказал, Рхафу. – Рука Норбона снова легла на плечо Дита. – Утром собираются главы департаментов. Там мы решим, как поступать. Идем, Дит.

Они осмотрели просторную, герметично закрытую теплицу с ситлаком. Семена уже дали ростки. Какое-то время спустя зараженную вирусом плазму зерен предстояло переработать в «звездную пыль» – вызывающий самое быстрое привыкание и самый смертоносный наркотик из всех, когда-либо известных человечеству.

Подсевшие на «звездную пыль» жили недолго, но за это время успевали обеспечить поставщикам-сангари гарантированный доход.

Ситлак составлял основу богатства многих не самых крупных семейств, поддерживая экономику сангари. И именно он являлся корнем их веры в изначально животную сущность человечества. Ни одно по-настоящему разумное существо не выбрало бы добровольно столь унижительный, медленный и болезненный способ самоубийства.

Дит откровенно скучал, едва слыша замечания отца. Ему было безразлично то благополучие, которое обеспечивала надежная и консервативная сельскохозяйственная программа. Он был слишком юн, чтобы разбираться в нуждах взрослых. И, как все юноши, предпочитал рискованную и романтическую жизнь, вроде той, что вел когда-то Рхафу, гарантированному доходу от производства наркотиков.

Когда Рхафу служил помощником артиллериста во время набега в сферу Уланта, он был не намного старше, чем сейчас Дит.

Для бедняков-сангари набеги были единственным способом скопить средства, необходимые для основания семейства. Да и семьи иногда решали финансовые проблемы набегами – когда нуждались в быстрых деньгах. Именно благодаря набегам прославились большинство героев и исторических персонажей сангари.

Будучи консерватором, Норбон не владел никакими подходящими для набегов кораблями-рейдерами. Его транспорты снабжались лишь легким вооружением, чтобы у капитанов не возникло искушение заняться в свободное время пиратством.

Семья Норбон крепко стояла на ногах, занимаясь торговлей рабами для утех и «звездной пылью». И не имело значения, что изначально состояние они сколотили на набегам. Деньги, «старее», всегда становились все консервативнее и респектабельнее.

Дит в очередной раз решил, что, когда станет главой семьи, обязательно построит рейдерские корабли. Все говорили, что сферы людей и улантонилов скоро столкнутся, и это пахло войной. Когда на кону стояли жизненное пространство и ресурсы, чужие расы брались за оружие. Период, пока шли все необходимые согласования и договоренности, мог стать настоящей удачей для капитана рейдера.

Норбона в Дита, Грозу Космических Трасс, вернул к реальности отец, толкнув в бок:

– Дит! Проснись, малыш. Пора возвращаться в Большой дом. Мама нас ждет.

Взяв отца за руку, Дит позволил увести себя из купола. Ему не хотелось никуда идти. Даже прозаические поля ситлака куда лучше, чем вечеринки.

Одну такую вечеринку планировала на этот вечер мать. Там должны были присутствовать все, кто хоть что-то значил среди семейств Префактла, – включая нескольких таких же, как и он, наследников, которые в отсутствие взрослых вполне могли затеять драку. Возможно, ему придется пострадать, защищая честь семьи.

Он понимал, что для матери это своего рода обязанность. Подобные мероприятия помогали сгладить трения между семьями. Но почему ему нельзя было остаться в своей комнате и полистать книги о великих налетчиках и торговых агентах? Или даже заняться учебой?

Дит вовсе не хотел, чтобы его будущая жена устраивала вечеринки. Они крайне его утомляли. Вокруг бродили пьяные взрослые, которые постоянно задирали друг друга, или, что еще хуже, сажали его на колени и сюсюкали о том, какой он чудесный малыш, обдавая запахом перегара.

Пить он тоже никогда не собирался. Капитану рейдера требовалась ясная голова.

5. Год 3052

Мой отец однажды сказал, что люди во многом напоминают бильярдные шары и молекулы газа, которые случайно сталкиваются друг с другом, разлетаясь под неожиданными углами. Второе столкновение может вызвать третье, и так далее. Имея дело с людьми, невозможно определить инициатора, поскольку человеческие взаимоотношения игнорируют законы термодинамики. Однако в том, что касается Теневой Черты, можно проследить события вплоть до человека по прозвищу Лягуш.

Отец говорил, что Лягуш напоминал вырвавшийся на свободу шар-биток, отправлявший в полет от борта к борту шары-людей.

Отец никогда не встречался с Лягушом. И сомнительно, чтобы Лягуш когда-либо слышал о моем отце. Так оно порой бывает.

Масато Игараси Шторм

6. Год 3007

ЧЕРНОМИР (ссылка: «Новый пересмотренный Моргановский каталог звезд, планет, астероидных стандартов и космических явлений», издание 3007 г.): единственная планета белого карлика A257-23, всегда повернутая одной стороной к солнцу. Уникальна в том, что это единственная такого рода планета, колонизированная человечеством. Небольшое население обитает в семи городах-куполах, и каждый является корпоративным государством. Главная отрасль промышленности: горнодобывающая. Главный предмет экспорта: редкоземельные элементы. Население: в основном негроидной расы, потомки участников Первой экспансии. Название планеты, однако, происходит оттого, что жизнь на ней сосредоточена на темной стороне. Главная туристическая достопримечательность: Громовые горы на западном терминаторе, где незначительные пертурбации медленного вращения планеты приводят к чудовищной тектонической активности из-за теплового расширения и сжатия.

7. Год 3020

Если судить о Черномире по упоминанию в справочнике, вряд ли он кого-то мог удивить – разве что тем, что там вообще кто-то живет.

Это был настоящий ад. Даже местные жители порой удивлялись, почему там вообще живут люди.

По крайней мере, так считал Лягуш, когда, ругаясь на чем свет стоит, резко переключил левую гусеницу на задний ход.

– Черт бы побрал эту тепловую эрозию в долбаном Белоземье, да еще именно сейчас, – пробормотал он, свободной рукой показывая непристойный жест не то обелиску, не то ориентиру, который называл Большим Хером.

Лягуш расслабился и замечтался, пока ехал знакомой дорогой. Он неверно выбрал направление на Большой Хер, и его занесло на территорию, не нанесенную заново на карту с тех пор, как солнце в последний раз окунуло в ущелье пылающий палец.

К счастью, он не слишком спешил, и его насторожил первый же хруст под правой ведущей гусеницей. Быстро затормозив и слегка дернув краулер назад, он сумел вытащить машину.

Лягуш облегченно вздохнул.

По эту сторону от Края Мира особая опасность ему не грозила. Другие краулеры могли добраться до него и в темноте.

И тем не менее его прошиб пот. Плевать, где случилась авария. Его финансы не давали права на ошибку. Стоит один раз напортачить, и можно считать, что он труп.

Случившемуся не было оправдания – не важно, на Солнечной стороне или на Темной. И это еще больше злило Лягуша.

– Будешь делать ошибки – не успеешь состариться, идиот, – проворчал он, глядя на отражение в экране перед собой.

На самом деле никто не знал, сколько ему лет, а сам он никому не говорил. Но в Крайгороде были те, кто слышал, как он рассказывал в тавернах истории о похождениях своего отца с Дьявольской гвардией, а гвардия развалилась столетие назад, сразу после войны с улантонидами. По консервативным оценкам, ему было семьдесят с небольшим. Он был известной личностью в городе на памяти каждого.

Лягуш был последним представителем профессии, которая начала исчезать, когда послевоенное восстановление торговли привело к громадному спросу на металлы Черномира. После чего стало неизбежным появление крупной добывающей корпорации. Лягуш остался единственным выжившим независимым старателем Крайгорода.

В прежние времена, когда Блейки только создавали Горно-металлургическую корпорацию, ему грозила куда большая опасность в самом Крайгороде, чем на Солнечной стороне. Теперь же конкуренция с его стороны стала столь несущественной, что корпорация не обращала на него внимания. По сути, Блейк даже помогал ему выживать – примерно так, как исторические общества сохраняют старые дома. Лягуш стал осколком прошлого, которым можно было похвастаться перед гостями города.

Лягуша это не особо волновало. Он жил своей жизнью, ругая вообще всех и Блейка в частности, и продолжал заниматься тем, что лучше всего умел.

Он был лучшим старателем из всех, когда-либо работавшим на Теневой Черте. И все прекрасно об этом знали.

И тем не менее жизнь одиночки в эпоху корпораций была сложна и опасна. Блейк давно заявил права на все легкодоступные месторождения на Солнечной стороне. В погоне за добычей Лягушу приходилось совершать долгие поездки к Теневой Черте, занимавшие три дня и больше. А затем – короткие исследовательские вылазки под палящие лучи солнца, пока не удавалось найти хоть что-то ценное. Он заполнял резервуары, разворачивался и тащился домой. Обычно привезенного хватало на оплату техобслуживания, немного пива и следующую поездку.

Если его спрашивали, он не мог объяснить, зачем вообще этим занимается. Казалось, он просто следует заведенному распорядку, повторяющемуся день за днем ритуалу, который, по крайней мере, обеспечивал стабильность в жизни.

Обогнув тепловую эрозию на не знавшей тени почве, Лягуш проехал еще несколько километров. А затем – свернул в боковой каньон, где собирались газы Солнечной стороны, замерзая в виде снега. Ему встретился конвой Блейка, который приветствовал его, мигнув бортовыми огнями. Он ответил тем же, без особой злобы пробормотав: «Сукины дети».

Они сами были такими же старателями, и не они определяли политику.

Ему пришлось вручную загружать снег, чтобы ионизировать его в теплообменной системе. Деньги приходилось экономить любой ценой. И что с того, что краулеры корпорации использовали автоматические погрузчики? У него оставалась свобода и немного денег, чтобы выпить. Плата за погрузку свела бы на нет крошечную прибыль.

Закончив махать лопатой, он решил заглушить двигатель и поспать. Годы давали о себе знать, и он уже не мог побывать в Громовых горах и у Теневой Черты за одну поездку.

День был фикцией, которую черномирцы подстраивали под личные биоритмы. У Лягуша они были достаточно быстры. Он редко впустую тратил время на потребности тела, предпочитая расходовать его на потребности души, хотя и не мог точно сказать, что под этим подразумевается. Он понимал, когда доволен, а когда нет. Первое имело место, когда он добивался цели. Его недовольство и раздражение лишь росли, когда приходилось тратить время на еду или сон или иметь дело с другими людьми.

Он был прирожденным мизантропом. Мало кто ему нравился. Большинство казались ему эгоистичными, невежественными и утомительными. Он спокойно относился к тому, что таким же могут считать и его самого. В жизнь же других он попросту вежливо не вмешивался.

На самом деле, хоть он и мог признать это лишь в часы бессонницы, Лягуш боялся людей. Он попросту не знал, как с ними общаться.

Женщины повергали его в ужас. Их он вообще не понимал. Впрочем, это не имело значения. Он оставался самим собой, слишком старым, чтобы меняться, и чаще был доволен жизнью, чем нет. Сам факт, что он примирился с этой вселенной, сколь бы странной та ни была, казался ему достойным достижением.

Его небольшая древняя горнодобывающая установка напоминала плоское членистое чудовище длиной в двести метров. Каждый рабочий рычаг, кожух с датчиками, антенна и проекционная решетка были отполированы до зеркального блеска. Их были десятки, из-за чего машина походила на огромную, невероятно сложную многоножку. Она делилась на сочлененные секции, и у каждой были собственные двигатели. Питание и управление осуществлялись из секции, где размещалась кабина Лягуша. Все остальные были транспортными и рабочими придатками, которые при необходимости легко было отбросить.

Однажды, из-за ошибки компьютера, утратившего контроль за последней секцией, Лягуш лишился одного придатка. Он выл и ругался, словно отец, потерявший первенца.

Отвалившаяся секция теперь превратилась в грудку металлолома далеко за Теневой Чертой. Блейк воспринимал ее как своеобразный ориентир, обозначающий границу между его собственной территорией и территорией Лягуша. Сам Лягуш не забывал взглянуть на нее во время каждой вылазки.

Ничто брошенное не могло долго просуществовать на Солнечной стороне – с ним быстро расправлялось дьявольское солнце. Лягуш покосился на свое потерянное дитя, напоминая себе о том, что бывает с чересчур неосторожными.

Его машина рассчитывалась на продолжительную работу при температурах, часто превышавших две тысячи градусов Кельвина. Ее системы охлаждения отличались выдающейся изобретательностью. Потроха краулера защищала толстая оболочка из гибкой молибденово-керамической губки, натянутая на ячеистую раму радиатора из молибденового сплава. Внутри губчатой оболочки под высоким давлением циркулировал охладитель.

Под зеркальной поверхностью обшивки, на случай, когда краулер оказывался под солнечными лучами, пролегал второй рубеж защиты – магнитные экраны, под которыми циркулировали ионизированные газы. Молекулярный сортировщик отправлял назад тонкий поток частиц с самой высокой энергией. Солнечный ветер гнал ионы на Темную сторону, где они замерзали и впоследствии могли вновь перебраться на каком-нибудь краулере на Солнечную сторону.

Краулер в лучах солнца, если смотреть на него с Солнечной стороны через соответствующие фильтры, напоминал длинную приземистую сверкающую комету. Сама машина полностью скрывалась внутри газообразной куколки.

Магнитные экраны не только содержали в себе ионную оболочку, но и отражали стуски заряженных частиц, извергаемых нестабильным солнцем Черномира.

Несмотря на все эти технологии, внутри краулера стояла дьявольская жара. Старателям приходилось облачаться в скафандры, столь же объемистые и неуклюжие, как и во времена первых космических полетов.

Теплообменная система Лягуша, несмотря на всю мощь и крайнюю эффективность, не могла справиться с прямыми солнечными лучами в течение сколько-нибудь долгого времени. Невыносимо жаркое солнце Черномира висело слишком близко к планете.

Лягуш привел в действие лазер связи. Лишь высокоэнергетические лучи могли пробиться сквозь солнечные помехи. Он щелкнул переключателями, запуская экраны и теплоотводы. Его многолетний товарищ словно ворчал и бормотал себе под нос. Смесь знакомых звуков и вибраций успокаивала, и в их окружении Лягуш чувствовал себя намного лучше.

В своем краулере он ощущал себя по-настоящему живым и реальным – настолько, насколько мог ощущать себя таковым любой на Черномире. Более того, он бывал на Солнечной стороне как минимум в пять раз чаще, чем кто-либо другой.

Он ткнул пальцем в пульт связи, и луч, коснувшись вершины на Теневой Черте, зафиксировался на автоматическом ретрансляторе.

– Говорит Лягуш. Я у самой Черты. Эй вы, пластиковые уроды, – дайте-ка мне тень.

Лазерный луч передал поток пульсирующих сигналов. Где-то там машина проверила его баланс и совершила перевод в пользу Горно-металлургической корпорации Блейка. На экране Лягуша вспыхнул зеленый огонек, сообщая, что все в порядке.

– Еще бы было не в порядке, – буркнул он. – Вам так легко от меня не отделаться.

Он не собирался платить Блейку за загрузку сырья для ионизации, пока справлялись его старые мышцы. Но и экономить на безопасности на Солнечной стороне не стоило.

В былые времена приходилось путешествовать от Края Мира до Теневой Черты под лучами солнца. Лягуш проделывал это тысячи раз. Затем Блейк придумал способ противостоять дьявольскому пламени, и Лягуш не стеснялся к нему прибегать. Несмотря на всю экономность и независимость, дураком он не был.

Краулер работал на холостом ходу, ворча себе под нос. Лягуш смотрел на выжженную равнину, которая постепенно темнела. Подав мощность на гусеницы и системы охлаждения, он вкатился в тень пылевого облака. Последнее выбросили на многокилометровую высоту воздушные потоки на периферийной станции Блейка у подножия Теневой Черты. Его компьютер поддерживал связь с тамошним навигатором корпорации, обрабатывая данные, переданные другими краулерами, и постоянно считывая информацию с собственных приборов.

Поездка казалась ему парой пустяков. Перед ним лежала хорошо знакомая и безопасная дорога, похожая на укатанное шоссе.

Маленькие глазки Лягуша осмотрели кабину. Его окружали ряды экранов, огней и циферблатов, которые он читал так, будто сам был частью компьютера.

Несколько экранов показывали внешний вид в стороне от низко висящего солнца, неизменно сиявшего. На остальных отображалась информация, полученная с лазерного радара и акустических датчиков модулей краулера. Большой круглый экран перед Лягушом отображал вид из зенита на его машину и территорию в радиусе километра вокруг. Картина выглядела живо и ярко. Контуры были очерчены голубым, тепловые области изображались в виде оттенков красного. Залежи металла показывались зеленым, хотя здесь они почти исчерпались, и зеленого почти не было видно.

Приборы сообщали об исправности прицепных секций, состоянии реактора, уровне газа в резервуарах, а также тщательно следили за системами жизнеобеспечения.

Машина Лягуша была старой и относительно простой – и при этом невероятно сложной. На машинах корпорации ездили по двое и по трое, а в более долгие поездки брали с собой сменный персонал. Но на этой планете не существовало ни одной живой души, общество которой Лягуш вынес бы внутри краулера.

Убедившись, что машина в очередной раз покорит Солнечную сторону, Лягуш вновь впал в ворчливое настроение.

– Надо было присоединиться к какому-нибудь конвою, – пробормотал он. – Вполне можно было бы договориться, черт побери. Вот только у кого хватит времени ждать, пока Блейк пошлет своих прихвостней?

Его членистый левиафан загрохотал, словно надвигающееся землетрясение. Он прибавлял скорость, пока не достиг максимальных двенадцати километров в час. Сонары послали сигнал, ожидая возвращения звука, создаваемого гусеницами краулера, и сообщая компьютеру детальный портрет окружающей местности. Поездка к Теневой Черте занимала самое меньшее три часа, а в отсутствие атмосферы, которая могла бы удержать создававшую тень пыль, дорога была каждая секунда. Мешкать он не собирался.

Поездка в очередной раз прошла без происшествий. Добравшись до конца Теневой Черты, он немедленно послал сообщение Блейку, чтобы тот обеспечил тень, и выключил двигатели.

– Опять тебе все сошло с рук, старый ты сукин сын, – пробормотал он себе под нос, откидываясь на спинку кресла и закрывая глаза.

Насчет этой поездки ему нужно было всерьез подумать.

8. Год 3031

Шторм убрал кларнет в футляр. Повернувшись к сидевшему на столе существу, он медленно наклонился, и они соприкоснулись лбами.

С воронопутем следовало вести себя осторожнее – в одно мгновение тот мог выглядеть преданным, словно щенок, а в следующее пустить в ход когти. Эти создания были крайне чувствительны к чужому настроению.

На Шторма никогда не нападали «питомцы». Никогда не предавали его и сторонники, хотя их верность порой выглядела чрезмерной.

В свое время Шторм тщательно взвесил полезность воронопутей, учитывая их непредсказуемость, и решил, что риск того стоит.

Их мозг цепко удерживал все события последнего часа. Шторм мог телепатически прочитать их память, соприкоснувшись лбами. Способность к запоминанию и телепатии, похоже, стала частью их адаптации к постоянной жизни в тени.

Воронопуты непрестанно рыскали по крепости. Не знаящие об их способностях люди Шторма ничего не скрывали. Эти создания снабжали его намного большей информацией, чем любая система подслушивающих устройств.

Он обзавелся ими во время встречи с Ричардом Хоксбладом на Сломанных Крыльях. С тех пор к его осведомленности относились с суеверным страхом, и он поощрял подобное мнение. Легион был продолжением Шторма, проявлением его воли, и ему хотелось, чтобы тот воспринимался как его часть.

Но, несмотря на всю осведомленность, некоторые его люди не прекращали совершать поступки, из-за которых возникала необходимость в ящерах.

Он никогда не боялся прямой измены. Его сторонники были обязаны ему жизнью. Преданность их порой граничила с фанатизмом, но все, что они делали, шло ему во благо.

За двести лет он смирился с превратностями человеческой натуры. Каждый считал себя окончательным авторитетом в управлении вселенной. Таково было неизменное последствие человеческой эволюции.

Шторм спокойно их поправлял. Ему не были свойственны гнев и ярость. Как он обнаружил, легкое неодобрение порой приводило к лучшим результатам, чем самый суровый выговор.

Разум его захлестнули образы и диалоги, хранившиеся в мозгу воронопута. Он выбрал из потока фрагменты, которые его интересовали.

– Проклятье! Опять они за свое.

Что-то подобное он подозревал уже давно. Его сыновья, Бенджамин, Гомер и Люцифер, всегда тайно замыслили уберечь старика от его причуд. Почему они так ничему и не научились? Почему они не могли быть как Торстон, его старший? Торстон, может, и не отличался особым умом, но во всем слушался отца.

Или, еще лучше, – почему они не могли быть как Масато, самый младший? Мыш был не просто умен, – возможно, он превосходил любого в их семье.

Сегодня мальчики защищали отца от, как они считали, самой большой его слабости. Порой, в минуты мрачных раздумий, он даже готов был с ними согласиться. Его жизнь могла быть безопаснее, спокойнее и богаче, если бы он более прагматично отнесся к Майклу Ди.

– Майкл, Майкл... У меня бывали враги, которых я в большей степени мог бы назвать братьями, чем тебя.

Открыв ящик стола, он нажал кнопку, отправив сигнал вызова в путешествие по Железной крепости. Ожидая ответа Кассия, он вернулся к кларнету и «Страннику на берегу».

9. Год 3031

Мыш вошел в кабинет полковника Уолтерса.

– Полковник на месте? – спросил он ординарца.

– Да, сэр. Вы хотели его видеть?

– Если он не занят.

– Вас хочет видеть Масато Шторм, полковник, – сказал ординарец в коммуникатор. Он повернулся к Мышу. – Идите, сэр.

Мыш шагнул в спартански обставленное помещение, служившее Таддеусу Иммануилу Уолтерсу кабинетом и убежищем, – настолько же пустое, насколько был загроможден кабинет его отца.

Полковник стоял на коленях спиной к двери, глядя вдоль стола на маленький пластмассовый самосвал, круживший по пластиковой дорожке. Игрушка выгружала из кузова стеклянные шарики, после чего совершала круг и, проделав ряд замысловатых операций, снова загружала шарики. А затем все начиналось сначала. Полковник тыкал маленькой отверткой в устройство, которое поднимало шарики для загрузки. Два не попали в кузов.

– Мыш?

– Он самый.

– Когда ты вернулся?

– Вчера ночью. Поздно.

– Уже видел отца?

Уолтерс подкрутил подъемник отверткой, но безрезультатно.

– Я только что от него. Похоже, он опять не в духе. Я не стал его беспокоить.

– Так и есть. Что-то случилось. Он это чувствует.

– Что именно?

– Пока точно не знаю. Черт побери, а я-то думал, эти штуковины поддаются ремонту. – Он бросил отвертку и встал.

Уолтерс был на несколько десятков лет старше Гнея Шторма, худой и смуглый, с холодным выражением лица, орлиным носом и узкими глазами. При рождении ему дали имя Тад-

деус Иммануил Уолтерс, но друзья звали его Кассием. Это прозвище он получил на первом курсе Академии, предположительно за тощую фигуру и холодный блеск в глазах⁶.

Он многим внушал тревогу. Взгляд его был подобен взгляду змеи. Мыш знал его всю жизнь, но до сих пор чувствовал себя в его обществе неуютно. «Станный человек, – подумал он. – Его профессия – смерть. Он не раз ее видел. И при этом ему нравится чинить старые игрушки».

У Кассия осталась только одна кисть руки, левая. Вторую он потерял давным-давно, по вине Фирчайлда Ди, сына Майкла Ди, когда они с Гнеем участвовали в операции на одной планете, ничем больше не запомнившейся. Как и Шторм, он отказался от исправления увечий, заявив, что они напоминают ему об осторожности.

Кассий был в Легионе с самого его возникновения, еще до рождения Гнея, на планете под названием Префактл.

– Зачем вы хотели, чтобы я вернулся? – спросил Мыш. – Ваше сообщение чертовски меня напугало. А потом я возвращаюсь, и оказывается, что все почти нормально.

– Нормальность – лишь иллюзия. Особенно здесь. И сейчас.

Мыш вздрогнул. Голос Кассия звучал абсолютно бесстрастно – он лишился гортани из-за улантонидской пули на Сьерре. Протез мог воспроизвести лишь один низкий хриплый тон, будто у примитивного говорящего компьютера.

– Мы чувствуем, когда кто-то собирает силы. Когда поживешь с наше, тоже научишься.

Кассий что-то проделал со своей игрушкой, а затем, повернувшись к Мышу, резко взмахнул кулаком.

Удар мог оказаться смертельным. Мыш скользнул в сторону и присел, готовясь защищаться.

Узкие бледные губы Кассия изогнулись в улыбке, казавшейся чужой на его лице.

– А ты молодец.

– Поддерживаю форму, – улыбнулся в ответ Мыш. – Собираюсь пойти в Разведку. Что скажете?

– Справишься. Ты весь в отца. Жаль, что мы разминулись в прошлый раз, когда я был в Лунном командовании. Хотел кое с кем тебя познакомить.

– Я был в Крабовидной туманности. Участвовал в гонке на солнечных парусниках. Мы с напарником выиграли, даже победили команду звездных ловцов. А они чувствуют солнечный ветер, как рыба – воду в реке. Они выиграли четыре регаты подряд.

Мыш гордился достижением. В собственных играх звездные ловцы считались непобедимыми.

– Я слышал разговоры. Поздравляю.

Кассий был не только заместителем командующего Легионом и его доверенным лицом, но и теоретиком-тактиком. По словам некоторых, он знал о военном искусстве больше, чем кто-либо из ныне живущих, включая Гнея Шторма и Ричарда Хоксблада. Военный колледж при Лунном командовании иногда приглашал его прочитать лекцию или провести семинар. Самыми неудачными кампаниями для Шторма оказывались те, в которых ему не мог помочь Кассий. Хоксбладу удалось противостоять их объединенному военному таланту лишь однажды.

Раздался сигнал. Кассий взглянул на мигающий огонек:

– Это твой отец. Идем.

---

⁶ «А Кассий тощ, в глазах холодный блеск. Он много думает, такой опасен» (У. Шекспир. Юлий Цезарь. Перевод М. Зенкевича).

10. Год 3020

Самой известной природной достопримечательностью Черномира являлась Теневая Черта – четырехтысячекилометровая расселина в коре планеты. Ее обращенная к солнцу сторона возвышалась в среднем на двести метров над выжженной равниной. Уходящая на северо-запад расселина отбрасывала широкую полосу тени, которую старатели Крайгорода использовали как скрытую от солнца дорогу к богатствам Солнечной стороны. Расширяя область деятельности местных старателей, Теневая Черта давала Крайгороду гигантское преимущество над конкурентами.

Никто никогда не пытался добраться до конца Теневой Черты. В том попросту не было необходимости – в пределах первых сотен километров тени вполне хватало залежей. Прагматичные старатели избегали риска, который не обещал ничего, кроме чувства удовлетворения.

На Черномире люди не нарушали заведенного распорядка, если это не требовалось для выживания.

Но побитый жизнью коротышка по прозвищу Лягуш сейчас направлялся к концу Теневой Черты.

Подобная мысль приходила в голову каждому старателю – любой иногда невольно задумывался о том, чтобы свести счеты с жизнью. Лягуш в этом смысле ничем не отличался от других. Для него это был способ войти в историю – Черномир не мог похвастаться большим количеством первооткрывателей.

Лягуш уже давно размышлял на эту тему. Обычно он лишь посмеивался над собой – на такое мог решиться только идиот. А старина Лягуш идиотом не был.

В последнее время, однако, он все больше осознавал свой возраст и неминуемое приближение смерти. И все чаще возникала мысль, что он не совершил ничего такого, чтобы вписать свое бессмертие в будущее. Его ухода, по сути, никто бы не заметил, и мало кто стал бы его оплакивать.

Он знал лишь один образ жизни – старательство, а для старателя имелся лишь один способ достичь бессмертия. Добраться до конца Теневой Черты.

Лягуш еще не принял окончательного решения. Здравомыслящий опытный старатель в его душе вел яростное арьергардное сражение с самим собой.

Хотя правды от него не добился бы сам Торквемада, Лягушу хотелось произвести кое на кого впечатление.

Человечество в целом ничего для него не значило. Всю жизнь он был мишенью для насмешек и жестокостей и, что еще хуже, полного безразличия. Люди его не интересовали – за исключением одного-единственного человека.

Приемную дочь Мойру, светловолосую малышку, он нашел, блуждая по жалкому подобию космопорта, стоявшему в Крайгороде. Ее в спешке бросили стремившиеся избавиться от улик работорговцы-сангари, которых преследовал по пятам Флот. Девочке было лет шесть, она умирала от голода и вряд ли выжила бы среди кого-либо, кроме рабов. Судьба ее никого не волновала, пока толстокожий и туповатый коротышка-мизантроп, клоун Крайгорода, не оказался случайно рядом и его не тронул ее вид.

Мойра была не первой, кому он помог. Он не мог пройти мимо брошенного живого существа.

Прирезав извращенца-наркоторговца, он забрал испуганную, словно отобранный от матери котенок, девочку к себе домой. Принес ее в крошечную квартирку-логово позади водопроводной станции в служебном подземелье Крайгорода.

Девочка до предела осложняла ему жизнь, но он вложил в нее всю свою тайную сущность. И теперь, думая о смерти, он хотел остаться в ее памяти человеком, жизнь которого сводилась

не только к мегалитрам пролитого в скафандре пота и упрямой гордости, чрезмерной для его маленького роста.

Проснувшись, Лягуш все еще сомневался, как ему поступить. Самые дальние путевые маркеры, которые он сам поставил во время предыдущих вылазок, находились всего за тысячу километров вдоль Теневой Черты.

Первая четверть пути была самой легкой. Компьютер мог вести машину в соответствии с маркерами, освободив ему для работы или ничегонеделания четыре полных дня, требовавшихся, чтобы добраться до последнего маяка. Затем придется перейти на ручное управление, исследуя новую территорию и ставя маркеры, которые помогут вернуться. Он также нуждался в остановках для сна, и ему требовалось время на эксперименты, чтобы выбрать подходящий путь. Чтобы преодолеть три тысячи километров, понадобится вечность.

Путь занял тридцать один день и несколько часов. Все это время Лягуш предавался всем известным старателю грехам, за исключением одного – самоубийства. А Смерть таилась в тени, с усмешкой подстерегая жертву, и Лягуша не оставлял вопрос: когда из тьмы вылетит мясницкий крюк и выдернет его из мира живых?

Лягуш знал, что не вернется.

Ни один краулер, даже самая новая машина корпорации, не был рассчитан на столь долгое путешествие. Его древняя развалина не переживет еще четыре тысячи километров подобных испытаний.

Даже если ему повезет и механика выдержит, у него все равно закончится кислород. Системы регенерации не работали в полную силу.

Когда резервуары опорожнились наполовину, он остановился и глубоко задумался. А потом продолжил путь, поставив собственную жизнь на то, что сумеет проехать назад достаточно далеко, чтобы его спасли вместе с доказательством совершенного достижения.

Лягуш играл в покер и делал крупные ставки, не моргнув глазом.

Он отпраздновал успех, нарушив собственное нерушимое правило – сняв скафандр.

У человека без скафандра не было шансов пережить даже малейшее повреждение краулера. Но Лягуш провел в проклятой оболочке, ощущая собственный запах, половину жизни. Чтобы не закричать от отчаяния, нужно было наконец из нее выбраться.

Он наслаждался опасным и сладостным ощущением свободы. Он даже потратил воду на то, чтобы помыться самому и вымыть внутренность скафандра. А затем он принялся опустошать ящик пива, который дурацкий внутренний голос подсказал ему погрузить в отсек для инструментов.

На середине ящика он связался с Блейком и громогласно объявил о своей победе. Потом он исполнил парням с теневой станции несколько своих лучших непристойных песенок. Те не нашлись с ответом. Не успев покончить с пивом, он заснул.

По пробуждении к нему вернулся здравый рассудок.

– Ну и дурак же ты, старина. Что на тебя вдруг нашло, черт побери? Девять идиотов в одном – вот ты кто. – Он забрался в скафандр. – Ох, Лягуш, Лягуш. Похоже, ты доказал, насколько сумасшедший. Они уже все знают.

Он уселся в кресло. Пора было возобновить ежедневный спор посредством маяков-маркеров с контроллером на станции Блейка.

– Сукин сын, – пробормотал он. – Сегодня ему придется засунуть свои амбиции в задницу. Ты все-таки сделал из него лжеца, Лягуш.

Слышал ли его кто-то еще? Кто-либо в Крайгороде? Вполне вероятно. Возможно, теперь уже знал весь город. Старик наконец доказал, что он в самом деле настолько чокнутый, как все думали.

Для них это наверняка станет большим приключением, особенно пока он будет тащиться назад, а его телеметрия – сообщать о падающем уровне кислорода. Многие ли сделают ставки на то, что он доберется? И насколько больше будет тех, кто поставит на обратное?

– Угу, – пробормотал Лягуш. – Без зрителей точно не обойдется.

Он вдруг почувствовал себя выше ростом, красивее и богаче, настоящим мачо. Хоть однажды ему удалось стать чем-то большим, нежели городским шутом.

Но Мойра... От хорошего настроения не осталось и следа. Бедной девочке придется пройти через настоящий ад.

Лягуш не сразу вышел на связь. Какое-то время он смотрел на экраны, на что у него не нашлось времени прошлой ночью, когда он оказался в ловушке у свершившихся фантазий.

Вдоль всей Теневой Черты он не видел ничего, кроме черных утесов слева и пылающей Солнечной стороны справа. Каждый километр ничем не отличался от предыдущего и последующего. Ему не удалось найти Эльдорадо, в которое все они верили в старые времена, когда были начинающими старателями, соревновавшимися друг с другом за лучшие залежи. После первой тысячи девственно-чистых километров он перестал высматривать золотую жилу.

Даже здесь все выглядело так же, не считая того, что контуры расселины расходились в стороны, теряясь среди адской равнины за концом Теневой Черты. Но на главном экране виднелось нечто, цеплявшее взгляд, – желтое пятно, становившееся все ярче по мере продвижения вперед.

Там, куда едва доставали датчики, оно пылало ярко-оранжевым.

Желтый цвет. Радиоактивность. Оранжевый означал столь высокий ее уровень, что она генерировала тепло. Лягуш уставился на большой экран. Он находился над краем пятна, которое облучало его сквозь пол машины.

Он заколотил по клавишам компьютерного терминала, требуя ответа.

У идиотского ящика имелось в распоряжении немало часов, чтобы наиграться с данными. И у него уже была готова гипотеза.

– Что за черт? – Лягушу она не понравилось. – Попробуй еще раз.

Компьютер отказался, зная, что прав.

По информации компьютера, в мантии планеты имелось тонкое место там, где до поверхности дотянулся палец магмы. Конвекционные течения из глубины вынесли в образовавшийся карман более теплые радиоактивные вещества. За многие тысячелетия сформировалась легендарная жила.

Лягуш с трудом, но поверил. Ему хотелось верить. Он не мог не верить. Именно ради этой находки он рисковал жизнью. Теперь он был богат...

Эйфория вскоре сменилась более практическими соображениями. Нужно преодолеть радиоактивность и проникнуть на шесть километров вглубь мантии. И найти способ победить солнце, поскольку жила располагалась за концом Теневой Черты... Для ее разработки требовались ядерные заряды, множество оборудования, легионы теневых генераторов, логистика военных масштабов. Придется набрать и обучить дивизии людей. И изобрести новые технологии, чтобы извлечь из почвы расплавленную магму...

Его мечты улетучились, словно дым, в длинные безмолвные коридоры вечности. Он был всего лишь Лягушом, маленьким человеком. Даже у Блейка не нашлось бы ресурсов, чтобы решить эту задачу. Потребовались бы десятилетия безвозвратных вложений лишь для того, чтобы создать необходимые технологии.

– Черт побери! – рывкнул он и тут же рассмеялся. – Что ж, на одну минуту ты все же стал богачом, Лягуш. И до чего же это было чертовски здорово! – Он задумался. – В любом случае нужно подать заявку. Может, когда-нибудь кто-нибудь захочет купить франшизу на разработку месторождения.

Нет, подумал он. Не выйдет. Франшизу мог приобрести только Блейк, а он не собирался делать кого бы то ни было богаче. И обязательно приберет всю эту хрень к рукам.

Но поразмыслить было о чем. Вне всякого сомнения.

С трудом сдерживая злость, Лягуш приказал компьютеру закрыть доступ ко всем данным, касающимся жилы.

11. Год 3031

Кассий вошел в кабинет. Мыш держался за его спиной.

– Ты хотел меня видеть?

Шторм убрал кларнет в футляр, поправил повязку на глазу и кивнул:

– Да. Мои сыновья снова защищают меня, Кассий.

– Гм?

Кассий являлся семейной диковинкой, будучи не только заместителем Шторма, но также его тестем и зятем. Шторм был женат на его дочери Фриде, а второй женой Кассия стала старшая дочь Шторма от давно умершей женщины. Семейство Шторм и их военачальников связывали замысловатые, чуть ли не кровосмесительные отношения.

– Сюда приближается яхта, – сказал Шторм. – Ее преследует крейсер. Оба корабля опознаются как корабли Ричарда. Парни активировали против них минные поля.

Холодный взгляд Кассия стал еще холоднее. Нахмурившись, он покачался на носках и сказал:

– Майкл Ди. Опять.

– И мои парни полны решимости его ко мне не подпустить.

У Кассия имелись свои соображения насчет разумности действий парней, но он предпочел их не высказывать.

– Майкл решил вернуться? – спросил он. – После того, как похитил Полианну? Он куда безрассуднее, чем я полагал.

Шторм усмехнулся, но тут же посерьезнел, увидев хмурое лицо Кассия:

– Верно. И ничего смешного тут нет.

Полианна Эйт была женой его сына Люцифера. Они долго не вступали в брак, и их союз стал катастрофой. Достаточно сказать, что девушка не относилась к числу тех, кто был во вкусе Люцифера.

Люцифер оставался любимым ребенком Шторма, несмотря на все его усилия усложнить жизнь отцу. Люцифер обладал музыкальным и поэтическим талантом, но ему не хватало благоразумия, чтобы посвятить себя им. Он мечтал быть солдатом.

Шторм не хотел, чтобы дети шли по его стопам. Его профессия была тупиком, историко-социальной аномалией, которой вскоре предстояло исчезнуть. Он не видел в ней ни будущего, ни очарования. Но он не мог отказать мальчикам в их желании остаться при Легионе.

Некоторые сыновья стали его главными помощниками.

Из тех, кто стоял у истоков Легиона, остались в живых лишь немногие – угрюмый старик Кассий, зловещие братья Вульф и Гельмут Дарксворды, несколько сержантов. Его отец Борис и братья – Вильям, Говард, Вердж и многие другие – нашли свою безвозвратную смерть.

Семейство старело и слабело. А враг по ту сторону ночи становился сильнее... Шторм что-то недовольно пробурчал. Хватит. Он становился игрушкой собственных навязчивых мыслей о неизбежности судьбы.

– Он везет ее назад, Кассий. – Шторм загадочно улыбнулся. Будучи искательницей приключений, Полианна вышла замуж за Люцифера скорее ради того, чтобы сблизиться с людьми, подобными Шторму, чем из любви к поэту. Майкл без труда пользовался ее неудовлетворенной жаждой действий. – Вот только, сопоставив все воедино, он испугался меня куда сильнее,

чем думал. Мы с ним встретились на Большой Сахарной Горе три недели назад и долго говорили наедине. Думаю, главную роль сыграл нож – Майкл слишком заботится о своей внешности. И его все еще беспокоит судьба Фирчайлда.

Мыш изо всех сил старался казаться незаметным. Отец уже несколько раз бросал на него хмурые взгляды, и он знал, что рано или поздно последует взрыв.

– Ты? Пытал? Ди? – Кассий не сумел выразить своего недоверия в одной фразе. – Уверен, что он сам это не подстроил, чтобы подняться в глазах других?

Шторм улыбнулся. В его улыбке чувствовалось что-то хищное, и Мышу она не понравилась, в очередной раз напомнив, что в отце есть нечто нечеловеческое.

– Мы уже столетия вместе, Кассий, но ты так до сих пор меня и не понял. Естественно, у Майкла есть свой пунктик. Такова его натура. И с чего ты решил, что пытаться его – для меня нечто необычное? Я обещал Майклу, что буду его защищать. Но это лишь означает, и он об этом знает, что сам я его не убью. И не позволю ему погибнуть с моего ведома.

– Но...

– Когда он встает на моем пути, у меня всегда остаются варианты. И я показал ему это на Сахарной Горе.

Мыш вздрогнул, увидев тонкую зловещую улыбку на губах Кассия. Кассий не мог постичь связь, существовавшую между сводными братьями, и ему нравилось, что Шторм сумел обойти ограничения, которые та на него налагала.

Кассия радовало, когда у кого-то из Ди случались неприятности. У него имелись свои обиды. Фирчайлд до сих пор расплачивался за руку.

«Они воистину жестокие люди, – с легким удивлением подумал Мыш. – Мои родственники. Никогда всерьез не думал...»

Он слишком долго отсутствовал и успел забыть об их темных сторонах.

– К делу, – сказал Кассий. – Если Полианна у Майкла, а Ричард его преследует – будет стрельба. Наше место – в Боевом центре.

– Я как раз хотел предложить туда пойти. – Шторм встал. – Прежде чем мои идиоты-сыновья избавят меня от напасти по имени Майкл Ди, – рассмеялся он, перефразируя Люцифера, который украл цитату у Генриха Второго, говорившего о Томасе Беккете. – И несчастной красотки Полианны вместе с ним.

«Бедняга Люцифер, – подумал Мыш. – Он единственный по-настоящему окажется в проигрыше, если ему удастся помешать Майклу причалить».

Шторм свистнул:

– Гери! Фреки! Ко мне!

Прекратив рыскать по кабинету, собаки выжидающе окружили хозяина. Они могли свободно бегать по крепости, но делали это лишь в его обществе.

Надев любимый длинный форменный плащ, Шторм посадил на руку воронопута и вышел. Кассий ступал в полушаге за ним. Мыш поспешил следом. Собаки убежали вперед в поисках несуществующих врагов.

– Мыш! – прорычал Шторм, останавливаясь. – Что ты тут делаешь, черт побери?

– Это я за ним послал, – стальным голосом ответил Кассий. Мыш вздрогнул. Естественно, он представлял нечто подобное, но голос Кассия звучал столь бесчувственно и безжизненно... – Я связался с друзьями в Лунном командовании, и они все устроили. Положение таково...

– Положение таково, что он мне здесь совершенно ни к чему, Кассий. У него есть возможность выбрать собственный путь. И ради всего святого, пусть он выберет его сам. Слишком многие мои дети уже угодили в эту ловушку.

Шторм двинулся дальше. Кассий повернулся к Мышу:

– Подожди в моем кабинете, Мыш. Я сумею его убедить.

– Да, сэр.

Мыш начал чувствовать то же, что и его отец. Крепость пронизывала аура рока. В воздухе висело ощущение великих событий, и отец не хотел, чтобы он в них участвовал. Кассий же считал иначе. Разногласия между ними казались Мышу немыслимыми, но его возвращение вполне могло стать их причиной.

Какая опасность угрожала крепости? Судя по боевым компьютерным моделям, лишь у Флота Конфедерации хватило бы сил, чтобы взломать ее оборону. А отец и Кассий вполне ладили с далеким правительством.

Оказавшись в одиночестве в кабинете полковника, Мыш глубоко задумался. Он понял, что подражает отцу. И он никак не мог остановиться.

Неужели все дело в Майкле Ди?

Его мучили дурные предчувствия.

12. Год 2844

Дит стоял рядом с матерью, застегнутый на все пуговицы, в дурацкой квадратной фетровой шляпе наследника семьи. Перед ними чередой проходили гости. Мужчины дотрагивались до его рук, женщины едва заметно кивали. Пью, двенадцатилетний наследник Дхарвонов, удостоил его взглядом, предвещавшим неминуемые неприятности. В ответ Дит скорчил угрожающую гримасу десятилетнему болезненному наследнику Сексонов. Мальчишка расплакался, а его родители в замешательстве засуетились вокруг.

Сексоны были единственным Первым семейством на Префактле, и им требовалось поддерживать соответствующий образ.

Дит понял свою ошибку лишь тогда, когда отец бросил на него еще более многообещающий взгляд, чем Дхарвон в Пью.

Сокрушаться по этому поводу он не стал, решив, что хуже все равно не будет, зато отпрыску Сексонов его визит запомнится с наилучшей стороны.

Вечер двигался по накатанной колее. Взрослые сразу же начали пить, и стало ясно, что ко времени ужина они вряд ли сумеют по достоинству оценить все тонкости кухни его матери.

Детей согнали в отдельное крыло большого дома, где они не путались под ногами, но находились под пристальным присмотром. И, как обычно, все попытки за ними присматривать потерпели неудачу.

Избавившись от «надзирателей», дети тут же занялись выстраиванием иерархии. Дит был самым младшим и не мог никого запугать, кроме наследника Сексонов.

Дит подумал, что, когда тот получит наследство, состояние Сексонов существенно уменьшится.

Сынок Дхарвонов питал к Диту особую ненависть. Пью отличался силой, но не умом. Однако его злобы и упорства оказалось достаточно, чтобы загнать жертву в угол.

Диту стало страшно, хоть он и не подавал виду. Пью могло не хватить ума вовремя остановиться, и он мог сделать нечто такое, что вынудило бы взрослых предпринять официальные меры. Отношения между Дхарвонами и Норбонами и без того были достаточно напряженными. Дальнейшие провокации могли привести к кровной мести.

Гостей позвали к ужину, и это спасло положение, подобно богу из машины.

Почему его мать приглашала тех, кто не любил их семейство? Почему общественное пренебрежение легче прощалось, чем попытки задавить конкурента?

Дит решил, что станет самым богатым сангари всех времен. Богатство создавало собственные правила. Он смог бы изменить многое так, чтобы оно стало куда разумнее.

Ужин показался ему невыносимо формальным и похожим на некий ритуал.

Царило гнетущее настроение, усиленное воздействием алкоголя. Вместо того чтобы поднимать дух и пробуждать дружеские чувства, он высвобождал всю зависть, ревность и злобу семейств, которые Норбоны не допускали на рынок Осириса.

Дит из всех сил пытался улыбаться, глядя на угрюмые лица сидевших за длинным столом. Но обстановка оставалась столь же мрачной, а лица гостей становились все неприязненнее.

За десертом старший Дхарвон вполголоса высказал все, что думал об остальных. Голос его становился все громче, и Диту стало страшно.

Дхарвон в стельку напился, а недержанием речи он страдал, даже будучи трезвым. Он мог сказать нечто такое, что загнало бы Норбона в угол, откуда не было иного выхода, кроме дуэли.

Будучи немногим умнее собственного сына, Дхарвон вполне мог оскорбить кого-то вполне приличного. И естественно, идиотская гордость толкнула бы его к кровной мести. Семейство Норбон расправилось бы с ним, словно лев с котенком, поглотив Дхарвонов целиком.

Но язык у этого идиота воистину был без костей. Словоизлияния продолжались.

Его соседи отодвинулись подальше, не желая иметь ничего общего с подобными высказываниями. Они были столь же завистливы, но не настолько глупы. Изобразив на лице мрачное равнодушие, они нависли над столом, будто ждущие добычи стервятники.

Сангари считали кровную вражду весьма занимательной, но только когда она не касалась их самих.

Судьба вмешалась всего за несколько секунд до того, как вызов на дуэль стал неизбежным.

В зал ворвался Рхафу – раскрасневшийся, потный и напуганный. Забыв о приличиях, он прервал своего работодателя.

– Господин, – выдохнул он в лицо Норбону, – началось. Полевые рабочие и производители напали на надсмотрщиков. У некоторых оружие, полученное от дикарей. Мы пытаемся их умирить, но возможно нападение из леса.

Гости взволнованно зашумели. Главы семейств и начальники станций требовали разрешения связаться со своими предприятиями. Лучшего времени для всеобщего восстания нельзя было выбрать. Те, кто принимал решения на Префактле, оказались слишком далеко от своих территорий.

Кто-то бормотал извинения, говоря, что вынужден покинуть собрание. Неуверенный ропот сменился испуганными криками.

Замешательства добавил офицер семейных войск Норбонов, который ворвался в зал, перекрикивая шум:

– Господин! Слушайте все! Сообщение с «Копья Норбонов»! – «Копье» было персональной яхтой главы семейства и его флагманским кораблем. – Силы величиной с флотилию только что вышли из гиперпространства внутри лунной орбиты. – (Кто-то чихнул, нарушив внезапную тишину. Сотня бледных лиц повернулась к военному.) – Ответа на запрос нет. Судя по типу кораблей, это человеческий флот. Сигнал «Копья» прервался, и мы не сумели снова с ним связаться. Мониторы показывают резкий рост гамма-излучения в точке его местонахождения. Компьютер сообщает, что генераторы взорвались от попадания в двигатели.

Тишина вновь сменилась шумом. Все пытались одновременно уйти, немедленно бежать прочь. На Префактл обрушился великий ужас сангари. Люди обнаружили своих мучителей.

По залу, ликуя, кружил вырвавшийся на свободу дьявол, сея ужас. Плакали дети. Кричали и рыдали женщины. Мужчины ругались и толкались, пытаясь первыми вырваться за дверь.

Нападениям подверглись и другие станции. Люди не знали жалости. Они желали полного истребления всего живого.

Естественно, Префактл был целой планетой, а планету нельзя было атаковать и оккупировать, словно жалкий островок в океане, – по крайней мере, не обладая подавляющим преимуществом в кораблях и людях. И несмотря на не слишком большое население, Префактл обладал развитой сетью обороны. Сангари хорошо охраняли свое имущество. В иное время флотилия вряд ли была бы способна на нечто большее, чем блокада планеты.

Но условия отличались от обычных. Те, кто принимал решения, сосредоточились вдали от сил, ответственных за отражение атак. Никто так и не сумел преодолеть гордость и упрямство семейств, сформировав централизованную структуру управления. Разнообразные семейные войска, чьи хозяева находились слишком далеко, бездельничали вдали от боевых постов. Или, в случае всеобщего восстания рабов, все силы бросили бы на его подавление. Быстро атаковав, люди могли высадиться на планету до того, как против них успели бы открыть заградительный огонь.

Даже Дит это понимал. И еще он понимал то, чего не понимали большинство взрослых. Атака и восстание были скоординированы, и время рассчитано как раз на разгар вечеринки.

У людей имелись сообщники на Префактле.

Их командиру требовалось лишь захватить станцию Норбонов, чтобы получить контроль над всей планетой. Уничтожив тех, кто принимал решения, и проведя корабли за оборонительный зонтик, они могли по частям разделаться с остальными владениями, небольшими силами завоевав целую планету.

От всего это пахло отчаянной дерзостью. К которой, естественно, подмешивалось предательство.

Какой-то смеющийся командир-человек, оказавшийся умнее большинства животных, собирался сделать на этом состояние.

За годы, прошедшие с тех пор, как люди обнаружили сангари и узнали, что их самих считают животными, они создали десятки законов, поощрявших к жестоким и беспощадным ответным действиям. Завоевателям какой-либо планеты обещали миллиарды. Даже самый нижний чин на корабле мог уйти в отставку и жить на проценты. Развитая планета могла стать бесценной добычей.

Сражения были жестокими и мрачными. Человеческая ненависть подпитывалась алчностью.

Отец Дита оказался столь же сообразителен, как и его сын. Он понял, что поражения и всеобщей гибели не избежать.

– Возьми мальчика и одень как раба, – сказал он жене. – Рхафу, иди с ней. Постарайся, чтобы он затерялся на площадке молодняка. Они друг друга не знают, и его примут за своего.

Мать Дита и старый зоотехник все поняли. Глава семьи цеплялся за единственную возможность спасти род.

– Дит, – присев, сказал отец, – ты ведь понимаешь, что происходит?

Дит кивнул, не решаясь ответить. Изучив и продумав все варианты, он всерьез испугался, и теперь ему не хотелось опозориться.

– Знаешь, что делать? Спрячься среди животных. Это несложно. Ты умный мальчик. Никто не подумает, что ты жив. Держись подальше от неприятностей. Когда появится возможность, возвращайся на Родину. Верни себе права главы семьи и объяви кровную месть тем, кто нас предал. Ради матери и меня. И всех наших, кто погибнет здесь. Понял? Сделаешь?

И снова Дит осмелился лишь кивнуть. Он пробежался взглядом по залу. Кто виновник? Кто те немногие, что увидят новый восход?

– Ладно. – Отец до боли сжал его в объятиях, чего никогда раньше не делал. Норбон не отличался избытком чувств. – Пока ты еще здесь... – Достав из кармана маленький ножик, он раскрыл лезвие и расцарапал кожу на левом запястье Дита, пока та не покрылась мелкими капельками крови. А затем с помощью пера нанес на нее длинный ряд чисел. – Именно там

ты найдешь свой Холар, Дит. На Осирисе. Эти данные существуют только в моей голове и на твоём запястье. Удачи тебе. Богатства понадобятся тебе, чтобы вернуться.

Дит слабо улыбнулся. Отец поступил крайне умно, скрыв самую ценную на сегодняшний день тайну под видом серийного номера полевого рабочего.

Норбон снова обнял сына:

– Лучше иди. И поторопись. Скоро они будут здесь.

Снаружи раздался прерывистый грохот. Дит улыбнулся. Кто-то активировал оборонительные системы, запустив ракеты.

Ответные взрывы не оставили от его радости и следа. Он поспешил следом за матерью и Рхафу. В окна хлынул яркий белый свет. Казалось, протестовала сама атмосфера над станцией. Крики гостей не смолкали.

Начался предварительный обстрел. Защитники станции пытались отразить атаку.

В загонах для рабов царил хаос. Дит услышал вопли и звуки драки задолго до того, как они с Рхафу появились на наблюдательном балконе.

Несмотря на все усилия семейных войск и надсмотрщиков, подчинить животных не удалось. Племенной купол усеивали трупы, в основном полевых рабочих, но среди них хватало и тех, на ком были синие одежды Норбонов. Военные и надсмотрщики окончательно растерялись – ценной собственности нельзя было причинять вред.

– Я не вижу никаких дикарей, Рхафу.

– Странно. Зачем давать животным оружие, не обеспечив поддержку?

– Скажи им, чтобы не беспокоились о спасении скотины. Если человеческие корабли прорвутся, будет уже все равно.

– Само собой. – Рхафу на мгновение задумался. – Тебе пора. – Он обнял Дита столь же крепко, как до этого отец. – Будь осторожен, Дит. Прежде чем что-либо сделать, всегда думай о последствиях. И никогда не забывай, что теперь семейство Норбон – это ты. – Он утер глаза тыльной стороной ладони. – Что ж, я всегда был тебе рад, юный хозяин. Не забывай старика Рхафу. Когда вернешься на Родину, убей кого-нибудь в отместку за меня.

Дит увидел в слезах Рхафу тень смерти. Старый искатель приключений не рассчитывал пережить эту ночь.

– Обязательно, Рхафу. Обещаю.

Дит крепко сжал кожистую руку старика. Рхафу по-прежнему оставался бойцом и не собирался бежать. Он предпочитал умереть, но не позволить зверям превратить в ничто его смелость и уверенность в собственном превосходстве.

Дит хотел спросить, почему он должен бежать, когда все остальные намереваются дать отпор, но Рхафу его опередил:

– Слушай внимательно, Дит. Спускайся по лестнице в конце балкона. До самого низа. Там будут две двери. Иди в правую. Она ведет в коридор, который проходит мимо площадки молодняка. Там никого не должно быть. Иди в самый конец, и увидишь еще две двери. На одной есть табличка «Выход». Она выведет тебя на овощное поле. Иди к теплице с ситлаком и следуй вдоль ее длинной стороны, а потом по прямой дальше. Где-то за час доберешься до леса, а потом до селения животных. Оставайся с ними, пока не найдешь способ покинуть планету. И ради Санта, старайся делать вид, будто ты один из них и они такие же, как ты. Иначе погибнешь. Никогда не доверяй никому из них и не заводи с ними дружбы. Понял?

Дит кивнул. Он знал, что делать. Но идти не хотелось.

– Иди, и побыстрее, – сказал Рхафу, давая ему шлепка под зад и толкая в сторону лестницы. – И будь осторожен.

Дит медленно побрел к лестнице, несколько раз оглянувшись. Рхафу в последний раз помахал ему на прощание и отвернулся, скрывая слезы.

– Его ждет хорошая смерть, – прошептал Дит.

Добравшись до аварийного выхода, он осторожно выглянул наружу. В полях оказалось не столь темно, как он предполагал, – кто-то оставил включенными огни на теплице с ситлаком. К тому же пылали бараки рабов. Подожгли ли их сами животные? Или это – из-за обстрела?

Среди звезд над головой вспыхивали маленькие короткоживущие солнца. С дальней стороны станции донесся долгий раскатистый грохот химических разрывов – удар пришелся по пусковым шахтам. Визг взлетающих ракет сменился повторными взрывами.

Люди приближались. Дит взглянул в центр созвездия, которое Рхафу называл Крат, по имени хищной птицы с Родины. Где-то там висела родная звезда людей.

Он не мог различить очертаний созвездия: в небе сияли десятки новых звезд, чересчур ярких и становившихся все ярче.

До высадки людей на планету оставалось совсем немного. Диту следовало спешить, чтобы выбраться за периметр, который они собирались окружить штурмовыми кораблями.

Он помчался вдоль края теплицы.

Когда он добрался до дальнего конца, новые звезды превратились в небольшие яркие солнца, от которых яростным роем разлетались выхлопы ракет. Сквозь грохот приближавшихся к станции взрывов слышался рев кораблей.

Корабли тормозили на высоте в несколько тысяч футов. Спасение было уже близко – если он успеет.

К ярко освещенной теплице устремилось звено ракет. Дит снова побежал, устремляясь во тьму. За спиной раздались взрывы. Его швырнуло вперед, несколько раз перевернув. Огни теплицы погасли. Дит поднялся, споткнулся, снова упал, но опять поднялся и двинулся дальше. Из носа шла кровь, он ничего не слышал.

Он не видел, куда идет. Вспышки взрывов не давали глазам приспособиться.

Штурмовые корабли коснулись земли.

Ближайший сел столь близко, что Дита обожгло исходящей из-под корабля горячей волной. Он продолжал ковылять к лесу, не обращая внимания на предательские неровности почвы. Добравшись до безопасного места, он обернулся и увидел, как люди вываливаются из шлюпки и связываются с приземлившимися по обе стороны от них кораблями. Горящая станция заливала их зловещим сиянием.

Дит узнал их. Это были разведвойска, сливки космопехоты Конфедерации, самые лучшие и самые беспощадные. Ничто не могло от них укрыться.

Оплакав родителей и Рхафу, он утер кулаками слезы и побрел к лесу, не задумываясь о том, что люди могут заметить его на экране противопехотного радара. Через каждую сотню шагов он останавливался, чтобы оглянуться.

Близился рассвет, когда он миновал первые деревья. Они возникли перед ним внезапно, будто частокол, преграждавший прописанную планировщиками станции дорогу. Ему показалось, будто он шагнул за некий бастион, защищавший от неминуемой гибели.

Как только слух Дита восстановился, послышался тихий шорох. Он был не одинок в своем бегстве, но предпочел не попадаться никому на глаза. Он с трудом соображал, к тому же слишком плохо владел языком рабов, чтобы отвечать на вопросы, которые могли задать животные. Дикари пользовались другим языком, и он рассчитывал, что с ними у него проблем будет меньше. Если он вообще их найдет.

Они нашли его сами.

Дит углубился в лес на четверть мили, когда на него набросился оборванный вонючий старик с больной ногой. Нападение было столь внезапным, что у Дита не оказалось ни малейших шансов. Попытка сопротивляться ни к чему не привела, кроме того, что он получил кулаком в лицо. Удар привел его в чувство, и он прикусил язык, с которого уже рвались ругательства в адрес старика на благородном языке сангари.

– Что ты делаешь, пожалуйста? – попробовал он на языке животных.

Старик снова его ударил, и прежде чем Дит успел хотя бы пискнуть, ему набросили на голову мешок, натянули до лодыжек и крепко завязали. Мгновение спустя он почувствовал, как его взваливают головой вниз на костлявое плечо.

Он стал добычей.

13. Год 3052

У моего отца была необычная философия – окольная, пессимистичная, фаталистичная. Достаточно хотя бы того, что он ежедневно читал Екклесиаста.

Он верил, что все сущее – некая замысловатая игра. Добро тщетно боролось со Злом. Добро могло одержать локальную тактическую победу, но лишь потому, что Зло забавлялось с ним, уверенное в окончательном триумфе. Зло не знало границ и в конечном счете, когда подводились итоги, оказывалось в крупном выигрыше. Все, на что был способен человек, – смело бросать ему вызов, сражаясь, несмотря на неизбежное поражение, и отсрочивая этот миг как можно дальше.

Он не воспринимал Добро и Зло в их обычном понимании, Добро и Зло в том виде, в каком понимают их большинство, были для него лишь вопросом той или иной точки зрения. «Я» всегда было на стороне ангелов. «Они» – всегда на стороне порока. Абсолютное исламо-иудейско-христианское Зло он считал лишь пустой неразумной шуткой.

То, что Гней Юлий Шторм называл Злом, можно в первом приближении приравнять к энтропии – дьявольской антропоморфной энтропии, жаждущей пожрать любовь и способность к творчеству, которые, полагаю, отец считал главными составляющими Добра.

И тем не менее, прежде чем последовать за ним сквозь лабиринт под названием Теневая Черта, придется признать, что для столь необычных взглядов у него имелись все основания.

Масато Игараси Шторм

14. Год 3031

Шторм, Кассий и собаки набились в лифт, который унес их вниз, в Центр управления полетами и боевой информации в сердце планетоида.

Бенджамин, Гомер и Люцифер резко повернулись к вошедшему в Центр отцу. Шторм мрачно окинул их взглядом. На лица сыновей отбрасывали разноцветное свечение шарообразные дисплеи и панели тактического компьютера.

Наследники Шторма устали себе под ноги, словно пристыженные мальчишки, застигнутые за игрой со спичками. Шторм повернулся к Кассию, бросив взгляд на старшего дежурного. Кассий слегка наклонил голову. Офицеру предстояло объяснить, почему он не доложил об обнаруженных кораблях. Ему следовало напомнить о долге перед Гнеем Штормом, и вряд ли дело обойдется простым выговором.

Случившееся казалось Кассию непостижимым. Он никогда не позволял, чтобы ненависть к Ди хоть сколько-нибудь подорвала его доверие к другим. На его взгляд, подобная Ди грязная шайка лицемерных и охочих до сенсаций воришек лишь впустую растрачивала жизненную энергию. И все же... Кассий не давал волю чувствам, веря Шторму. А проштрафившийся офицер не успел прослужить в Легионе достаточно долго, чтобы завоевать доверие.

Если бы Шторм вдруг потерпел неудачу, яркую и впечатляющую... Кассий не знал, что стал бы тогда делать. Он столь долго пробыл рядом со Штормом, что, скорее всего, в любом случае следовал бы официальной линии поведения.

Шторм снова взглянул на сыновей, вознаградив Люцифера редкой улыбкой. Этот придурак пытался убить собственную жену.

Подумав о Полианне, Шторм вздрогнул.

Он слишком многое им прощал. И только он был виноват в их карманном мятеже. Следовало сообщить насчет женщины.

Тогда он об этом особо не задумывался, прибегнув к обычному трюку и не поставив никого в известность о том, что делает и почему. В последнее время он часто ошибался – возможно, вследствие возраста. В его деле, чтобы выжить, оступаться нельзя.

Шторм посмотрел в глаза Люциферу. Сын попятился, будто от толчка.

Люцифер был всего на шесть лет старше Мыша. Рослый и хорошо сложенный, как и отец, он тем не менее унаследовал склад ума от матери.

В те времена, когда ее народ – загадочные звездные ловцы еще не ушли окончательно в межзвездные глубины, леди Пруденс Гэльская славилась среди Небесных сейнеров как поэтесса и музыкантша. Она прибыла в крепость в роли посланницы, воскресив в памяти Префактл и умоляя помочь спасти ее малонаселенную далекую родную планету от владычества сангари.

Она тронула Шторма тем неприкрытым доверием, которое ему оказала. Никто не знал, где искать неуловимых сейнеров. Она выдала ему тайну в наивной надежде на помощь. Она бросила кости, поставив все на единственный ход... и выиграла.

И у Шторма не было поводов об этом жалеть.

Он помнил Прудю лучше большинства своих женщин. Горячая и ненасытная наедине, на публике она была холодна, рассудительна, порой властна – и отважна. Ошеломляюще отважна. Ни прежде, ни после не бывало, чтобы кто-то подбил Железный Легион на рискованную схватку.

Он полностью зачистил ее планету от сангари. Она подарила ему сына. А потом их пути разошлись.

Шторм знал бесчисленное множество женщин и стал отцом десятков детей. Его родители тоже слухом не слыхивали о верности. У троих его братьев были разные матери, а у Майкла Ди – другой, оставшийся загадкой отец.

Фрида Шторм тоже порой совершала опрометчивые поступки. И спокойно относилась к тем, которые совершал он.

Люцифер был прирожденным творцом, и вполне неплохим. Его поэзия публиковалась рядом с гигантами, вроде Моро и Чижевского. Визуалистка Бороба Тринг поставила калейдоскоп, основанное на «Солдатах», эпосе Люцифера о Легионе, используя в качестве фоновой музыки его вагнеровскую партитуру. Люцифер, однако, считал поэзию и музыку лишь хобби.

Он был полон решимости доказать, что из него выйдет солдат. Но все амбиции оказались тщетны – ему не хватало так называемого инстинкта убийцы.

Свободному солдату приходилось действовать без раздумий и сожалений. Его противники были профессионалами, быстрыми и смертоносными, которые не оставили бы времени на размышления о варварстве происходящего.

Шторм прощал Люциферу недостатки с большей готовностью, чем другим, не столь талантливым сыновьям. Он возлагал на парня определенные надежды, веря, что Люцифер все же осознает, каков его истинный жизненный путь.

Бенджамин и Гомер, близнецы и единственные дети Шторма от Фриды, в теории и по его собственной оценке, были любимчиками отца и мятежниками в душе. Мать защищала их, словно старая кошка котят.

«Возможно, это я виноват в том, что они столь своенравны, – подумал Шторм. – Они уже десятилетия как взрослые мужчины, а я до сих пор отношусь к ним как к мальчишкам. Черт побери, да они уже деды!»

Долгая жизнь меняла людей. Близнецы были настолько же не похожи, как день и ночь. Шторм порой сомневался, в самом ли деле он отец обоих.

Бенджамина, блондина с фигурой Аполлона, обожали молодые легионеры, считавшие его отца исторической реликвией. Но обращались ли они к Бенджамину в трудную минуту? Нет. Бенджамин Шторм был склонен сгибаться под чрезмерным давлением.

Мать и друзья считали его кронпринцем Легиона – но не отец. Даже если Железный Легион переживет Гнея Шторма, никто из его детей, кроме любимца Кассия, не обладал даром, который требовался, чтобы командовать и сражаться со свободными войсками.

Бенджамину хватило бы одного слова или жеста, чтобы завоевать чью-либо преданность. Он умел убедить любого, что тот единственный во вселенной, чья судьба Бенджамину небезразлична. Но мог ли он заставить других поверить в себя?

Бенджамин мог однажды стать во главе Легиона, если отец не назначит преемника, – но лишь до первого задания. Шторм вполне представлял сына на месте командира, признавая силу его личности, но не ожидал от него успехов на поле боя.

С подчиненными Бенджамин мог играть роль Гаммельнского дудочника. Но стоило ему столкнуться с серьезными противниками, вроде Хоксбладов или ван Бред-Кольфов, те тут же порубили бы его харизму на куски и намазали на бутерброд на завтрак.

Гомер являлся полной противоположностью Бенджамина – угрюмый, некрасивый и слепой от рождения. Он питал отвращение ко всем, кроме брата-близнеца. Бенджамин был единственным его другом. Гомер повсюду следовал за братом, словно один лишь Бенджамин мог скрасить царившую в душе тьму.

Хотя природа и сыграла с Гомером злую шутку, взамен она одарила его слабыми псионическими способностями, от которых ему не было никакой пользы. Он был озлоблен на весь мир, и не без причины. Хитрости и коварства в нем было не меньше, чем в любом другом из его родни, но при этом он пребывал в ловушке собственного тела, мало отличавшегося от трупа.

Подчиненные Шторма воспринимали близнецов как живые примеры двойственности их отца. Бенджамину достались красота и обаяние, Гомеру – страдания, злоба и темная душа.

Встретившись взглядом с отцом, Бенджамин отвечал ему победоносной улыбкой. Гомер смотрел невидящими глазами, не собираясь в чем-либо раскаиваться. Он ничего не боялся – его уже нельзя было наказать больше, чем наказала сама жизнь.

Ничего хорошего он не ждал. И относился к этому с полным спокойствием.

Шторму было больно за Гомера. Он хорошо знал ту тень, что властвовала над его сыном, – старая и неразлучная спутница.

По крайней мере раз в день Шторм обращался к забытой временем книге, вновь перечитывая и обдумывая послание от такого же, как и он сам, уже четыре тысячелетия мертвого.

«Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!

Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?»⁷

Гней Шторм, даже в большей степени чем Гомер, видел, как реки текут в моря, и знал, что моря эти никогда не наполнятся. Более того, они мельчали с течением эпох и когда-нибудь должны были исчезнуть. Какая польза человеку, если в конечном счете все его деяния – лишь иллюзия? Врага, обладавшего нескончаемыми и вечными ресурсами, невозможно было проверить, и Шторм знал, что может лишь проиграть в долгой борьбе.

В отличие от Иерусалимского проповедника, Шторм отказывался сдаваться. Несмотря ни на что, в душе он оставался победителем. Ему вполне хватило бы смелости, чтобы оставить свой след на жестоком лице поражения. Либо сдаться, либо идти навстречу судьбе с улыбкой на губах. То был единственный настоящий выбор, предоставленный в этой жизни ему или любому другому.

– Приближается корабль! – наконец прорычал он, скидывая руку.

Воронопут упорхнул в тень. Никто не обратил на него внимания.

---

⁷ Еккл. 1: 2, 3.

Возражений не последовало. Дисплеи показывали вполне очевидную картину.

– Полагаю, это корабль Майкла Ди. Свяжитесь с ним. Расчистите ему путь сквозь минные поля.

Солдаты вернулись к прерванной работе, даже не ответив: «есть, сэр». Они пытались произвести на него впечатление своей оперативностью, к тому же хотели, чтобы их смена обошлась без лишних проблем.

– Диспетчер, свяжитесь заодно и с крейсером. Хочу поговорить с капитаном. Все оборонительные системы перевести в режим ожидания.

– Есть контакт с Ди, – сказал диспетчер. – Открываю канал видеосвязи.

– Спасибо.

Шторм сел в кресло перед видеоэкраном.

Кассий встал за спиной. На экране появилась лисья физиономия Майкла Ди. Тревога на его лице тут же исчезла, сменившись жемчужной улыбкой.

– Гней! Рад тебя видеть. Мне уже показалось, что ты не ответишь.

– Да, пришлось слегка подумать. – (Ди перестал улыбаться. Лицо мошенника излучало абсолютную честность и убедительность, и лишь легкий прищур придавал ему хитрое выражение.) – Я еще вполне могу изменить свое мнение. Ты доставил мой груз?

Ди на этот раз обходился без грима и маскировки, и его темные глаза, узкое лицо, острый нос и выступающие острые зубы делали его всерьез похожим на лиса. «Майкл как он есть», – подумал Шторм.

Ди был человеком с бесчисленным множеством лиц. Его редко видели без маски, и он обладал сверхъестественным талантом менять личности. При наличии времени на подготовку он мог перенять речевые привычки и манеру поведения кого угодно. Талант этот был весьма полезен в его официальной профессии независимого репортера.

– Само собой. Я же обещал, верно? – усмехнулся Ди, будто заведомо зная, что брат не бросит его на растерзание волкам Хоксблада.

– Покажи, Майкл.

Ди раздраженно отстранился от экрана, и на нем появилось симпатичное личико Полианны Эйг. По Центру пробежал легкий вздох.

– Ладно. Разрешаю стыковку. Конец связи.

Шторм толкнул связиста в бок, и тот, поняв намек, закрыл канал, прежде чем Ди успел вернуться.

За спинами Шторма и Кассия послышалось недовольное ворчание Люцифера. Шторм повернулся к нему, воздержавшись от каких-либо реплик, кроме единственной:

– Люцифер, возьми на себя входные шлюзы. Не оставляй Майкла без присмотра. И обыщи его корабль.

От Ди вполне можно было ждать предательства. Он с детства преуспевал в искусстве ссорить всех со всеми, что и привело к кровной вражде между его братом и Ричардом Хоксбладом.

Майкл попросту не мог жить без обмана и вмешательства в чужие дела. И когда-нибудь эта слабость его прикончит.

Речь шла не только о том, чтобы вернуть домой Полианну. Майкл никогда не ограничивался чем-то одним, пытаясь делать несколько дел одновременно.

Шторм догадывался, что мог замышлять Ди. На это намекал интерес, который Ричард проявлял к Черномуиру.

Майкл вполне мог попытаться привлечь Легион. Войны наемников становились главным зрелищем в программах на головидении, и он разбогател на их освещении. Он даже подстроил несколько войн сам, чтобы было что отснять.

Но даже знаний о замыслах Майкла было недостаточно. Слишком уж он хитер, и часть его махинаций могла оставаться незамеченной.

Диспетчер установил связь с преследователем Ди.

– Кассий, кто это?

– Лоренс Абхусси. Один из лучших людей Ричарда.

– Ричард наверняка послал его вслепую. Он удивился, увидев меня.

– Вполне для него характерно.

– Хоксблад считался демоном секретности.

Шторм включил звук:

– Капитан Абхусси, вы входите в запретную зону.

– Мы заметили автоматическое предупреждение, полковник, – ответил капитан корабля. – Но нам даны четкие приказы. Мы должны захватить ту яхту.

– В любом случае он достаточно вежлив, – прошептал Шторм.

– И напуган.

Легион огнем выжиг уважение к себе в людях Хоксблада. И наоборот.

– Я знаю тот корабль, капитан. На его борту моя невестка, и я вынужден оказать ей всяческую защиту. Почему бы вам не продолжить свои разборки с капитаном яхты после того, как он улетит? Если корабль похищен, я разрешу вам прислать минимальную команду, чтобы его забрать.

Абхусси побледнел. Оборонительные системы Шторма выглядели весьма угрожающе.

– У меня четкий приказ, полковник Шторм. Я должен арестовать корабль и всех на его борту.

– Это становится опасным, Гней, – пробормотал Кассий.

Шторм кивнул:

– Я знаю вашего работодателя, капитан. Он службист еще тот, но и он пойдет на уступки, когда вы объясните, из-за чего потеряли яхту. – Шторм выключил звук. – Я пытаюсь дать ему шанс, Кассий.

– Похоже, он понимает.

Капитан корабля помедлил, глядя в сторону от экрана. Наконец он включил звук и сказал:

– Мне очень жаль, полковник Шторм, но у меня нет выбора.

– Вот черт, – бросил Кассий.

– В таком случае мне тоже очень жаль. Всего хорошего, капитан. – Шторм прервал связь. – Управление огнем, активировать пассивную систему обороны. По крейсеру не стрелять, пока не станет ясно, что он готов поймать Ди.

Поднявшись, он направился к лифтам. Собаки тоже встали.

– Отец! – позвал Бенджамин. – Подожди. Они уже летят наперехват. – (Шторм повернулся.) – Абхусси быстро нагоняет Ди, набирая скорость. Они должны встретиться где-то в девятистах тысячах километров отсюда.

– Компьютер? – ни к кому не обращаясь, спросил Шторм.

– Активен, – ответил голос, похожий на голос Кассия.

– Отслеживаешь текущую ситуацию?

– Так точно.

– Прошу анализ.

Машина подтвердила оценку Бенджамина, добавив:

– Меньшая цель замедляется, приближаясь к входным шлюзам. Стыковка под контролем диспетчеров. Большая цель продолжает ускоряться, двигаясь тем же путем. С вероятностью девяносто плюс в ее намерения входит уйти в гиперпространство вместе с захваченным в сферу ее влияния меньшим кораблем.

– Запустить ракеты, – приказал Шторм. – Этот Абхусси чертовски умен, – сказал он Кассию. – Воспользовался единственным возможным шансом.

Захватив Ди в более мощное силовое поле, Абхусси мог нейтрализовать двигатели яхты и утащить ее за пределы досягаемости оружия Шторма. А затем – уйти в гиперпространство и поступить с Майклом, как ему заблагорассудится.

Подобная тактика была столь же стара, как и космические войны, хотя и опасна. В случае отказа двигателей могли погибнуть оба корабля.

– Возможно, он раньше служил у Макгроу, – предположил Кассий. – Лишь у пирата хватило бы отваги проделать нечто подобное.

– Привести в действие орудия на дальних станциях, – приказал Шторм. – Начать обстрел. Ты прав, Кассий. Смелости ему хватает. Жаль, что он тратит ее впустую.

– Некоторые боятся Ричарда Хоксблада больше, чем Гнея Шторма, – лаконично заметил Кассий. – К тому же он может знать нечто такое, чего не знаешь ты. Ты не анализировал его шансы. А он рассчитал их на компьютере, пока говорил с тобой.

– Верно. Компьютер! Проанализируй вероятность успеха предполагаемой задачи большей цели, с этой минуты именуемой Противник, Фантом-один.

Не дав Шторму договорить, компьютер ответил:

– При участии диспетчеров – вероятность шестьдесят пять плюс. Без участия диспетчеров – вероятность сорок семь плюс. Анализ с учетом случайных минных полей неполон.

– Неплохо, – заметил Кассий. – Я бы сам поставил так же.

– И выиграл бы. Он нас опередил. Диспетчеры, предоставьте Ди свободу действий. Кассий, возьми на себя управление орудиями.

Сам Шторм сел за пульт управления минами и ракетами, защищавшими планетоид.

– Компьютер, вероятность успеха противника при новых данных.

Машина-криокиборг могла вводить в вероятностные уравнения умения известных ей операторов-людей.

– Без участия диспетчеров и по завершении анализа случайных минных полей вероятность составляет тридцать один плюс.

Шторму это понравилось. От них с Кассием все-таки многое зависело.

Зато ему не нравился вездесущий «плюс». Компьютер оценивал погрешность вероятности в пользу Абхусси.

Шторм взглянул на пульт. Никакие активные мины или ракеты не должны были пройти от Абхусси достаточно близко, чтобы взорваться. Оружие на пути приближения кораблей оставалось неактивным ради Майкла.

Он подорвал несколько близлежащих мин в надежде припугнуть Абхусси.

Шторм подозревал, что «плюс» добавлялся из-за того, что Абхусси справлялся намного лучше, чем записанный в профиле компьютера средний капитан корабля. Ричард не нанимал середнячков, как и любой командир наемников.

Шторм еще несколько раз нажал пусковую кнопку, но без толку. Абхусси уже вползал в безопасную тень корабля Майкла. Оставался лишь единственный надежный способ его остановить – активировать оружие на траектории кораблей.

– Фантом-один, вероятность успеха сорок два плюс, – объявил компьютер и сразу же поднял ставку до сорока трех, сорока четырех и сорока пяти.

Шторм негромко и длинно выругался.

– Время до прыжка? – требовательно спросил он.

– Оптимальное время – двадцать три секунды. – Мгновение спустя компьютер добавил: – Попадание луча с дальней станции – двенадцать. Аномалии поля свидетельствуют о временном уменьшении производительности двигателей Фантома-один. Вероятность успеха противника – тридцать один ровно.

– Хороший выстрел, Кассий, – улыбнулся Шторм.

Кассий был слишком занят, чтобы ответить на похвалу. Он склонился над консолью, будто полностью погруженный в игру пианист-виртуоз, ловя Абхусси в паутину смертоносных лучей.

Шторм отключил свою консоль. Ему вообще не удалось напугать Абхусси.

Откинувшись в кресле, он наблюдал за Кассием, гоня прочь образы Полианны, сжигаемой заживо оружием Абхусси. Подчиненный Хоксблада стрелял только в целях самозащиты, но ему могли приказывать уничтожить, если не сумеет захватить в плен.

Шансы не в пользу Абхусси росли. Шторм не находил себе места. Он мало доверял компьютерному анализу. Ему удавалось выиграть, даже когда шансы против него составляли пять к одному. Самые лучшие игровые машины с мозгами киборгов не способны принять в расчет все человеческие факторы.

– Попадание луча, – объявил компьютер. – Аномалии двигателей. Фантом-один больше не ускоряется. Вероятность повреждения генератора – семьдесят плюс.

– Время до захвата? – спросил Шторм.

Время неумолимо сокращалось, но Абхусси двигался с трудом, будто карабкаясь по склону.

– Одиннадцать секунд.

Шторм улыбнулся. Склон, по которому взбирался Абхусси, становился все круче. Еще один точный выстрел Кассия мог положить этому конец.

Он вновь отдал должное своему начальнику штаба. Тот не только стремился попасть в цель, но и лишал Абхусси возможности утащить Майкла в нейтральный космос. И все это притом, что он мог особо не стараться, позволив погибнуть заклятому врагу.

Схватив микрофон, Шторм вызвал входные шлюзы:

– Подготовьте спасательную шлюпку. Пусть команда ожидает астрогационных указаний. Люцифер уже там?

Он отключился, прежде чем услышал ответ. Снова раздалось бормотание компьютера:

– Попадание луча. Серьезные аномалии двигателей. Вероятность повреждения генератора – девяносто плюс. Вероятность успеха противника – тринадцать минус.

Шторм подошел к диспетчерам.

– Свяжитесь с крейсером, – сказал он дежурному.

– Фантом-один начинает маневрировать, – продолжал компьютер. – Вероятность выхода противника из боя – девяносто пять плюс.

Абхусси признал поражение.

Чтобы установить связь, потребовалось больше времени, чем длился обстрел. Абхусси важнее было выжить, а не поболтать.

Когда на экране наконец появилось бледное лицо капитана корабля, Шторм спросил:

– Можете сами справиться с генераторами, капитан? Есть пострадавшие? У меня наготове спасательная шлюпка.

– Справимся, полковник, – сглотнув ком в горле, ответил Абхусси. – Пострадавших нет.

– Ладно. – Шторм отключился. – Прекратить огонь, – приказал он.

Приказ не требовался – Кассий уже закрыл консоль.

Говорил ли Абхусси правду? Он производил впечатление человека, который позволил бы своим людям безвозвратно умереть, но не отдал бы в руки врага, способного использовать их против его работодателя.

Шторм снова вызвал входные шлюзы:

– Подготовка шлюпки отменяется. Она нам не понадобится. – Он повернулся к Кассию. – Кассий, пойдем встретим Майкла. Ему наверняка есть что рассказать. Может, мы даже услышим от него правду.

– Хорошая работа, господа, – сказал Кассий дежурным. – Прежде чем сдать дежурство, проведите полную проверку всех систем. Доведите до оружейников, какие мины и ракеты нужно заменить.

Он обвел жестким взглядом присутствующих. Все отводили глаза.

Шторм всмотрелся в тень, где прятался воронопут. Тот был настороже.

– Думаю, мы всё сделали правильно, – сказал Шторм Кассию, когда они вошли следом за собаками в лифт. – Бой из тех, что как раз по мне. Никто не пострадал.

– Вот бы все они были такими. Как шахматы.

В углу Центра шевельнулась тень. Вспыхнули глаза воронопута Шторма, наблюдавшего за Гомером и Бенджамином. Гомер скользнул во все еще теплое кресло перед пультом управления минами и ракетами, поглаживая переключатели и табло чувствительными пальцами слепого. Прислушавшись к слабым пси-способностям, он нажал кнопку активации, помедлил и двинул вперед огневую гашетку.

Глубокую ночь космоса в двух световых секундах от крепости рассекли огненные клинки. Рой самонаводящихся гиперпространственных ракет устремился на поиски крейсера капитана Абхусси.

Корабль улетел не слишком далеко.

На его борту взвыли сирены. Среагировали автоматические орудия.

Созвездия исчезли в огненной пелене. Хватаясь за единственную оставшуюся у них надежду, инженеры Абхусси запустили поврежденный генератор. Крейсер ушел в гиперпространство, оставив позади собственные фрагменты. Ракеты, ничего не знавшие о пункте его назначения, лениво описывали круги в квадрантах величиной в половину светового года, ища цель.

Слабое и не всегда надежное пси-чувство Гомера восприняло далекий, быстро оборвавшийся вопль. Откинувшись в кресле, он улыбнулся ошеломленному Бенджамину:

– Готов.

– Э... Гомер... – Бенджамин не знал, что сказать, не в силах встретиться взглядом с дежурными.

Их лица вытянулись и посерели. Они знали, что Шторм никогда не простит им того, что они не помешали случившемуся.

Воронопут вздрогнул, ощутив телепатический вопль и откровенный ужас дежурной смены Центра. Закутавшись в крылья, он закрыл глаза, ожидая возвращения хозяина.

15. Год 3020

Спасение Лягуша стало настоящей драмой. Команда Блейка добралась до него, когда он уже выключил двигатель и, введя в вену наркотик, погрузил себя в глубокий сон, свободный от тревог и страданий лучевой болезни. Он полностью опустошил резервуары с кислородом.

Спасателям пришлось прорывать туннель под его краулером, чтобы добраться до нижнего люка. Оказалось, что люк покрылся окалиной и его невозможно открыть. Сквозь обшивку краулера провели в главный кислородный резервуар разогретый шланг. Часть старателей Блейка очистили люк от окалины, другие покрыли стены туннеля быстро застывающей эпоксидной смолой. Протащив через туннель насос, они заполнили краулер воздухом.

Они едва успели. Ближе к концу, слишком страдая от боли, чтобы хоть как-то соображать, Лягуш снова сбросил скафандр. Эта глупость едва не стоила ему жизни.

Расходы на спасение Блейк оплатил из своего рекламного бюджета. На месте событий сразу же оказались репортеры из голоновостей, жужжа камерами. Головной офис сразу же ухватился за возможность получить множество дешевой рекламы. Название Горно-металлургической корпорации Блейка прогремело по всей Конфедерации.

Старик Лягуш получил намного больше, чем рассчитывал. Он произвел впечатление не только на маленькую девочку и жителей родного городка. В течение недели он был главной фигурой в новостях по всей Конфедерации. О его приключениях велся прямой репортаж из Крайгорода. Команды репортеров отважно преодолевали Теневую Черту, чтобы записать историю его спасения для последующей передачи в эфир.

Знай он обо всем этом, наверняка бы лишь плечами пожал. Это была вовсе не та слава, к которой он стремился.

16. Год 3031

Во время приема, устроенного в честь возвращения Полианны, Мыш слонялся вокруг, привлеченный всеобщим весельем. Ему внушали отвращение Бенджамин, Гомер и то, что они пытались сделать. Академия славилась тупой дисциплиной и отсутствием чувства юмора. Ему хотелось петь и танцевать, чем и занималась молодежь, параллельно создавая себе повод для тяжкого похмелья.

Старшие хмурились, будто грозовые тучи на сером горизонте. На их лицах отражалась граничившая со страхом тревога. «Они стоят тут, будто угрюмые идола-хранители в храме Бронзового века, – подумал Мыш. – Будто безъязыкие вороны рока».

Он усмехнулся мрачным мыслям. Похоже, ему передалось настроение отца.

Шторм, Кассий и другие старики только что вернулись с заседания штаба. Мыша туда не пустили. Он предполагал, что в первую очередь там обсуждали близнецов.

Межзвездная связь была забита под завязку. Похоже, шли консультации с Хоксбладом. Мыш не мог даже предположить, какое приняли решение. Кассий лишь успел шепнуть ему новость, что крейсер уцелел. Едва-едва.

Затем вице-президент по снабжению Горно-металлургической корпорации Блейка в Крайгороде на Черномире представил очередной контракт.

Мыш догадывался об общем настрое. Все вернувшиеся с заседания были полны мрачных предчувствий. Он чувствовал их злость и тревогу. С Ричардом не удалось найти общего языка, а представитель Блейка пытался выкручивать руки.

По залу разнесся визгливый смешок Ди. Старый добрый дядюшка Майкл был душой вечеринки.

Его громкий голос и крикливая внешность никого не нервировали. На фоне суровых, аскетично одетых солдат он выглядел ярким павлином и шумным попугаем. Сейчас он играл роль клоуна, тщетно пытавшегося рассмешить подчиненных его брата. Мрачные, иногда полные ненависти, иногда подозрительные взгляды Шторма, Кассия, а также Вульфа и Гельмута Дарксвордов нисколько его не пугали. На сыновей Шторма он вообще не обращал внимания, разве что время от времени бросал озадаченные взгляды на Люцифера или Мыша.

Люцифер был еще мрачнее отца. В нем чувствовалось напряжение, выдававшее ярость, с которой он не вполне совладал. Он смотрел на Майкла убийственным взглядом, огрызался и ворчал, угрожая взорваться, будто непредсказуемая бомба, – хотя ему следовало быть вне себя от радости оттого, что жена вернулась домой.

Присутствие на приеме Мыша, казалось, воспринималось как озадачивавшая всех аномалия. Его веселило удивление собравшихся. Все знали, что сейчас он должен быть в Академии и что курсанты – даже сыновья столь известных и уважаемых личностей, как Гней Шторм, – не могли получить отпуск без привлечения связей на уровне стратосферы. Майкл раз за разом бросал на него нервные взгляды.

Несмотря на клоунскую маску, Ди постоянно наблюдал за происходящим вокруг. Взгляд его метался по залу. И Мыш столь же внимательно следил за ним.

Майкл был чем-то обеспокоен.

Мыш ощущал нервозность дяди, как и сотню других водоворотов чувств. Его окутывало давящее ощущение надвигающегося рока, столь же неумолимого, как старость.

Ненависть к Майклу Ди. Недоверие к вице-президенту Блейка. Беспокойство из-за Ричарда. Навязчивый страх Бенджамина: как отнесется отец к его участию в атаке на крейсер Хоксблада? Путаные чувства Люцифера в отношении жены, отца, Ди, Хоксблада, Бенджамина, смешанные с подозрительностью, ревностью и ненавистью к самому себе. Гомер... Гомер был просто Гомером.

Мыш задумался: не ошибся ли отец, позволив Бенджамину вариться в собственном соку? Бен был далеко не столь уравновешен психически, как любил притворяться. Его постоянно мучили кошмары. И теперь, похоже, его не оставляла та же навязчивая мысль.

Бенджамину снилась собственная смерть. В течение многих лет он лишь смеялся над подобными сновидениями, но атака на корабль Хоксблада, похоже, его переубедила. Ему было страшно.

Мыш взглянул на брата. Бенджамин никогда его не замечал. Бен не представлял собой ничего, кроме крикливого фасада, и Мыш, в свою очередь, не чувствовал к нему ничего, кроме жалости.

У братьев Дарксворд тоже имелся повод для злости на всех подряд. Как и Шторм, они ожидали, что Сломанные Крылья станут последней их кампанией. Они рассчитывали прожить остаток дней мирными фермерами на далекой пасторальной планете вдали от забот Железного Легиона. Они давно собирались покинуть крепость, но двухсотлетние связи сложно разорвать...

Мыш посмотрел на отца.

Шторм битый час задумчиво стоял на одном месте. Встряхнувшись, будто вылезший из воды большой пес, он пронзил убийственным взглядом представителя горнодобывающей корпорации. Мыш переместился вдоль стены ближе к отцу, чтобы лучше слышать.

– Мы можем немного выиграть на этом время. Гельмут, Вульф, Кассий!

Майкл Ди слегка наклонился, напрягая слух.

– Убейте черномирца. Без лишнего шума. Проследите, чтобы труп добрался до Хельги Ди. Так, чтобы она не знала, откуда его доставили.

Тот, кому только что вынесли приговор, был слишком ошеломлен, чтобы протестовать.

– Кассий, ты ведь говорил, что Мир Хельги упоминался в бумагах, которые нашел Ричард, по его же словам?

– Да.

– И опять на корабле Майкла. – Шторм уставился на Майкла Ди.

С виска Ди скатилась капля пота. Он слегка побледнел.

Майкл Ди обеспечивал финансовую поддержку своей дочери Хельге, правившей холодными бесчувственными владениями под названием Фестунг-Тодезангст⁸ на Мире Хельги. Они с дочерью только что получили права на некое сомнительное имущество.

Мыш уставился в спину отцу. Даже он не смог бы столь хладнокровно распорядиться о чьей-либо смерти!

– Взорвите также корабль Майкла, – приказал Шторм. – Пусть это выглядит так, будто Абхусси подошел к нему слишком близко, соприкоснувшись полями. Поручите эту задачу Бенджамину и Люциферу. Пора им отплатить долг.

Братья Дарксворд схватили вице-президента за руки и бесстрастно повели черномирца навстречу гибели. Их вполне можно было принять за двух пожилых джентльменов, вышедших с другом на послеобеденную прогулку.

Мыш почувствовал, как внутренности сжимаются в тугой комок.

---

⁸ Крепость Страх Смерти (нем.).

– Кассий, – прошептал Шторм, повернувшись спиной к Ди, – запри его на какой-нибудь дальней станции, где есть персонал. Официально он здесь так и не появлялся. Передай остальным.

– Так мы выиграем не больше месяца, – ответил Кассий. – Ричард чертовски зол. А компании Блейка вряд ли понравится такое отношение к их людям.

Мыш вздохнул. Отец все же не был чудовищем.

– Им придется быть реалистами. Без нас им не обойтись. Потянем время и поднимем ставку. Мне нужно место в их совете и процент от добычи на Теневой Черте.

– Пытаешься увести нас с рынка?

– Вряд ли мне это удастся. Не спускай глаз с близнецов. Хватит с нас их дерьма.

– Угу.

Кассий последовал за Дарксвордами и их жертвой.

Мгновение спустя ушел и Шторм, оставив Торстона, боевых псов и воронопуттов наблюдать за Майклом Ди.

Проходя мимо Мыша, он сердито прищурился и сбился с шага, будто размышляя, не высказать ли сыну пару ласковых насчет послушания, но передумал и двинулся дальше. Отказ Мыша вернуться в Академию сейчас был для него далеко не главной проблемой.

Мыш вздохнул. Он знал, что со временем отец все равно об этом вспомнит. И Кассию придется его переубеждать.

Он хмуро посмотрел вслед удаляющемуся отцу. И что теперь? По этому коридору только что убежала Полианна. Зачем отцу ее преследовать?

17. Год 2844

Старика звали Джексон, но Диту приходилось называть его хозяином. Старик был изгоем даже среди потомков сбежавших и брошенных рабов. Он жил в вонючей пещере в трех милях от селения животных. С помощью ловкости рук и обрывков медицинских познаний он сумел сделать карьеру местного колдуна. Его безумный нрав и магия держали в страхе жертв-клиентов, которые сами походили на жалких дегенератов.

Меньше чем за неделю Дит понял, что Джексон – отъявленный плут и всего лишь одинокий старик, обозленный на мир, который он винил во всех своих бедах. Его карьера колдуна была не более чем попыткой отомстить всем и вся. Слабый и жалкий, он к тому же был сумасшедшим, крайне жестоким в своем безумии. Не проходило и дня, чтобы он не подвергал Дита мучениям за вымышленные оскорбления.

Старик варил на задах пещеры омерзительное зерновое пиво, производя его сотнями галлонов. От Дита требовалось постоянно держать наготове полную кружку. Джексон всегда был наполовину пьян, но это никак не смягчало его нрава. Но больше всего Дита воротило от отношения Джексона к гигиене.

В первую неделю Дита не раз едва не стошнило. Старик даже не сходил с места, когда ему требовалось опорожнить мочевого пузыря. Он никогда не мылся. В пещере воняло сильнее, чем в логове любого зверя.

Он держал Дита на десятифутовом поводке с удавкой. Мальчик вскоре понял, что действие удавки никак не зависит от его поведения. Старик дергал поводок, когда хотел развлечься.

Вид маленького задыхающегося мальчика доставлял ему крайнее наслаждение.

Осознав, что между причиной и следствием нет никакой связи, Дит оставил попытки умиловить Джексона. Он делал то, что от него требовали, а остальное время проводил в мрачной задумчивости или пытаясь по-быстрому что-то украсть.

Джексон не считал нужным его кормить. Более того, он приходил в ярость, когда заставлял мальчика за кражей их скудных запасов. Почти каждая трапеза стоила Диту удушья или побоев.

Он научился выживать в жестокой школе Джексона. До него начал доходить смысл наставлений отца и Рхафу насчет предусмотрительности и необходимости думать, прежде чем делать.

Первый урок, ставший для него самым болезненным, унижительным и действенным, последовал после необдуманной попытки бежать. Предпринял он ее из чисто звериного желания вырваться из невыносимых условий.

В третью ночь в пещере, уже придя в себя от душевной травмы, полученной после уничтожения станции, но еще не привыкнув к дурному обращению со стороны старика, он долго не мог заснуть на куче заплесневелых листьев. Последняя заменяла ему постель. Сидя в грубо сколоченном самодельном кресле, Джексон вливал в себя кружку за кружкой, пока в конце концов не провалился в пьяный сон.

Дит ждал, заставляя себя лежать, несмотря на неодолимое желание убраться подальше. Часы сменяли друг друга. Погасли последние языки пламени в очаге, оставив после себя кучку нервно мерцающих углей.

Быстро и неслышно поднявшись, он попытался развязать узел на шее, но дрожащие пальцы не слушались, и ему так и не удалось справиться с петлей. Он тихо подполз к креслу старика, к ножке которого был привязан другой конец поводка.

На то, чтобы одолеть узел поменьше и попроще, ушло несколько минут. Близость Джексона сковывала, пальцы будто превратились в негнущиеся трясущиеся крючья.

Дит напомнил себе, что Рхафу в его возрасте уже участвовал в набегах, а сам он – первенец главы и наследник старейшего и величайшего семейства. Ему следовало быть смелее, чем обычному бездомному наемнику-сангари. Мысль эту он повторял раз за разом, вбивая ее в голову, словно молитву.

На Родине его учили придавать страху конкретный образ, превращая его в цель, с которой предстояло сразиться. Выбор цели был для него очевиден. Старик столь отвратителен, столь преисполнен злом...

Узел развязался. Дит метнулся к выходу из пещеры. Веревка потянулась за ним...

Петля вокруг горла резко затянулась, мешая дышать. Он упал, яростно царапая шею.

Джексон безумно захихикал, крепко наступив здоровой ногой на веревку. Схватив палку, он начал лупить Дита, останавливаясь лишь затем, чтобы посильнее затянуть петлю, когда пленнику удавалось ее ослабить, чтобы вздохнуть.

Наконец Джексон решил, что развлекся уже достаточно, а может, просто устал. Связав запястья Дита, он пропустил веревку через полукольцо в крыше пещеры, подняв мальчика наверх.

Дит провисел так два долгих дня. Джексон подвергал его всем мучениям, какие только мог придумать затуманенный разум, включая унижительные и бесплодные потуги на педерастию.

И в течение всех этих нескончаемых часов старик визжал:

– Думал бросить бедного старика Джексона тут одного, да? Ах ты, щенок-сангари, ты что, не знал, что настоящего мужика не перехитришь?

Дит окаменел. Откуда старик знал?

Впоследствии он выяснил: Джексон был забракованным рабом и понял, что в страхе выкрикивал Дит в ночь, когда оказался в плену.

Сквозь боль и отчаяние пришло осознание: ему придется унижаться и дальше, чтобы выжить. Придется втереться в доверие, чтобы старик не выдал селению его тайну.

Добрые поступки Джексон совершал лишь ради собственной выгоды или по недосмотру. В любом случае он ни разу не упомянул о происхождении Дита.

Пока Дит висел, страдая от отчаяния и боли, у него было время поразмыслить о том, чему учили его старшие. Он начал понимать, что значит терпение.

Старику не удалось его сломить – возможно, потому, что Диту казалась чуждой сама мысль об этом. Он не мог сделать то, чего не умел.

На Родине была поговорка: «Он сангари». Это означало: «Он настоящий мужчина», только в еще большей степени подразумевало непреклонную решимость и полную непоколебимость.

Дит был сангари.

Устав измываться, старик опустил его на землю, схватил за волосы и швырнул в кучу листьев. После нескольких ударов в назидание палкой он связал Диту руки за спиной и привязал другой конец веревки к каменному полукольцу, так чтобы Дит не мог до него дотянуться, а затем снова уселся в кресло, хихикая в грязную бороду.

Дит много ночей лежал без сна, затаив ненависть и страдая от уязвленного самолюбия. Он набирался терпения и решимости, чтобы отомстить.

18. Год 3031

– Гней! – выдохнула Полианна. – Ты меня избегал.

– Вовсе нет. У меня хватало работы.

Каждый изгиб тела этой женщины, каждая пядь ее мягкой гладкой кожи пробуждали сексуальное желание. У нее был тот ненасытный вид, который свойствен лишь юным влюбленным девицам и самым изысканным проституткам. Как и у последних, взгляд ее становился пустым и холодным, будто у змеи, едва она выходила из роли. Выставив вперед бедро, словно модель, она часто и шумно задышала.

Сегодня Шторм не собирался играть в эти игры:

– Мне хотелось бы услышать все о твоих похождениях, малышка. – Он открыл дверь в ее комнаты.

Она попыталась пройти мимо него, как бы невзначай отершись всем телом. Он ответил ей холодным взглядом. На ее чересчур красивом лице промелькнула тревога.

Едва он закрыл дверь, она прижалась к нему, двигая грудью:

– Я так по тебе скучала. По всем вам. И по крепости. Но особенно по тебе, Гней. Никто не вызывает у меня таких чувств, как ты.

– Сядь, – приказал он. Она попятилась, еще больше встревожившись. – Послушаем твой рассказ.

Среди мужчин было немного тех, кого Полианна не смогла ослепить, подчинив своей воле. Хоксблад. Кассий, от которого у нее в жилах стыла кровь. Дарксворды. И, как она убедилась на печальном опыте, – Майкл Ди. Но Шторм... Он всегда был крайне податлив. Похоже, он использовал ее, когда она думала, что использует его самого. Ее самолюбие, уязвленное и пострадавшее от путешествия с Ди, оказалось не готово к новому удару.

На лице Шторма застыла мрачная гримаса.

Все эти неуязвимые были древними стариками, чью невинность и юношескую ранимость свели на нет время и опыт. В них таилась тьма, беспредельное зло, призывавшие тьму в ее собственной душе. Их черное пламя вырывалось наружу и влекло ее, как свеча – мотылька. И это ее пугало.

– Я никому не хотела сделать ничего плохого, Гней! Честно. Я только хотела встретиться с Ричардом Хоксбладом.

– Здесь не детский сад, Полианна. И не светское общество. Мы играем по жестким правилам. У нас хватало проблем и без твоего вмешательства. Твои поступки неотделимы от наших. Ты – член семьи. Ричард не отпустит тебе грехи лишь за то, что ты ничтожество. По твоей вине

погибли те, кого уже не вернуть. Смерть порождает смерть. Одному Богу ведомо, скольким людям предстоит из-за тебя умереть.

Шторм знал, что это и его вина. Ему следовало списать ее со счетов, не отслеживать путь Майкла до Большой Сахарной Горы. Но по такой же логике вину можно было возложить на Майкла, Ричарда и Люцифера. Нет, главной виновницей должна была остаться Полианна. Именно с ее решения все началось.

– Расскажи мне все, Полианна. Мне не нужно ничего лишнего, но я не хочу, чтобы ты что-то скрывала. Я не хочу, чтобы ты что-то придумывала, пытаясь казаться лучше. Мне нужны непосредственные факты, вплоть до тона голоса и выражений лиц, – все разговоры, которые ты слышала. Особенно между Ричардом и Майклом, а также всеми, с кем они общались. Обо всем. Есть лишь призрачная надежда, что мы все-таки выкрутимся или, по крайней мере, обойдемся малыми потерями.

– На это потребуются многие часы.

Полианна разрыдалась, но Шторм не обращал внимания на слезы.

Полианна общалась с людьми посредством заученного репертуара поз и ролей. Настоящая госпожа Эйт скрывалась где-то за кулисами, режиссируя пьесу и нажимая кнопки.

– Я сумел выиграть время. – В памяти всплыло потрясенное лицо черномирца. Тот ни на мгновение не сомневался в том, какая судьба его ждет. – И мне нужно больше.

Слезы ее тут же высохли, будто она их выключила. Она начала рассказывать тихим, бесцветным голосом, поведав горькую правду обо всем, кроме собственных мотивов.

Она соблазнила Ди, уговорив взять ее с собой на Старую Землю. Теперь же она считала, что он согласился по личным причинам. Планета-мать быстро ей наскучила. Единственное, что ее впечатлило, – бедность этой выпотрошенной, перенаселенной планеты. Майкл был не в духе из-за того, что голосети не заинтересовались его репортажем о событиях на Сломанных Крыльях.

– Со Старой Земли мы отправились на Черномир. Пока мы были там, он держал меня взаперти на корабле. Причину я узнала лишь потому, что он проговорился во сне. Днем он молчал, будто набрал в рот воды. Его что-то беспокоило и пугало. Что-то шло не так. Майкл слегка параноик, опасался, что его кто-то преследует, хотя и не был в том полностью уверен. После Черномира мы полетели встретиться с Ричардом Хоксбладом. На вид он не такая уж и важная шишка, верно?

Большую часть времени ей не позволяли общаться с Ди и Хоксбладом, но она знала, что они говорят о Черномире. То небольшое, что ей удалось выяснить, она узнала от подчиненных Ричарда.

Потом Майкл исчез. Никто не знал, куда он делся. Некоторые думали про Трегоргарт, другие про Большую Сахарную Горю.

– Он был на Горе, Полли. Продолжай. Пока что у тебя отлично получается.

– Я болталась без дела и ждала. Мне это быстро наскучило. Хоксблада я почти не видела. Он работал над своим проектом на Черномире. Мне никогда не приходило в голову, насколько сложная у вас работа. Вы ведь не просто прыгаете на ринг, будто боксеры?

Шторм едва заметно улыбнулся. По крайней мере, Полианна подтвердила его разведданные насчет Ричарда. Хоксблад что-то замышлял на Черномире.

– Майкл вернулся лишь через два месяца, пару недель назад. Он был по-настоящему счастлив. Раньше, когда его репортажи отвергались и казалось, что кто-то ставит палки в колеса, он становился просто невыносим. На этот раз он сказал лишь, что встретился с тем, с кем хотел, и все в полном порядке. Он даже не говорил во сне.

«Интересно, кого Майкл имел в виду?» – подумал Шторм. Вряд ли его. Кто еще был на Большой Сахарной Горе? И что вообще Майкл там делал?

– Где-то через неделю он схватил меня и отправился на яхте сюда. Каждые пару дней он запирался в рубке, а когда снова впускал меня, комплекс межзвездной связи был еще теплым. Не знаю, с кем он разговаривал. Потом мы оказались здесь. Остальное ты знаешь.

Остальное он знал.

Шторм сверил время. Рассказ Полианны занял около часа. У него имелось к ней несколько вопросов, но он сомневался, что она сумеет ответить.

Полианна была сплошной загадкой, пустой оболочкой без содержимого. О любой – даже незнакомой – женщине, с которой ты побывал в постели, можно было составить представление по обрывкам разговоров. Но – не о красоте Полианне. Она всегда оставалась полностью одномерной. Казалось, единственными ее неотъемлемыми составляющими были красота и вагина, которые она холила и лелеяла. За время их разговора она успела сменить макияж.

Черт побери, да она просто была андроидом, специально созданным для позерства и траха! Можно было проникнуть в ее тело, но не за фасад.

Даже Люцифера она приводила в замешательство. Казалось, она существовала исключительно ради того, чтобы ее ценили за красоту, будто классическое полотно или любимое стихотворение. Забавно.

Раньше Шторм не особо задумывался насчет Полианны – для него она была вроде картины, предназначенной для услаждения взгляда. Пришло время поинтересоваться ею всерьез, заглянуть в глупую душонку.

Помимо прочего, Полианна дала понять, что на Черноморе затевается нечто куда более серьезное, чем предполагал Шторм. Потенциальная торговая война за стоившие триллионы радиоактивные элементы не слишком интересовала Майкла. Полианна говорила, что к возможности сделать репортаж об этом конфликте он отнесся с безразличием. Для него было важно нечто другое.

Наверняка речь шла об Игре.

Так Ди называл кровную вражду, которую он разжигал между Хоксбладом и Штормом. О том, что Шторму об этом известно, он не знал. Похоже, целью Игры являлось взаимное уничтожение. Она не прекращалась с тех пор, как создали два вольных войска.

Шторм до сих пор не мог понять, зачем Майклу это нужно.

Он обрушился на Полианну:

– С кем Майкл встречался на Большой Сахарной Горе? Зачем?

Ответ был крайне важен для Шторма, но Полианна ничего не знала.

– Черт бы их всех побрал...

Позволив ей один поцелуй, он мягко высвободился из объятий и вышел.

Вернувшись в кабинет, он вызвал к себе Кассия и обратился к Екклесиасту, но не нашел в нем утешения. Мысли лихорадочно сменяли друг друга, не давая уследить за отпечатанными словами. Он попытался сыграть на кларнете.

Настали дни душевных испытаний.

Шторм не заметил, как вошел Кассий.

– Никогда не слышал от тебя столь траурной музыки, Гней, – сказал он.

– Это зауспокойная песнь, – ответил застигнутый врасплох Шторм. – Думаю, мы добрались до самого конца. Я с пристрастием допросил Полианну. Она весьма наблюдательна, хотя на вид почти без мозгов.

– Меня это порой удивляло.

– Тебя тоже? Значит, мне не показалось. Неужели кто-то способен настолько притворяться?

– Возможно. К тому же чрезмерная озабоченность редко вызывает у мужчин желание приподнять ее маску, в силу собственного эгоизма. Ты хотел меня видеть?

Шторм подумал, что надо спросить Фриду и дочь, как они воспринимают госпожу Эйт с женской точки зрения.

– Мы с тобой стареем, вступив в пору заката. Многое ускользает от нас, будто мы застряли во временном болоте.

Кассий удивленно поднял брови. Слова давались Шторму с трудом.

– Для Легиона наступают последние дни, – продолжал Шторм. – Возможно, как и для всех вольных войск. Думаю, мы станем как причиной, так и следствием нашей собственной гибели, и я не вижу выхода.

– Пока есть корпорации и богачи, которые в нас нуждаются и которых не запугать правительству, для нас всегда найдется работа.

– У нас остается все меньше времени. Конфедерация начинает играть мускулами. Это исторический процесс, и он неизбежен. Демократическое правление и правительственные директивы наступают быстрее, чем отодвигаются рубежи. Еще немного, и они нас настигнут.

– Ты чересчур пессимистичен.

– Вспомни прошлое, Кассий. Стоит какому-нибудь очагу заразы, вроде Старой Земли, проголосовать единым блоком, и конец. Это древняя история, еще со времен Рима. Зачем делать что-то самому, если достаточно проголосовать за того, кто ограбит для тебя другого?

Шторма удивила собственная раздражительность. Он даже не осознавал, насколько сильны охватившие его чувства.

Он рассказал Кассию о том, что узнал от Полианны.

– И что ты предлагаешь?

– Во-первых, дай Ди отсюда сбежать. Все может пойти не столь быстро, если у него будут связаны руки. Пусть этим займется Торстон – у него слишком куцее воображение, чтобы поддаться Майклу. А сам отправляйся на Гору. Возьми с собой Мыша. Обратно в Академию его отправлять ты все равно не собираешься, и ты говорил, что его интересует работа в Разведке. Выясните вдвоем, с кем встречался Майкл. И обрати особое внимание на Сета-Беспредельного.

– А ты куда мягкосердечнее, чем кажешься, друг мой.

Шторм пожал плечами:

– Если будет путаться под ногами – отправь его домой. И скажи Вульффу с Гельмутом, чтобы начинали готовиться к Черномиру.

– Зачем?

– Похоже, рано или поздно мы все равно там окажемся, нравится нам это или нет. Нужно быть в форме. Да, и пусть сержанты придумают работу для Бенджамина и Гомера. Стоит держать их подальше от возможных неприятностей. Люцифер пусть выяснит все прошлое своей пустоголовой женушки. Вплоть до места ее рождения. Ясно?

– Ясно. Как я понимаю, тебя самого здесь не будет?

– Нет. Встретимся на твоём обратном пути с Горы. – Он огляделся, отчасти ожидая увидеть прячущегося в тени Майкла. – Там, где мы держим Фирчайлда. У меня к нему есть вопрос.

– Куда ты отправляешься?

– В Фестунг-Тодезангст, – буркнул Шторм. – Это единственный намек, имевшийся в бумагах Майкла. О нем упоминала Полианна. И Ричард тоже.

Кассий лишь слегка приподнял брови в ответ:

– Прямо в логово льва. Собираешься увидеться с Валерией? Или самой Хельгой?

– С Валерией. Майкл будет использовать все средства, чего бы ему это ни стоило. Возможно, Валерия в курсе происходящего.

– Не знаю даже, что и предполагать... И все же... Гней, это чертовски опасно. Если угодишь ей в лапы...

– Я осознаю опасность. Но у меня есть преимущество – она меня не ждет. Возле одного входного шлюза в стороне есть посадочная площадка, за которой не ведется наблюдение. У меня есть все опознавательные коды. Я потратил на это состояние еще тогда, когда там шло строительство.

– Гней, и все-таки я не думаю...

– Тебе меня не отговорить, Кассий. Это необходимо сделать. Так что давай оба слетаем и вернемся, прежде чем нас кто-нибудь хватится. Мы не сможем вечно удерживать Майкла, даже если прикуем его к стене.

– Я готов.

Уединившись среди любимых вещей, Шторм прошелся по кабинету, мягко дотрагиваясь то до одной, то до другой. На него нахлынули давно забытые, потрепанные временем чувства. Вряд ли их с Кассием можно было назвать психически нормальными. Множество тяжких решений и жестоких потерь превратили их в заскорузлых и безразличных ко всему людей.

Его беспокоили молодые, особенно Мыш. Последуют ли они по тому же гибельному пути? Он надеялся, что нет.

Шторм расхаживал по кабинету, что было для него не вполне обычно. Он осознавал опасности, которые таил в себе Мир Хельги, и сомневался, что в очередной раз выйдет сухим из воды.

– Нужно рискнуть! – прорычал он. – Нужно попытаться. Ключ где-то там. Если он вообще есть.

Проведя несколько минут с женой, он собрал снаряжение, которое держал наготове со времен строительства Фестунг-Тодезангста. Прощаться не стал.

Кассий знал, что делать, если он не вернется.

19. Год 3020

Лягуш очнулся в госпитале корпорации. Над ним склонились трое. Первый – медик Блейка, с которым он уже имел дело раньше. В качестве лакея корпорации Смайт был не так уж плох. Другой, с лисьими чертами и голодным взглядом, был ему незнаком. Третьей была Мойра. Малышка Мойра. Он попытался улыбнуться.

Он не сразу сообразил, что вокруг нет официальных лиц, и удивился.

Лягуш начал ругаться, будто заикающийся араб, а затем, когда язык наконец стал слушаться, прорычал:

– Проваливай отсюда, Смайт! Я уже полвека обхожусь без вашей помощи. Так что никаким фальшивым счетом за лечение Блейку меня не разорить.

– Все за счет заведения, Лягуш.

– За счет моей задницы! Блейк даже с прошедшим четвертые руки гондоном просто так не расстанется. – Он взглянул на Мойру, белокурого ангелочка, которая беспокойно ерзала на жестком стуле. Приняв беспокойство за смущение, он одарил ее слабой улыбкой. – Поговорим об этом позже.

Он яростно уставился на типа с лисьей мордой, который взгромоздился на невысокий комод, поставив ногу на пол.

– А ты кто такой, черт бы тебя побрал?

– Огаст Плейнфилд. Новостное агентство «Стимпсон-Грабовски». Обозреватель. Мне поручили сделать про вас репортаж.

– Гм? – Лягуш ощутил дурной запах стервятника.

Подобное отродье всегда оказывалось там, где можно было пожить человеческой падалью.

Он снова посмотрел на Мойру. У той был встревоженный и усталый вид. В самом ли деле она просто за него беспокоилась? Или ее вконец замучили репортеры из голосети?

Лягуш не был любителем головидения, но смотрел его достаточно, чтобы знать: репортеры ради своих историй готовы на все и им неведома человеческая жалость.

Отчасти он опасался, что его подвиг возбудит их профессиональный интерес, но не предполагал, что они станут преследовать Мойру. У него уже были заготовлены для них несколько отборных фраз. Но Мойра... Она – всего лишь ребенок и вряд ли выдержит подобное давление.

Что могло значить спокойствие маленькой девочки для стервятника вроде Плейнфилда? Такие, как он, воспринимали всех и все как пушечное мясо для камеры, с помощью которой снабжали добычей чудовище в облике зрительской аудитории.

– Мойра, выйди на минуту. Мне нужно кое-что сказать этой твари.

От боли Лягуш с трудом соображал. Он был уверен, что Смайт, ушедший в соседнее помещение проверить показания мониторов, чем-то крайне возбужден. Как доктор он, может, был и неплох, но многое воспринимал чересчур серьезно.

Черт с ним, пусть переживает.

Мойра слезла со стула и молча вышла. В сдержанности на публике, как и во многом другом, она подражала Лягушу, по-своему выражая привязанность. Лягуша это приводило в замешательство. Как и многие, сдерживавшие свои чувства, он тосковал по ним у других. Для него это было поводом слегка приоткрыть душу. И это его пугало. Он мог угодить в ловушку, обнажив собственную ахиллесову пята.

Он высказал репортеру несколько отборных фраз.

Потом еще несколько, злобных, цветистых и угрожающих. Плейнфилд выдерживал их натиск, будто гора, противостоящая многочисленным бурям, атакующим ее склоны.

– Что вы там нашли? – спросил он, когда Лягуш иссяк.

– Гм? Нашел? Ничего. Все ту же Теневую Черту и Солнечную сторону. И даже если бы я что-то нашел, все равно ничего бы не рассказал уроду вроде тебя.

– Я так и думал. Вы о многом болтали, пока были без чувств. Про желтое, про оранжевое. Доктор Смайт считает, что вам снились сны, но мне кажется иначе. Сны не вызывают лучевой болезни. Желтый цвет уже тысячу лет означает радиоактивность.

Лягуш столь сильно нахмурился, что его лицо на мгновение напомнило темноглазый чернослив.

– Я почти ничего не помню. Кислородное голодание плохо действует на мозги. Проверь записи бортового компьютера.

Он усмехнулся – Плейнфилд не доберется до краулера, пока его обследуют люди Блейка. На это могут уйти годы.

– Уже проверил. И ничего не нашел. Собственно, настолько ничего, что мне стало любопытно. Зачем кому-то приказывать компьютеру забыть место, где он едва не умер от лучевой болезни? Зачем кому-то тратить силы на регистрацию формальной заявки на участок тени в конце Теневой Черты, если он думает, что умирает? И это притом, что до этого он никогда не подавал заявок. И еще мне интересно, почему он пересмотрел завещание, как только зарегистрировал заявку.

– Я хочу, чтобы меня там похоронили, – сочинил на ходу Лягуш. – Кто-то все равно рано или поздно снова туда отправится. Хочу, чтобы он похоронил мой прах на единственном участке, на который я когда-либо заявлял права.

– Ну вот, теперь с вами можно нормально разговаривать, – усмехнулся Плейнфилд скорее с волчьей, чем лисьей улыбкой. – Возможно, вы говорите правду. Люди из корпорации, которые считают, что знают «этого чокнутого коротышку», предполагают нечто подобное. Или – думают, что вы замышляете некий план, чтобы вынудить их вышвырнуть деньги на ветер

ради безумной мести. Я не страдаю их предубеждениями. Я вас не знаю. Но я хорошо знаю людей. Уверен, вы что-то там нашли.

– Всего лишь место для собственных похорон, – настаивал Лягуш, все больше нервничая. Подобный допрос вовсе не походил на интервью в его понимании.

Улыбка Плейнфилда стала шире.

– Вы можете оказаться там раньше, чем вам хотелось бы. Воплотившиеся в жизнь мечты об Эльдорадо порой пожирают самих мечтателей.

– Да ты вообще репортер или кто, черт бы тебя побрал? – не выдержал Лягуш.

– Можете называть меня воплостителем мечты. Я превращаю фантазии в реальность. В основном собственные, но иногда и чужие. И порой они превращаются в кошмары.

Лягуш уже не просто нервничал – ему стало страшно. Он огляделся в поисках оружия.

И понял, что вляпался по уши. Возмущаться было бесполезно, а перейти по своему обычаю в нападение он в нынешнем состоянии не мог.

Ощущение безысходности лишь разжигало злость. Неужели его плоть всегда предавала дух? Неужели он всегда оказывался чересчур маленьким и слабым? Почему его допрашивал не кто-то из людей Блейка?

– Собственно, зачем это вам вообще понадобилось? В смысле, эта ваша безумная поездка? Полагаю, причины всегда могут найтись, но прежде всего мне хотелось бы знать, что могло подвигнуть вас на невозможное. Я изучил все, что известно о Солнечной стороне и Теневой Черте. Вы никак не могли знать, что сумеете там что-то обнаружить.

И в самом деле – что заставляет человека совершать поступки, которым нет разумного оправдания? Лягуш немало об этом размышлял, пока ехал к цели, и ему ни разу не удалось даже приблизительно объяснить собственные мотивы. Большую часть времени он убеждал себя, что делает это ради Мойры. Но порой подозревал, что делает это ради себя самого, чтобы успокоить собственное уязвленное самолюбие, показав человечеству, что оно не право, считая его клоуном. С другой стороны, при этом не учитывалась вероятность неудачи, что лишь подчеркивало его глупость.

Так зачем же тогда? Чтобы показать фигу Блейку? Из-за безумного глубокого убеждения, что он обязательно что-то найдет? Нет. Ни одна причина не являлась достаточной сама по себе.

За столько лет одиночества он так и не сумел постичь себя.

Человек, который прячется от себя самого, прячется лучше всех.

– Что вы нашли?

Лягуш попытался сосредоточиться на Плейнфилде – и понял, что ошибался в прежних своих оценках. Этот человек не был ни стервятником, ни лисом, ни волком. Он был змеем – хладнокровным, бесчувственным, смертоносным. Хищным и не знающим жалости. И он ни на кого не работал. Профессия репортера была лишь прикрытием. Он был сам по себе.

Плейнфилд придвинулся ближе, и в его ладони появился инъектор. Лягуш пробовал слабо сопротивляться, но инъектор все же коснулся руки.

«Я снова ошибся, – подумал он. – Он хуже змея. Он – человек».

– Что вы нашли?

Лягуш понял, что на этот раз ему не отвертеться. Этот человек, это существо, называвшее себя Огастом Плейнфилдом и притворявшееся репортером, собиралось лишить его одержанной победы, а затем убить. Даже сам Господь не помешает ему говорить после того, как сработает наркотик, а затем он перестанет представлять какую-либо ценность.

Лягуш заговорил. А потом, как он и предполагал, умер. Но прежде чем это случилось и пока он еще что-то соображал, в темную дверь перед ним шагнул еще один человек.

В палату ворвался Смайт, встревоженный показаниями мониторов. За ним, словно на коротком поводке, следовала Мойра. Доктор набросился на Плейнфилда, собираясь закричать.

Маленькое бесшумное оружие, помещавшееся в ладони, остановило сердце Смайта, прежде чем с его губ успел сорваться хоть звук. Мойра выскочила за дверь, будто ее дернули за веревочку. Плейнфилд выругался, но не стал ее преследовать.

На Лягуша нахлынула тоска. Ему было жаль как себя, так и Смайта.

На Черномире, как и на подавляющем большинстве планет, мертвые никогда не воскреса-ли. Даже члены семьи Блейка оставались мертвыми после смерти. Воскрешение было слиш-ком дорогой и сложной процедурой, к тому же имевшей весьма серьезные социальные послед-ствия. Да и какая разница? Людей было столько, что их жизнь ничего не стоила.

Покончив с Лягушом, Плейнфилд исчез. Убийство осталось нераскрытым. Полиция кор-порации объявила репортера в розыск, но того и след простыл.

Его разыскивали за воровство. Его разыскивали за уничтожение муниципальной соб-ственности и собственности корпорации. Его разыскивали за подкуп муниципальных чинов-ников и сотрудников корпорации. Его разыскивали за длинный перечень преступлений. Но главным образом – за убийство Лягуша и Смайта.

У Блейка была очень хорошая память.

В «Стимпсон-Грабовски» утверждали, что никогда не слышали о Плейнфилде. Полицей-ские Блейка потребовали ответа – как в таком случае этот человек добрался до Черномира на чартерном корабле «Стимпсон-Грабовски»? Как он оказался в числе обозревателей, если о нем никто не знал?

«Стимпсон-Грабовски» ответило высокомерным молчанием.

Их молчание уже само по себе о многом говорило. Плейнфилд несомненно имел немалый вес за пределами планеты.

В преследовательском азарте мотивы убийцы отошли на второй план. Лишь горстка людей знала о заявке и завещании Лягуша, и всех подкупил Плейнфилд. Их отдали под суд, где никто не стал их слушать, и приговорили к изгнанию, что означало, что им дали скафандры и выставили за городские шлюзы, предоставив выживать самостоятельно.

Блейк в очередной раз подтвердил, что не оставит ни один долг не оплаченным, хотя на это могло потребоваться поколение.

По изначальному завещанию Лягуша Мойре доставалось больше, чем кто-либо мог пред-полагать. Ей вполне этого хватило, чтобы обеспечить себе достойное место в жизни Крайго-рода.

Жизнь продолжалась.

20. Год 3052

Мы не были любящей семьей, но и у нас случались особые минуты. И по большей части они выглядели несколько странно.

Масато Игараси Шторм

21. Год 3031

Человек-без-Лица улыбнулся и протянул руку к Бенджамину. Он был полностью гол, без волос и половых признаков. Бенджамин заскулил и попятился. Человек-без-Лица прибли-жался к нему размеренным уверенным шагом.

Слабо вскрикнув, Бенджамин повернулся и побежал. Ноги увязали в тягучей массе. Несмотря на все усилия, они едва двигались, словно в замедленной съемке.

Улицы и стены города сияли единообразной, ослепительной белизной. В зданиях не было окон, а очертания дверей едва различались.

Он перебегал от одной к другой, стуча и крича:

– Помогите!

Никто не отвечал.

Он оглянулся. Человек-без-Лица уверенно следовал за ним, даже не прибавляя шага, улыбаясь и протягивая руку.

Бенджамин снова побежал по залитой патокой улице.

Теперь, когда он стучал, в дверях открывались маленькие окошки, откуда, смеясь, выглядывали люди. Он мчался от двери к двери, и смех за спиной сливался в единый хор.

По щекам текли слезы, он весь вспотел. Его била непрекращающаяся дрожь. Тело болело от изнеможения.

Оглянувшись, он увидел, что Человек-без-Лица идет за ним на том же расстоянии размеренным шагом, протягивая руку.

Он побежал дальше, пытаясь оторваться от преследователя. Люди смеялись над ним с крыш, нараспев выкрикивая:

– Бенджамин, Бенджамин! Беги, малыш Бенджамин, беги!

Задышавшись, он свернул в переулок. Застонав от ужаса, он развернулся. К нему приближался с протянутой рукой Человек-без-Лица.

Он прижался к стене, пытаясь найти хоть какую-то опору для ноги, вскарабкаться по скользкой поверхности цвета слоновой кости.

– Нет! Не надо!

Плеча коснулась ледяная ладонь, сжав его двумя пальцами. Мышцы словно обожгло огнем.

Развернувшись, он бросился на Человека-без-Лица, схватив его за горло. В ответ все так же сияла застывшая улыбка.

Невидимая рука несколько раз хлестнула его по лицу, но он не ослаблял хватку. По его носу и щекам начал колотить маленький кулачок.

Ощувив сквозь ужас реальную боль, он содрогнулся, будто эпилептик в первую секунду приступа.

Открыв глаза, он увидел перед собой испуганное лицо Полианны, которую держал за горло. Ее смятая постель промокла от пота, лицо – все в царапинах, на горле остались отметины, которые вполне могли превратиться в синяки. Она продолжала слабо бить его кулаком.

Бенджамин судорожно отдернул руки.

– О господи, – пробормотал он. – Господи Иисусе!

Выскользнув из постели, он немного постоял над Полианной. Дрожь не проходила. Холодный пот стекал по телу. Он схватил халат, но тот нисколько его не согрел.

– Полли, милая... Полли... Прости меня. С тобой все в порядке? Мне снился кошмар... хуже чем когда-либо. На этот раз он меня поймал. Прости. Я думал, что дерусь с ним. С тобой все в порядке? Тебе что-нибудь нужно? – Он никак не мог остановиться.

Сердце отчаянно колотилось. Страх не уходил. Казалось, сейчас в комнату шагнет Человек-без-Лица.

– Воды, – кивнув, прохрипела Полианна.

Пройдя в ванную, он нашел стакан и лишь с третьей попытки наполнил его наполовину.

Полианна приподнялась на постели, потирая горло рукой и боязливо глядя на Бенджамина. Она взяла стакан.

– Тебе нужна помощь, – прошептала она. – Нет! Не приближайся.

– Это только сон... Я бегу по улицам, зову на помощь, а надо мной все смеются... А он все ближе... На этот раз он меня поймал. Полли, я не знаю, что это значит. Мне страшно. Милая, не бойся, прошу тебя. Со мной уже все в порядке. Я не хотел сделать тебе больно. Я думал, что дерусь с ним.

Полианна расслабилась, но не до конца. Каждый раз, когда он придвигался к ней, пытаясь найти утешение в ее близости и тепле, она тут же отстранялась.

– Полли, прошу тебя...

Дверь открылась.

В Железной крепости была ночь. В тусклом свете из коридора виднелся лишь мужской силуэт с широко расставленными ногами и скрещенными на груди руками. От него исходила неприкрытая злоба.

– Шлюха! – взвизгнул Люцифер голосом на октаву выше обычного. – Поганая шлюха! С моим собственным чертовым братцем!

Он ворвался в комнату. Прикроватная лампа осветила его лицо – лицо убийцы. Схватив Полианну за руку, он рывком поставил ее на ноги и ударил в живот. Она согнулась пополам, и он врезал ей в подбородок. Бенджамин застонал, услышав треск. Ему показалось, что Люцифер сломал ей челюсть.

На самом деле Люцифер сломал собственную кисть. Пискнув от удивления и боли, он усталился на свой кулак.

Бросившись к Люциферу, Бенджамин отшвырнул его от Полианны. Люцифер споткнулся о стул и упал.

– Ах ты, сволочь, – выругался он, поднимаясь. – Оставь мою жену в покое. Убью!

Он кинулся на Бенджамина, хватая здоровой рукой нож.

Кто-то заглянул в дверь и тут же убежал.

Ошеломленный и испуганный, Бенджамин присел, ожидая нападения. Блокировав удар ножа, он ударил Люцифера и попытался схватить его за запястье. Люцифер отпрыгнул и тоже присел.

Оба прошли школу отца и были опытными убийцами. Постороннему наблюдателю их поединок показался бы весьма интересным.

Люцифер дважды сделал ложный выпад и нанес удар. Бенджамин скользнул в сторону и наткнулся на нож, оказавшийся вовсе не там, где он ожидал. По бедру стекла тонкая струйка крови.

– Уж я об этом позабочусь! – прорычал Люцифер, кивая на пах брата. – Больше тебе не удастся оттрахать ничью жену. Даже собственную, самонадеянный урод.

Он начал заходить сбоку. Бенджамин ждал, весь в поту.

Бенджамин швырнул в лицо брата подушкой, но тот увернулся и шагнул к нему.

Поток ледяной воды отбросил Люцифера в другой конец комнаты. Бенджамин повернулся, и на него тоже обрушился водяной удар словно от сотни кулаков, отшвырнув к стене.

– Прекратите, черт бы вас побрал! – заорал он.

Водяной шквал утих.

В дверях стояли двое легионеров, держа пожарный шланг. Мимо них протолкнулась Фрида Шторм, лицо ее перекосилось от гнева. Своим видом она внушала не меньше страха, чем ее отец Кассий.

– Бенджамин, оденься. И ты, женщина, тоже. Люцифер, поднимайся. Быстро!

Она дала ему не по-женски крепкого пинка.

Она не стала спрашивать, что случилось. Все было и так ясно.

– Что с тобой, черт побери? – набросилась она на Бенджамина. – Совсем жить надоело? Сперва та хрень с крейсером Ричарда, теперь это...

– Мама, я...

– Да, это сделал Гомер. Но кто отвечает за Гомера? Кто ему позволил? Генрих, отведи Люцифера к врачам. У него что-то с рукой.

Она шагнула к Полианне. Девушка столь быстро одевалась, что путала застежки. Схватив за подбородок, Фрида повернула ее голову из стороны в сторону. Полианна избегала ее взгляда.

– Что у тебя с горлом?

– Это все я, – пробормотал Бенджамин.

– Что ты сказал?

– Это я, мама. Мне снился сон... На этот раз он меня поймал. И я с ним дрался.

Выражение лица Фриды слегка изменилось, и по нему пробежала тень страха.

– Мне придется поговорить с мадам Эндор. Получить новые данные. Она опасалась, что может случиться нечто подобное.

– Мама...

– Бенджамин, у тебя есть хоть капля приличия? Хоть сколько-нибудь здравомыслия? Это жена твоего брата. Это дом твоего брата. Молчи! Я знаю, что она чертова потаскуха. Я знаю, что она дает любому, кто попросит. Но тебе должно было хватить мозгов, чтобы ее об этом не просить. Ради всего святого, тебе должно было хватить мозгов, чтобы понять: эту ночь он захочет провести с ней. Завтра он покидает крепость.

– Покидает? Я не знал...

– У моего отца есть для него поручение. Если бы ты хоть чем-то интересовался, кроме себя любимого... – Она повернулась к Полианне. – Приберись здесь. Я пришлю кого-нибудь помочь. И предупреждаю: я намерена обсудить это с мужем, когда он вернется. Бенджамин, – она взяла его за руку, – идем.

Оказавшись в цитадели собственных покоев, Фрида крепко схватила его за плечи и раздраженно прошептала:

– Бен, дорогой мой мальчик, зачем тебе все это? Я не могу постоянно вытаскивать тебя из передраг. Отец будет вне себя, когда об этом услышит.

– Мама...

– Он обязательно услышит. Ради всего святого, да завтра об этом будет знать вся крепость. Бен, держись от нее подальше. Она словно течная кошка. Ей все равно.

– Мама...

– Сядь. Вот так, хорошо. Я хочу, чтобы ты подумал, Бен. Как следует подумал. О себе. Об этой женщине. О Люцифере. Обо всем, что тут происходит. О проблемах твоего отца и деда. И самое главное – о Майкле Ди. Майкл Ди здесь, Бен. Тебе не хотелось бы знать почему? На это есть причина. Он ничего не делает без каких-либо низменных причин. Твой отец и дед совершили ошибку, улетев, пока он здесь.

– Мама...

– Молчи. Ничего не говори. Просто думай. Я приготовлю тебе выпить.

Пока он пил, Фрида сделала несколько вызовов по связи. Сперва она поговорила с мадам Эндор, привезенной с Новой Земли оккультисткой. Разговор был долгим, и, когда он закончился, Фрида побледнела.

Затем она связалась с арсеналом, разбудив главного оружейника, и приказала снабдить Бенджамина легким пуленепробиваемым «бельем». Фирма «Интерстеллар техникс» пыталась продать его мужу, чтобы тот носил его под обычной одеждой.

– Меня не волнует, что мы его так и не купили, капитан. Если Легион не хочет платить, заплачу сама. И сделайте все нужные модификации. Утром он явится на примерку. – Она рассерженно отключилась.

Сев напротив сына, она уставилась на него. Он не поднял взгляд и спросил:

– Ты ведь звонила мадам Эндор?

Фрида кивнула.

– Насчет моих снов? Что она сказала? – (Фрида не ответила.) – Что, все настолько плохо?

– Бен, завтра первым делом пойдешь в арсенал. Капитан Фергус подгонит тебе по размеру бронебелье от «ИТ».

– Мама...

– Делай, как я говорю, Бенджамин.

– Мама...

– Я все сказала, Бенджамин.

Он вздохнул.

Его охватил внезапный страх – впервые за все время не во сне. Он невольно оглянулся – не приближается ли Человек-без-Лица?

22. Годы 2844–2845

Все те месяцы, что Дит провел в плену, его поддерживало свойственное сангари умение ненавидеть врага, которое освещало путь, подобно факелу в ночи. Джексон порой был близок к тому, чтобы окончательно сломить Дита, и даже полагал, что это ему удалось. Но за внешней покорностью, игравшей роль защитной окраски, таилась ненависть. Он размышлял, строил планы и набирался терпения.

Через неделю после неудачной попытки побега Джексон взял его с собой в селение. И Дита оно потрясло намного сильнее, чем тот факт, что старику известна его тайна.

Само селение вполне соответствовало его ожиданиям. Оно состояло из десятка грязных примитивных хижин, в которых обитали полукочевые охотники и собиратели. Их было около сотни, от многочисленных детей до горстки стариков.

Вождю было около тридцати лет по летоисчислению Префактла. В цивилизованном мире его с трудом воспринимали бы как взрослого, но здесь он считался стариком. Жизнь в лесу была коротка и жестока.

До селения добрались около тридцати рабочих и племенных рабов Норбонов. Их состояние повергло Дита в ужас.

Эти дикие звери использовали сородичей в качестве рабов, причем куда более жестоко, чем Норбоны. Жители селения до сих пор шутили насчет их доверчивости.

Дит следовал за Джексон, ходившим от хижины к хижине в поисках пациентов. Он видел, насколько жестоко обращаются с животными Норбонов. Девочку не старше его самого держали в яме за то, что она отвергла притязания вождя. Пытавшийся помешать этому полевой рабочий стонал и кашлял кровью, прибитый гвоздями к грубо сделанному кресту. Посреди селения лежал гниющий труп, покрытый насекомыми, – его зажарили живьем.

У Дита весь день подступал комок к горлу. Как могли эти звери столь жестоко обращаться с себе подобными? У них не было к тому никаких причин.

Не потому ли его родители столь презирали человеческую расу?

Джексон, сам того не зная, оказал ему добрую услугу, помешав бежать. Он вполне мог наткнуться на что-нибудь намного худшее.

Джексон обрабатывал опухоль на шее вождя дымящимися вонючими припарками. Дит сидел в пыли снаружи, возле ямы, где держали девочку. Ее скрывали тень и спутанные, слипшиеся от крови когда-то светлые волосы. Плечи ее походили на сплошную запекшуюся рану. Над ней кружило облако насекомых. На вид она напоминала девицу для утех северной породы – дешевый продукт массового производства.

Северянки пользовались постоянным спросом. Норбоны разводили их в больших количествах. Семейство могло похвастаться хорошим племенным фондом.

Норбоны обладали правами на несколько отличных пород, предназначавшихся для развлечения хозяев. Кофейные мулатки регулярно занимали призовые места на выставках.

Дит пожал плечами. То была другая реальность, происходило все это тысячелетие назад и за миллиард световых лет отсюда. И гордился достижениями семейства какой-то совсем другой Дит.

– Эй, ты! – буркнул он.

Девочка не ответила. Дит не сдвинулся с места. По ней скользила его тень, отбрасываемая ползущим по небу солнцем. Он чувствовал, как растет ее любопытство.

Подняв взгляд, девочка увидела веревку на его шее, и на ее покрытом ссадинами лице промелькнули страх и надежда.

Дит ее не знал, но она знала его. Он ободряюще улыбнулся.

На него нахлынуло некое странное, неуклюжее сочувствие, уходившее корнями скорее в школьную скамью, а не в подлинные эмоции. Его учили заботиться об имуществе семьи и поддерживать в порядке. Злоупотребления и бесполезные потери считались грехом. Родина была порой суровой и всегда бедной планетой. Ее ценности и институты направлялись на сохранение того, что имелось.

Дит мог без угрызений совести приказать убить тысячу рабов, если бы в том возникла необходимость. Но он не смог бы избить или умертвить кого-то ради развлечения. И не потерпел бы подобного от других.

Именно таким следовало быть главе семейства.

Теперь он стал самым старшим Норбоном на Префактле. Ответственность за благополучие и сохранение собственности Норбонов легла на его плечи.

– Терпи, девочка, – прошептал он. – Держись. У нас с тобой еще все будет хорошо.

Он чувствовал себя крайне глупо. Его обещание не имело смысла – он не мог никому ни повредить, ни помочь. Как бы поступил отец? Или Рхафу?

Точно так же. Держался бы. И заботился об имуществе.

В селение с воем ворвалось животное, показывая куда-то за спину Дита. Пустая площадь тут же заполнилась. Животные поспешно прятали ценности, в особенности новых рабов. Появились луки и копья.

Джексон схватил веревку Дита и побежал прочь, не переставая тихо ругаться.

С дальней стороны в селение с лязгом въехали два транспорта с космопехотинцами. Над ними с ревом пронесся корабль поддержки, зависнув над площадью. Послышались крики и взрывы, стихавшие по мере того, как старик убегал все дальше.

«Не ищут ли они меня? – подумал Дит. – Знают ли, что я сбежал?» Он надеялся, что нет. Иначе, не дай Сант, за ним устроили бы охоту, пока наконец бы не настигли. Люди в этом смысле отличались крайней целеустремленностью.

Они добрались до пещеры. Джексон поколотил его, будто это он виноват в налете.

Дит выдержал.

Со стоном ползли месяцы, хромая, будто раненые левиафаны.

В роли раба Джексона Дит провел три четверти префактлского года. Каждую неделю они бывали в селении. После налета животные остались на месте – они боялись мигрировать, опасаясь стать добычей более сильных племен.

Девочка-рабыня Эмили оказалась единственной из животных Норбонов, кого не забрала космопехота. Дит встречался с ней при каждой возможности, повторяя обещание ее спасти.

К ненависти добавилось чувство долга. И теперь они поддерживали его вместе.

23. Год 3031

В три тысячи тридцать первом году мертвые не всегда оставались таковыми.

Человеческий мозг пользовался спросом в растущей индустрии криокиборгической обработки данных. Лишенные личности и подключенные к компьютерным системам, килограммы нервной ткани заменяли тонны управляющей и вычислительной аппаратуры.

Средство от деградации нервной ткани пока что не изобрели. Криокиборгическая среда иногда лишь ускоряла ее разложение.

Именно временем жизни нервной ткани ограничивалась продолжительность жизни для людей вроде Гнея Шторма, имевших власть, деньги и доступ к лучшим технологиям омоложения и восстановления.

Число доступных для криокиборгизации мозгов никогда не удовлетворяло спрос. Недостаток пополнялся разнообразными путями. Старая Земля продавала мозги преступников в обмен на твердую валюту дальних планет. Кое-что можно было получить по подпольным каналам. Но в основном ценный товар изымали принудительно.

Десятки предпринимателей, подобно шакалам, рыскали по местам катастроф и вооруженных конфликтов, выискивая трупы для перепродажи органов. Вооруженные силы Конфедерации часто бросали солдат на месте гибели. Самим солдатам была безразлична судьба их тел – хотя они и были готовы на любой риск ради долгой жизни в отставке вдали от трущоб, где родились.

Агенты Гнея Шторма тоже обыскивали поля сражений, выбирая хорошо сохранившиеся трупы. Их замораживали, а потом оживляли и предлагали вступить в Легион.

Большинство воспринимали предложение с детской благодарностью. Путь из трущоб к воображаемой славе и светской жизни Железного Легиона, после того как они милостью Шторма избежали старухи с косой, казался им восхождением в рай. В голосети их называли Легионом Мертвых.

Хельга Ди всю пользовалась сотнями добытых мозгов. Лишь сами Ди знали емкость «информационного хранилища» Мира Хельги.

Шторм не сомневался, что емкость эта по крайней мере вдвое выше, чем Хельга заявляла публично.

Мир Хельги был мертвой планетой. Зараза человечества коснулась ее лишь однажды, создав обширную базу под названием Фестунг-Тодезангст. Именно там скрывалось сердце Корпорации Хельги, далеко простершей щупальца, – глубоко под поверхностью далекой, остывшей в когтях энтропии каменной глыбы на орбите мертвой звезды. Никто не бывал там, кроме членов семьи, мертвецов, а иногда тех, кто, по мнению Ди, должен был исчезнуть. И никто не покидал планету, кроме самих Ди.

Оборонительная система Фестунг-Тодезангста вошла в легенду, будучи столь же причудливой и извращенной, как сама Хельга.

Те, кто оказывался на Море Хельги, исчезали навсегда, подобно прошлогодним бабочкам-поденкам. И Гней Шторм намеревался проникнуть в эту замаскированную льдом адскую нору.

Он не ожидал, что Хельга встретит его с распростертыми объятиями. Она ненавидела его столь глубоко и яростно, насколько это было возможно. Все дети Майкла ненавидели Шторма, и все они вынуждали его так или иначе отвечать взаимностью. Его преступление заключалось в том, что он каждый раз выходил победителем.

Отпрыски Ди были еще хуже, чем их отец.

Вздорный характер Фирчайлда стоил руки Кассию, и теперь Шторм с Кассием держали его под замком в известном только им месте. Он стал заложником, гарантировавшим сдержанность остальных. К несчастью, никто из Ди не отличался здравомыслием, идя на поводу у собственных страстей и забывая обо всем в самые горячие моменты.

Хельга пыталась отомстить за Фирчайлда, захватив в плен дочь Шторма Валерию и используя ее как часть Фестунг-Тодезангста.

В ответ Шторм захватил в плен саму Хельгу, а потом вернул в собственную крепость столь истерзанной, что она сумела выжить, лишь киборгизировавшись с помощью своих машин. Навсегда обреченная на механическую полужизнь, она размышляла и строила планы, ожидая дня, когда ей наконец удастся посчитаться с ним за жестокость.

Сет-Беспредельный тоже не раз давал повод для обид. Казалось, он одновременно повсюду и нигде. Он открыто возникал в местах вроде Лунного командования, а затем исчезал, прежде чем успевали появиться самые быстрые охотники. В половине случаев цель его заключалась в том, чтобы показать нос Штурмам. Как и отец, он был крайне скользкой личностью, и у него всегда имелось наготове несколько интриг. Как и Майкл, он ничего не делал просто так.

Будет весьма неплохо, подумал Штурм, если Кассий застигнет Сета-Беспредельного врасплох на Горе.

24. Годы 2854–3031

Счастливые мгновения в жизни Майкла Ди были подобны крошечным островкам, разбросанным в бескрайнем море. Жизнь его текла быстро, а голова была столь забита всевозможными замыслами, что, когда находилось время оглядеться вокруг, он будто оказывался в чужой вселенной.

Он всегда держался несколько поодаль. Самым первым его воспоминанием была ссора с Гнеем из-за того, что он не такой, как все.

Гней в конце концов принял его таким, как он есть. В отношении себя самого Гнею повезло меньше.

В каком-то смысле Майкл Ди недолюбливал Майкла Ди. С ним было что-то не так.

То, что он не такой, как все, впервые стало ясно по отношению к нему матери, которая слишком его оберегала и слишком за него боялась.

Борис Штурм – человек, которого Майкл считал отцом, – редко бывал дома. Борис был слишком занят работой, и у него почти не оставалось времени, чтобы побыть с семьей. У Майкла так и не возникло привязанности к родне отца.

Эмили Штурм ни на шаг не отходила от первенца, то наказывая его, то защищая, пока Майкл не уверился, что в нем сидит некое до безумия пугающее ее зло.

Что за тьма таилась в его душе? Он часами мучился над этим вопросом, но не находил ответа.

Другие дети это чувствовали и сторонились его. Майкл изучал людей, пытаясь найти в них собственное отражение. Он научился манипулировать другими, но настоящий секрет ему не давался.

Лишь Гней принимал его как должное. Бедный упрямец Гней, который скорее даст себя поколотить, чем признает, что у него странный братец.

Детство Майкла осложнялось слабым здоровьем. Борис тратил целое состояние на врачей. Не найдя никаких нарушений, они в конце концов предположили, что все дело в плохих генах.

Он рос слабым, бледным и болезненным подростком. За него в драках участвовал брат. Гней был столь силен и упрям и его столь боялись, что дети предпочитали игнорировать Майкла, чем ввязываться в драку.

Чтобы привлечь к себе внимание, Майкл сочинял всевозможные истории с собственным участием. К его удивлению, в истории верили! У него имелся талант. И когда Майкл это понял, начал использовать свою способность в полной мере.

Со временем он научился взвешивать каждое слово, каждый жест, тщательно рассчитывая эффект, который они произведут на слушателей. В итоге он дошел до того, что уже не мог говорить прямо. Со временем даже к самой простой цели приходилось идти круглыми путями.

Он так и не сумел выбраться из ловушки, которую сам для себя создал.

Его благословением – или проклятием – стали острый ум и эйдетическая память. Он пользовался этими инструментами, чтобы плести прочные сети лжи и обмана. Майкл стал выдающимся лжецом и интриганом, живя в центре урагана фальши и вражды.

В то время минимальный возраст для поступления в Академию составлял четырнадцать стандартных лет. Когда его достиг Гней, Борис Шторм постарался, чтобы к обоим сыновьям, как родному, так и приемному, отнеслись с надлежащей благосклонностью.

Борис был отпрыском старого военного рода. Его предки сделали карьеру в Директорате Палисарии, государстве – основателе Конфедерации. Сам он ушел со службы, но не мог представить иной цели для сыновей. Начальное образование они получили в частной военной спецшколе, которую он создал для детей сотрудников корпорации Префактла.

Именно там Майкл и Гней впервые познакомились с Ричардом Хоксбладом. Тогда его звали Ричард Ворачек. Фамилию Хоксблад он взял, когда стал наемником.

Ричард был сыном консультанта по менеджменту, которого Борис взял на работу, чтобы увеличить прибыль. В его семье не было военных, и Ричард оказался чужим среди детей, рассматривавших штатских как низшую форму жизни. Будучи еще ниже ростом и болезненнее, чем Майкл, он стал любимой жертвой Ди.

Ричард воспринимал обиды и унижения со спокойным достоинством, отказываясь как-либо отвечать. Его невозмутимость приводила одноклассников в ярость, в то время как он давал им отпор, оказываясь во всех отношениях лучшим учеником. Лишь Гней мог иногда воспарить до тех же высот, что и Ворачек.

Успехи лишь добавляли ему проблем среди соучеников. Гней, бывший самым близким его знакомым, часто возмущался, почему тот не дерется в ответ.

– Счеты сравняются сами, – пообещал Ворачек.

Так и случилось.

Пришло время суровых конкурсных экзаменов в Академию. Юноши устремились к цели, к которой всю их недолгую жизнь вели родители, сражаясь за возможность войти в ряды элиты.

Испытания длились шесть утомительных дней, как физические, так и психологические. По большей части проверялись общие знания и способности к решению проблем. Кандидаты знали, что в этом отношении Ричарда не превзойти, но, к их удивлению, Майкл справлялся почти столь же быстро.

Сдав последнее тестовое задание, Ричард спокойно объявил, что преднамеренно отвечал неправильно. На вопрос преподавателя он ответил, что кто-то списывал у него часть ответов, и спросил, нельзя ли повторно сдать тест наедине.

Компьютерный анализ показал неестественное совпадение ответов Ворачека и Майкла Ди. Ричарду позволили сдать тест повторно, и он получил самые высокие оценки за всю историю.

Майкл, решивший пойти по легкому пути, беспомощно смотрел, как рушатся его мечты, подобно башням без вершин.

Он знал, что виноват сам, но в силу своей извращенности верил, что вину с ним делит и Ричард. А может, Ворачек вообще был во всем виноват – в зависимости от того, как посмотреть.

Для Майкла случившееся стало водоразделом. Он начал обманывать сам себя. Лишившись последнего оплота реальности, он отправился в свободное плавание, превратившись во вселенную из одного человека, которого связывали с внешним миром лишь ложь и ненависть. Он заковал себя в невидимые кандалы, столь хитроумные, что даже сам не мог дать им определения.

Майкл все же не стал изгоем, найдя себе новую цель в той области, где ценились люди, способные переделывать реальность. Он стал журналистом.

Голосети, для владельцев которых главную роль играли рейтинги, давно отказались от любых претензий на объективность репортажей. Важнее всего была приманка для аудитории, заставлявшая переключиться на нужный канал. И чем кровавее репортаж, тем лучше.

Майклу хотелось независимости, за что он тяжело сражался многие годы. А затем разразилась война с улантонидами.

Он продемонстрировал умение оказываться в нужном месте в нужное время и не раз выдавал лучшие репортажи. Его коллеги снимали катастрофу за катастрофой, по мере того как улантонида стремительно продвигались к Внутренним мирам. Майкл находил яркие моменты маленьких побед и героических сопротивлений. Его репортажи постоянно пробивались в топы.

Пока Борис, Гней, Кассий и Ричард сражались за свою жизнь в попытках остановить Улант, Майкл получал удовольствие от собственных репортажей. Оккупация Префактла Улантом разорила Штормов, но сам он становился все богаче. Он устанавливал собственную цену на свои материалы. В военной неразберихе он ловко уходил от налогов и с умом делал вложения. Он покупал крупные пакеты акций межзвездных компаний, когда коммерческие сверхсветовые полеты казались лишь мечтой. Он вложился в хранение межзвездных данных, побочную линию, впоследствии приведшую к созданию Фестунг-Тодезангста.

Все, к чему он прикасался, превращалось в золото.

Он ничего не простил Ричарду. Хотя его состояние росло, он оставался посторонним в любом обществе. Без диплома Академии он не мог подняться выше второго уровня социального положения. Аристократами той эпохи считались военные.

Война закончилась, но хаос продолжался. Гранд-адмирал Макгроу стал мятежником. Налетчики-сангари все так же подстерегали корабли на космических трассах. Виноватых хватало. Майкл занялся пиратством.

Он был крайне осторожен, и никто ничего не подозревал. Собирая сливки информации из своих межзвездных и компьютерных корпораций, он сколотил новое состояние с помощью пары списанных эсминцев.

Выходящие за рамки закона авантюры привели его в очередную жизненную ловушку.

25. Год 3031

Орбита Мира Хельги лежала далеко от солнца. По поверхности планеты с воем проносились метановые вихри, столь же холодные, как и душа ее хозяйки. Шторм искал предательское сосредоточение тепла. Фестунг-Тодезангст располагался на большой глубине, поглощая оставшееся тепло ядра.

Послав украденные опознавательные коды, Шторм вывел одноместный корабль на низкую полярную орбиту. Он совершил три витка, прежде чем обнаружил тепловую аномалию. Зафиксировав ее координаты, он вошел в метановую атмосферу.

Радары его проигнорировали. Ракеты навстречу не поднялись.

Коды оказались верными.

Он натянуто улыбнулся, зная, что убраться отсюда будет сложнее.

Шторм жалел об израсходованном преимуществе, увы – одноразовом. Он копил их со старанием скряги, но данным конкретным воспользоваться больше было нельзя. После его визита Хельга наверняка залатает все дыры в защите.

Он опустился на планету и, будучи уже в скафандре, шагнул навстречу яростному метановому ветру. На мгновение его охватил невероятный холод – обогреватели скафандра с трудом справлялись с задачей.

– Похоже, ошибка в навигации, – пробормотал он.

Расстояние до нужного входа составляло около километра. Ветер и холод вполне могли убить его, прежде чем он туда доберется.

Сокрушаться было слишком поздно. Полетев на корабле, он чересчур искушал бы судьбу. Выбирать не приходилось.

Он пошел пешком.

Данный шлюз использовался в качестве служебного входа во время строительства, для удобства рабочих. Его должна была стеречь загадочная охранница Хельги, но там, скорее всего, никто не появлялся уже полвека, и Шторм рассчитывал застичь ее врасплох.

Наклонившись, он шагнул наперекор буре, не обращая внимания на обжигающий холод. Через каждые несколько сотен шагов он тщательно осматривал левую перчатку скафандра, опасаясь, что та не выдержит мороза.

Он не знал, сколько длилась его одиссея. Ветер и кислородный снег, подобно злорадным заговорщикам, пытались покончить с ним раз и навсегда. Потом натиск бури вдруг ослаб, и, подняв взгляд, Шторм увидел, что оказался в тени преддверия шлюза.

Внешний люк был слегка приоткрыт. Втиснувшись в щель, Шторм запустил рабочий цикл шлюза.

Не обледенел ли механизм из-за небрежности того, кто оставил люк открытым? Дверь люка вздрогнула, протестующе застонала, затем с пронзительным визгом сдвинулась с места и герметично закрылась. По мере того как камера заполнялась пригодным для дыхания воздухом, на скафандре и стекле шлема Шторма оседал иней.

Протерев стекло, он обнаружил перед собой гротескное творение генной инженерии.

Охранница Хельги была худой как скелет амазонкой, с просвечивающей кожей, полностью безволосой. Казалось, она не дышит. О том, что это человек, и притом женщина, свидетельствовали лишь наличие пупка и девственной щели между похожими на палки бедрами, а также ее замешательство при виде шагнувшего из шлюза незнакомца в скафандре.

Запотевшее стекло на несколько мгновений сделало Шторма уязвимым, но она потратила эти секунды впустую. Наконец она среагировала, перейдя на инфразвук, вызвавший у него неодолимый ужас.

В ее покоем на череп лице не было ничего человеческого. Не шевельнулся ни один мускул под смертельно бледной кожей. Шторм сражался с гипнотическим воздействием инфразвука, пытаясь обратить собственный страх себе на пользу.

– Мертвая, – прошептал он.

На мгновение он ей даже посочувствовал, но тут же понял, что в том нет никакого смысла. Жизни в этом существе теплилось меньше, чем в ком-либо из его неоднократно воскрешенных солдат.

Шторм приблизился к охраннице, вытянув левую руку.

Она выглядела хрупкой и бессильной, но впечатление обманывало. Никто из живущих не превзошел бы ее без специального снаряжения. Боль, раны и обычные пределы человеческих сил ничего для нее не значили. Ее создали для единственной цели – атаковать до победы или собственной гибели.

Перчатка Шторма слегка коснулась ее руки и сработала. Предполагалось, что удар током воздействует на ее нервные сигналы и сделает ее более сговорчивой.

Результат оказался несколько хуже, чем он ожидал. В ней поубавилось агрессии, но покорной она не стала. Сумев наконец подчинить ее себе, он лишил ее инфразвуковых способностей и отправил перед собой по лестницам и пандусам. Каждые десять минут он бил ее током, расходуя энергию перчатки.

Его беспокоило, что он растрчивает лучшее свое оружие. Если заряд слишком быстро иссякнет, придется ее убить. А ему требовалась живая приманка, чтобы преодолеть следующее препятствие.

Путь Шторма, как и все ведущие с поверхности коридоры, заканчивался в темном помещении величиной со стадион, с потолком, как у естественной пещеры. Выровненный с помощью машин гладкий пол покрывал полуметровый слой песка.

«Вот они, настоящие ворота в Фестунг-Тодезангст, – подумал Шторм, присев в конце туннеля. – Настоящее караульное помещение». Здесь оказывалось бесполезным самое могущественное оружие. Страж был под стать своей «будке».

Хельга Ди обладала своеобразным чувством юмора и взглядом на мир. Роль ее стража играла рептилия величиной с тираннозавра, родом со столь массивной планеты, что здесь эта тварь была ловкой и проворной, словно котенок. Лишь сама Хельга, вырастившая ее с яйца и любовно называвшая «щеночком», могла с ней совладать – как заявляла она сама, силой любви, но Шторм полагал, что дело во вживленных имплантатах.

В пищу твари шли доноры мозгов и враги Хельги.

Несмотря на примитивность и минимум интеллекта, тварь была весьма действенной охраной, прекрасно иллюстрируя натуру Хельги Ди. Использование подобного существа в дополнение к замысловатым защитным средствам на поверхности – шутка вполне в ее духе.

От обрушившегося на Шторма рева твари заболели уши. Он не видел ничего, кроме огромного движущегося силуэта в плохо освещенной пещере.

Он пришел сюда не затем, чтобы умиляться зверям в зоопарке. Тварь была препятствием, а не зрелищем. Ее требовалось сдвинуть с места или уничтожить. Сняв с пояса пакет весом в килограмм, он закрепил его на спине амазонки, а затем швырнул в пещеру чудовища световую гранату, чтобы привлечь его внимание, и с силой толкнул туда охранницу.

Из мрака возникла громадная чешуйчатая голова, и женщина-скелет исчезла в клыкастой пасти. Огромный желтый глаз уставился на Шторма.

Тварь задрала голову. Из темноты послышались чавканье и хруст костей.

Шторм вздрогнул. Женщина встретила смерть, не издав ни звука.

На мгновение он удивился, почему не убил Хельгу, когда была возможность.

Он ждал. Чавканье стихло. Хельга специально выбрала монстра, тщательно пережевывавшего еду.

Тварь глухо заворчала. Шторм ждал. Вскоре она уже храпела, словно вулкан. Он подождал еще немного, тревожась из-за задержки.

Казалось, он провел здесь уже полжизни, но так и не сдвинулся с места. А еще нужно проникнуть в самую крепость...

Предполагалось, что снотворное подействует быстро, но оно было слишком старым. А подмешанный в него яд действовал медленно. Для надежности следовало подождать еще немного.

Шторм хотел, чтобы чудовище спало, пока он будет внизу, и умерло лишь после того, как он отсюда сбежит. Хельга могла отслеживать жизнедеятельность твари.

Он пересек арену на три четверти, когда чудовище перестало притворяться спящим. И – предстало перед ним во всей красе, будто явившийся из другой эпохи дреднот из плоти и крови.

Тварь двигалась не столь проворно, как прежде. Снотворное в какой-то степени подействовало. Шторм сдерживал панику, хотя страх впивался в душу стальными когтями. Он повернулся к атакующему чудовищу.

Он многие годы репетировал этот поединок, заучив последовательность действий.

Отступая к цели, он выпустил из перчатки одиночный энергетический заряд. Большая голова с похожими на кинжалы зубами опустилась – медленно для чудовища, но невероятно быстро для субъективного восприятия Шторма.

Он метнулся в сторону, взмахнув назад рукой в растопыренной, будто орлиные когти, перчатке. Его пальцы на мгновение коснулись влажной мягкой плоти внутри гигантской ноздри. Перчатка выпустила заряд, и в воздухе завоняло горелым мясом. Чудовище с воем отпрянуло, путаясь в собственных лапах и терзая морду когтями передних.

Шторма отшвырнуло в сторону, но, движимый выбросом адреналина, он вскочил с удивительной для человека его возраста ловкостью. Он присел, готовый к очередной атаке, надеясь, что сумеет достаточно долго играть в кошки-мышки, чтобы добраться до выхода.

Тварь была чересчур занята собой. Она продолжала тереть лапами нос, словно ужаленная пчелой собака, раздирая собственную плоть. Когда тварь зарылась чешуйчатой мордой в песок, Шторм истерически рассмеялся и бросился к выходу из пещеры.

Неприступная преграда пала. Он проник в Фестунг-Тодезангст.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя и сориентироваться. Он жалел, что не может все бросить. Ему ничего так не хотелось, как мира и безопасности своего кабинета.

А может, отступить? Он все равно в конечном счете не победит. К чему сражаться? Почему бы не обрести хоть немного покоя, прежде чем случится неизбежное?

Та его часть, которая не собиралась сдаваться, все же взяла верх, и он двинулся дальше вниз, вглубь Фестунг-Тодезангста.

Подземелья Мира Хельги были стерильны и безжизненны. Шторм шел по длинным коридорам с безликими металлическими полами и стенами, в свете бело-голубых ламп. Он не ощущал никаких запахов, кроме легкого запаха озона, и не слышал никаких звуков, кроме едва различимого гудения. Казалось, он шагает по коридорам заброшенной, но стерильной больницы.

За этими стенами шла скрытая жизнь Фестунг-Тодезангста. Тысячи человеческих мозгов. Кубические километры микрочипов и модулей памяти, в которых перемешивались мега-гуголы битов информации. Мир Хельги стал хранилищем данных всей человеческой вселенной.

Какие неожиданные секреты могли там таиться? Какую власть они способны дать тому, кто мог овладеть Хельгой Ди или лишить ее собственности?

Власть эта могла быть невероятно велика. Но никакие силы, даже силы Конфедерации, не разрушили бы империю Хельги. Ее отец обещал всей вселенной, что она скорее призовет Сумерки богов, чем откажется от своего положения. Любому завоевателю пришлось бы тайно деактивировать десяток термоядерных разрушительных зарядов и отсоединить все хранилища ядов, предназначенных для убийства лежащих в резервуарах мозгов. Ему пришлось бы деактивировать саму Хельгу, в руках которой находились все рычаги управления.

Такова была главная черта семейства Ди – то, что принадлежало им, принадлежало им навсегда. Предметом переговоров могло служить лишь чужое. Никто, а в особенности алчное правительство, не мог посягнуть на собственность семьи.

Шторм намеревался обокрасть самую хладнокровную, самую злобную и самую завистливую представительницу рода Ди. И помочь ему в этом должно было нечто, украденное у себя самого. Огромному состоянию королевы мертвецов предстояло стать самой серьезной для нее помехой.

Он собирался причинить ей боль – и в полной мере этим насладиться.

На глубине в несколько километров, глубже самой главной крепости, столь глубоко, что скафандру приходилось охлаждать его, а не согревать, он нашел терминал, который искал.

Это была главная консоль небольшой, наполовину независимой системы, существовавшая для единственной жестокой цели. Именно отсюда Хельга намеревалась отомстить Гнею Юлию Шторму. Здесь хранилось все, что было известно о Шторме и Железном Легионе. Наверняка там есть и то, чего он не знает сам. Сюда попадали любые обрывки информации, любые слухи, имеющие к нему отношение.

Сюда также приходил Майкл Ди, замышляя очередную интригу.

Когда-то Хельга была дикой развратницей, бросавшейся из одной авантюры в другую с неистовством обреченной женщины. Бескрайняя скука, которой сопровождалось ее заточение

в Фестунг-Тодезангсте, стала для нее самым жестоким ударом судьбы, какой она только могла вообразить. И каждую минуту, пока работала эта система на самой большой глубине, Хельга утешала себя тем, что забирала себе кусочки души Шторма.

Главный здешний мозг, которому подчинялись остальные, принадлежал его дочери Валерии. Перед киборгизацией ее не лишили собственного «я», и каждую секунду сильно сжатого субъективного времени она осознавала свою личность и положение.

Именно за эту жестокость он намеревался убить Хельгу Ди. Когда придет время. Когда созреет нужный момент.

Всею своя пора.

Он долго смотрел на терминал, пытаясь забыть о том, что душа машины – его собственная дочь, которую он так любил.

Шторм всегда заявлял, что возраст вовсе не означает мудрость – лишь опыт, из которого мудрые делают соответствующие выводы. И даже у самого большого мудреца есть слепые пятна. И он может вести себя как глупец, оставаясь столь непоколебимым в собственной глупости, что та в итоге задушит его посредством изобретенной им же гарроты.

Слепые пятна Шторма – Ричард Хоксблад и Майкл Ди. Он был чересчур готов приписать все зло Ричарду, слишком доверяя брату и многое ему прощая.

Много лет назад, так же как недавно Полианна, Валерия исчезла из Железной крепости. Шторм подозревал, что не обошлось без махинаций Майкла Ди, хотя и не был до конца уверен. Не знал он и мотивов бегства Валерии, хотя до этого она часто говорила о примирении с Ричардом.

Воспоминания о Валерии повлияли на его поведение после случившегося с Полианной. Он тут же бросился ее спасать – возможно, поступив неблагоразумно.

Валерия влюбилась в Хоксблада.

Когда просочились слухи об их романе, Шторм пришел в ярость, обвинив Ричарда во всех преступлениях, вину за которые отец мог возложить на любовника дочери. Майкл устроил им встречу с Валерией, и Шторм по глупости отрекся от нее, когда она отказалась вернуться домой.

Он тут же пожалел о собственных словах, но из упрямства не взял их назад. И еще больше он пожалел, когда Хельга, одурачив собственного отца, похитила Валерию и навсегда спрятала ее в Фестунг-Тодезангсте.

Бедная Валерия. Она превратилась в придаток машины, веря, что отец отрекся от нее.

С тех пор Шторм не мог выбросить Хельгу из головы. Свою месть он считал лишь символической расплатой за разрушение дочерней любви.

Они все были по-своему жестоки и старомодны – Штормы, Ди, Хоксблады, а также те, кто им служил.

Хватит, подумал он. Он и так уже в последнее время слишком часто распинал себя на этом кресте. Дрожащими руками он подключил свой коммуникатор к каналу речевого ввода:

– Валерия?

Он ощутил нечто вроде пробуждающегося электронного шороха.

– Кто там? – послышался удивленный голос.

Шторм мог дать лишь единственный ответ, за которым не последовал бы взрыв ненависти и злобы:

– Ричард Хоксблад.

– Ричард? Что ты тут делаешь?

Он чувствовал ее неуверенность, надежду и страх. На мгновение его затошнило, будто некий отвратительный червь прогрызал путь наружу из его внутренностей.

Если они с Ричардом и были в чем-то согласны, то только в одном: Хельга заслуживала суровой кары.

Ричард любил Валерию. И любовь эта стала еще одной непреодолимой пропастью между ними.

– Я пришел с тобой увидеться. Освободить тебя. И выяснить, что замышляет Хельга насчет твоего отца и меня.

Последовала долгая пауза. Он испугался, что связь прервалась.

– Кто это? – раздался наконец голос. – Я так долго и безмятежно спала...

Он ощущал на вкус, насколько мучительна для нее ложь. Ни о каком безмятежном сне для Валерии Шторм не могло быть и речи. Хельга об этом позаботилась.

– Ричард Хоксблад, – повторил Шторм, жалея, что не знает подробностей их любовных бесед, прозвищ, которыми они называли друг друга по ночам, всех тех крайне важных банальностей, которые происходят между влюбленными. – Валерия, что это за новый комплекс, который я видел по пути сюда?

В промежутке между питомцем Хельги и темницей Валерии он не встретил ничего, кроме бескрайней стерильной чистоты и тишины. Исключение – последние несколько уровней, где ему пришлось пробираться через зону строительства, крадучись по-кошачьи.

Ему стало интересно, заметили ли бы его рабочие-зомби Хельги, если бы он прошелся среди них. Лишенные личности, они ненамного отличались от роботов. Но эти роботы могли быть запрограммированы на то, чтобы сообщать об аномалиях.

– Это криосклепы для сыновей моего отца, смерть которых станет первым шагом моей госпожи.

Шторм с трудом подавил приступ гнева:

– Что? Зачем?

– Хельга и ее отец решили, что мой отец будет сражаться на Черномире. Они намерены захватить в плен моих братьев и держать здесь, пока не завершатся бои.

– И Хельга никогда их не отпустит?

– Да. Но ее отец об этом не знает.

– Как это должно случиться?

– Их захватит в плен Майкл Ди.

Шторм вспомнил кошмары Бенджамина. Не были ли они пророчеством? Не могли ли оба близнеца обладать пси-способностями? Не мог ли Человек-без-Лица быть Майклом Ди?

– Как они собираются убить Бенджамина? – выпалил он и тут же поморщился.

Ричард Хоксблад не мог знать таких подробностей. Он не владел всеми фактами.

– Ты... ты не похож на Ричарда. Он бы никогда... столь холодно... Шторм. Мой отец. Только он мог подозревать...

Похоже, она была слишком ошеломлена, чтобы поднять тревогу, – или ей этого не хотелось. Возможно, она все же слегка его простила.

– Валерия, прости меня. Я повел себя как дурак.

Слова давались с трудом. Он нелегко признавал ошибки.

Нужно было действовать быстро. Хельга наверняка постаралась, чтобы у Валерии не было от нее никаких тайн.

– Милая... прости меня.

Он должен был сделать то, о чем договорились они с Ричардом, впервые узнав о порабощении Валерии.

Для Валерии Шторм имелся лишь один выход. Иным способом освободить ее он не мог.

Плоть от его плоти, кровь от его крови... Слезы застилали глаза.

Весь дрожа, он взялся за большой красный рычаг в центре терминала. Червяк в его кишках превратился в разъяренного когтистого дракона.

Прежде он считал себя слишком старым и заскорузлым для такой боли.

Мгновение поколебавшись, он выдернул защитную чеку и рванул рычаг.

В шлеме послышался звук, похожий на хрип от медленного удушья. Рука потянулась к разъему коммуникатора, но он заставил себя ее отвести. Он должен был все слышать, все запомнить. Эта страшная минута никогда бы не наступила, не окажись он тупоголовым идиотом.

Следовало ощутить горький вкус собственной глупости наравне со сладостью мудрости, ибо мудрость – порождение хорошо запомненной глупости.

Валерия была еще жива.

– Как тихо... – еле слышно прошептала она. – Отец, скажи Ричарду... Прошу тебя. Скажи Ричарду, что я... я...

– Обязательно, Валерия. Милая... Обязательно.

– Отец... Сыграй что-нибудь... как раньше...

Шторм вспомнил мелодию, которую наигрывал, когда она была маленькой, и по щеке скатилась слеза. Он снял со спины футляр, молясь о том, чтобы холод и встреча со стражем Хельги не повредили инструмент, и, закрыв глаза, начал играть. Музыка звучала слегка визгливо, но пробуждала давние воспоминания.

– Эту, милая?

Тишина. Беззвучная, гулкая тишина смерти.

Он впал в неистовство, скрывавшее под собой более глубокие и болезненные чувства. На несколько долгих минут он отдался горю, и музыка его превратилась в мучительный вой.

Валерия была не первой из родных, кого он убил, и вполне могла оказаться не последней. Но опыт прошлого несколько не облегчал душевных мук, и по ночам он часто просыпался, задыхаясь от слез.

Шторма никто и никогда не видел плачущим от ярости и горя, кроме Фриды, которая держала в объятиях, пока его сотрясали рыдания.

Он взял себя в руки. Нужно было еще многое сделать. Он кое-что узнал, и теперь следовало поторопиться.

Поднимаясь из глубин Фестунг-Тодезангста, он видел перед собой мертвое лицо Хельги Ди, которая преследовала его с настойчивостью фанатика-убийцы.

Прежде он считал, что ненавидит Ричарда Хоксблада, но та ненависть выглядела детским капризом по сравнению с теперешней. Его чувства по отношению к Хельге стали факелом, за светом которого он готов был следовать сквозь тьму до конца своих дней.

Он так и не задал вопросы, которые привели его на Мир Хельги. Но ответы на них истекали из того, что ему удалось узнать.

Игра Майкла подходила к концу... Ди выдергивал затычки, выстраивая все в ряд и рискуя всем ради того, чтобы получить желаемое. Легион и Хоксблада швыряли на Черномир, будто бойцовых петухов, вынудив сразаться и на этот раз погибнуть безвозвратной смертью.

Какая бы навязчивая идея ни преследовала Майкла, она была близка к успеху. Лишь немного отделяло Майкла от его Эльдорадо. Предстояла война, еще больше разжигающая ненависть. Неотвратимо надвигались Сумерки богов.

Закат Легиона маячил за ближним горизонтом. И он мог означать конец всем армиям наемников...

Шторм поклялся, что они с Ричардом, возможно, сразятся и оба проиграют, но оба уйдут во тьму с одной победой, которая осветит им путь в ад.

Вместе с ними туда отправятся Ди. Все до последнего.

26. Год 2845

В лесной тени таял последний снег, когда Дит совершил второй рывок к свободе, к которому готовился несколько месяцев. Сперва пришлось убедить Джексона, что он смирился с

судьбой. Он преданно исполнял все приказы и заботился о старике больше, чем тот от него требовал. Он не пытался бежать, даже когда представлялась возможность. Не пытался и особо сопротивляться извращениям и постоянным издевательствам. Он молча страдал и стоически ждал.

Дит начал готовить почву для мести осенью, под видом заботы о Джексоне. Он устлал пол пещеры листьями, а когда похолодало и потребовалось поддерживать огонь, принес груды дров. Собирая их, он набрал маленьких острых камней, которые спрятал по всей пещере.

В выбранную для побега ночь он перерезал веревку на шее острым камнем. Он потратил на это несколько часов, изо всех сил стараясь не шуршать листьями, которые заменяли ему постель. Закончив, он сбежал не сразу.

Оставив часть веревки на шее, он поднялся и подбросил дров в огонь. Старик проснулся, как бывало всегда, когда Дит шевелился, и обругал Дита за то, что тот его побеспокоил. Дит склонил голову и продолжил начатое. Джексон снова захрапел.

Пламя становилось все выше и выше, с ревом затягивая в пещеру легкий ветерок.

Возле костра Дит заблаговременно спрятал вещи, которые хотел взять с собой, – одеяло из шкур, сталь для розжига, мешочек с сушеными плодами. Он выбросил их из пещеры.

Джексон внезапно проснулся, полный подозрений, и раздраженно дернул за веревку. Та полетела ему в лицо. Он с тупым удивлением уставился на ее растрепанный конец.

Схватив раздвоенную палку, Дит швырнул огонь на сухие рассыпающиеся листья. Отскочив назад, он опрокинул большую, заранее подготовленную грудку хвороста в пламя. Огонь тут же вгрызся в нее, поднимаясь все выше и треща все громче.

Дит подбросил в пламя побольше дров.

Ругаясь, старик в ужасе выбрался из кресла и попытался прорваться к выходу, прежде чем препятствие станет непреодолимым.

Дит свалил его с ног, швырнув камень.

Ненависть придала ему ярости. Камень врезался в грудь Джексона с такой силой, что послышался треск старых хрупких ребер.

Джексон поднялся, снова пытаясь вырваться из пещеры, но ловушка уже захлопнулась, и он попятился.

Дит завороченно смотрел, как Джексон вопит и пляшет, охваченный пламенем. Наконец, обезумев от боли, старик снова метнулся к выходу сквозь огонь. Вывалившись наружу, он рухнул наземь, судорожно дергаясь и пытаясь ползти к своему мучителю.

Отступив на несколько шагов, Дит собрал припасы, но не уходил, пока Джексон не умер.

Дит ничего не чувствовал к старику. Это была даже не казнь – лишь избавление от мучений.

Он направился к селению.

Ему казалось, будто в этой пещере он утратил часть души. У него не осталось настоящих человеческих эмоций. Он превратился во вселяющее страх прагматичное чудовище, не имевшее понятия о совести и чувствах. С этих пор он лишь притворялся, считая, что все остальные поступают так же. Большую часть времени для него что-то значили лишь его собственные капризы и прихоти, а также те, кого он ненавидел. Всех остальных он рассматривал лишь как предметы, которые можно было использовать.

Диту нужно было действовать именно сейчас – вождь селения обрек девочку по имени Эмили еще на одну неделю жизни в яме. Дит мог похитить ее без необходимости тайком пробираться в дом вождя.

Чтобы войти в селение и покинуть его, требовалось проскользнуть мимо часового, выставленного на случай ночного набега соседних племен. Часовой заснул на посту, и Дит неслышно пробрался мимо. Держась самых темных мест, он подобрался к хижине вождя.

Яму накрывала крышка из натянутой на деревянную раму шкуры. Дит убрал прижимавшие ее камни и отодвинул крышку в сторону.

– Эмили! – прошептал он, лежа на животе. – Пора.

Внизу ничего не было видно, но он знал, что она не спит. Слышалось ее испуганное дыхание.

Неподалеку послышалось ворчание прирученного в селении зверя. Он почувствовал Дита, но поднимать шум не стал.

– Эмили! Идем! Это я, Дит. – Ответа не последовало. – Идем!

Шло время. Он не мог его тратить впустую на перепуганную рабыню. Опустив руку, он попытался схватить девочку за волосы, но не достал.

– Идем. Дай мне руку. Нужно уходить.

Она всхлипнула.

Дит знал, что ей пришлось страдать, но вряд ли больше, чем ему самому. Что с ней такое? Неужели дух этих животных так легко сломить?

– Дай руку! – бросил он и потянулся снова.

Ощутив, как она схватилась за его руку, он напрягся и потащил девчонку наверх. Извиваясь и скуля, вся голая, она выбралась из ямы.

«И что дальше?» – подумал Дит. Не будет же она бежать без одежды по холодному лесу! Кусты исхлестают ее до крови.

– Найди какую-нибудь одежду, – приказал он, показывая на хижину вождя.

Эмили покачала головой.

– Давай! – рявкнул Дит.

Она снова покачала головой.

– Проклятье, да иди же!

Он щелкнул пальцами по ее холодным голым ягодицам. Тихо взвизгнув, она скрылась в доме.

Закусив губу, Дит присел возле хижины, глядя на очертания холмов в предраассветных сумерках. Что, если их с Эмили кто-то услышал?

Животное продолжало вопросительно ворчать, но не могло выбраться из загона, чтобы выяснить, в чем дело. Из леса доносились уханье, вой и крики ночных обитателей.

Кем они могли быть? Дит не слышал о крупных хищниках, но это не означало, что их не существовало. О Префактле он знал лишь то, что видел сам. А Джексон не позволял ему увидеть слишком многое.

Девочка вернулась, одетая в шкуры.

– Это вещи Юлоа, – прошептала она.

Она украла их у сына вождя.

– Лучше пойдем поскорее, – нервно усмехнулся Дит. – Скоро взойдет солнце.

– Куда мы идем?

Дит сам не знал. У него не было никаких планов, кроме как вытащить ее из ямы. Он слишком мало знал об этом мире.

– Назад на станцию, – ответил он и двинулся вперед, прежде чем она успела возразить.

Нужно было куда-то идти, лишь бы убраться отсюда. Поколебавшись, она последовала за ним.

Часовой сменился, но снова спал. Они осторожно прошли мимо.

Еще через сотню ярдов Дит остановился. Он не знал, куда идти. Ему было известно лишь направление, но не дорога.

Гордость не позволяла ему признаться в собственном невежестве животному, и он двинулся дальше, не дожидаясь вопросов Эмили.

Час спустя, когда они пробирались сквозь кусты на крутом склоне, она спросила:

– Почему бы нам не пойти по тропе? Она совсем рядом. – Тяжело дыша, она добавила: – Так у нас уйдет куча времени. Скоро за нами погонятся.

Дит нахмурился. Она что, собирается постоянно донимать его вопросами?

С другой стороны, смысл в ее словах имелся. И при этом она не пыталась с ним спорить.

– Может, ты и права.

Направившись в указанную ею сторону, они вышли на узкую тропу. Идти стало легче. К тому времени, когда рассвет окрасил облака цвета индиго алыми и золотыми полосами, они уже добрались до края леса.

– Отдохнем здесь, – сказал Дит.

Он сел, прислонившись к стволу огромного дерева, два гигантских корня стали подлокотниками его импровизированного трона.

Перед ним простиралась равнина, которую расчистили Норбоны сразу же после прибытия на Префактл. Теперь она была полностью безжизненной, не считая немногих диких травоядных и гонявшихся за насекомыми утренних птиц. Там, где стоял комплекс Норбонов, остались одни руины. Даже главный дом, строившийся как крепость, сровняли с землей, и его обугленные останки покрывали трава и мох.

От других сооружений осталось еще меньше. Люди-космопехотинцы поработали на славу.

А потом они ушли, даже не оставив сторожевых постов. Выжженная площадка, где совершили посадку штурмовые корабли, скрылась под новой растительностью.

Дит задумчиво смотрел на равнину. Здесь ему больше нечего делать. Позади только мучения и смерть. Нужно двигаться дальше.

Но куда? Любые встреченные ими животные вряд ли отнесутся к ним лучше, чем те, кого они уже знали. А если они доберутся до территории, находящейся во власти людей Конфедерации? Девчонка наверняка его выдаст.

Но все это – завтрашний день, а сегодня нужно решать проблемы по мере их возникновения. Сейчас следовало идти дальше.

– Дит? Может, не стоит тут задерживаться? Они наверняка уже знают, что я сбежала.

Поднявшись, Дит направился к руинам. Может, там найдется что-нибудь полезное.

Когда они добрались до развалин, солнце уже поднялось над горизонтом. По пути им попадались десятки скелетов. Некоторые растащили падальщики. На большинстве сохранились лохмотья одежды сангари. Дит нашел маленький скелетик в ярких праздничных панталонах Дхарвона в'Пью, с расколотым черепом.

Дит немного постоял над старым врагом. Не слишком достойная смерть для наследника.

Он поискал кухню. Если что-то полезное и могло найтись, то именно там.

Через час он понял, что усилия тщетны. Руины были обглоданы столь же дочиста, как и кости сангари. Эмили сказала, что после того, как улетела космопехота, здесь побывали жители всех близлежащих селений.

Отыскав помятую алюминиевую кружку и мясницкий нож без ручки, он отдал их Эмили. Сам же удовлетворился острым осколком стеклостали длиной в фут. Возможно, удастся закрепить его на какой-нибудь рукоятке или древке. Он направился туда, где был арсенал, надеясь найти оружие, но грабители постарались на славу. Он обнаружил лишь бутылку охладителя для лазерных пистолетов, которую можно было опустошить и использовать в качестве фляжки.

Дит выливал содержимое бутылки, когда послышался крик девочки, показывавшей на небо. С высоты доносился едва различимый рокот.

На юг двигался корабль вспомогательной службы Конфедерации. С трудом пробравшись среди обломков, Дит сбил Эмили с ног. Она закричала, пытаясь его пнуть.

Патруль скрылся вдали. Оба посмотрели ему вслед. Дит помог Эмили встать.

– Зачем? – спросила она. – Они могли нам помочь. Да и вообще... я могла бы с ними улететь.

– Ты – имущество Норбонов.

Дит повернулся к ней спиной и начал пинками разбрасывать обломки, вспоминая прошлое.

Он провел на Префактле всего неделю, когда появились налетчики. Но этого ему вполне хватило, чтобы полюбить станцию и ее персонал. Это было первое его путешествие за пределы Родины. Все казалось романтическим, особенно старый Рхафу.

Что стало с зоотехником? Он был настоящим бойцом. И вероятно, забрал с собой несколько зверей.

– Пора идти, Эмили, – сказал Дит. – Нужно уйти с равнины, прежде чем нас выследят.

Он двинулся следом за вертолетом. Идти было некуда, кроме как на юг.

Дит не был готов противостоять завоевателям Префактла, но хотел оказаться поближе к их главной базе. Он предполагал, что их штаб-квартирой стали владения Сексонов – самые большие на планете, лучше всего защищенные и с лучшей системой связи. Они могли стать идеальным плацдармом для дальнейшей оккупации, находясь поблизости от главного космического порта планеты, способного принимать самые тяжелые грузовые корабли.

Именно туда и следовало идти. Только там у него была возможность бежать с планеты.

Имелась лишь одна маленькая проблема. Чтобы добраться до владений Сексонов, требовалось преодолеть путь в тысячу с лишним миль.

Путешествие заняло три года, перемежавшихся периодами рабства, столь же мрачными, как и самый первый. Невзгоды крепко сплестили обоих, превратив в единое целое, стремящееся выжить любой ценой.

У Эмили больше не возникало желания сбежать от Дита или предать его.

После того как они добрались до цели, прошли годы. Им приходилось нищенствовать и скитаться по приютам, браться за любую работу. Эмили устроилась уборщицей в корпорации Префактла. Они выжили. И Дит почти забыл о наказе, который дал перед расставанием отец.

Им было по шестнадцать лет, когда случилось невероятное – Эмили забеременела.

Мир для Дита перевернулся, и он начал по-другому смотреть на происходящее. Будучи сангари, он не мог сам воспитывать ребенка, но был в долгу перед младенцем, хотелось ему этого или нет.

Работа Эмили свела ее с президентом корпорации. Девушка ему понравилась, и он постоянно обихаживал ее, даря небольшие подарки.

Дит не находил себе места. Он немало размышлял, и мысли эти причиняли ему боль. Ухажер Эмили был тем самым человеком, который возглавил атаку на его семью. Именно по его приказу погибли все на станции Норбонов. Этот человек стал заклятым врагом Дита – и единственной реальной надеждой для его неродившегося ребенка.

Сангари гордились своим прагматизмом.

– Иди к нему, – сказал Дит Эмили. – Стань его женой. Не спорь. Именно он – тот, кто тебе нужен. С прошлым покончено. Завтра мы начинаем жить по-новому.

Она отказывалась, сопротивлялась, плакала.

Дит выгнал ее из хижины и не пускал назад, пока она не ушла. А потом сел, прислонившись спиной к двери, и зарыдал.

27. Год 3031

Братья Дарксворд походили на полковых делопроизводителей. На их лицах застыло ошеломленное выражение невинного, которому реальность постоянно дает по морде. Они были чародеями хранилищ данных и легкой добычей для чудовищ в человеческих джунглях.

Невысокие и худощавые, с водянистыми глазами, бледной кожей и жесткими редкими каштановыми волосами, они казались представителями некоего вымирающего вида. Гельмут носил пенсне. Более смелый Вульф сделал себе хирургическую коррекцию зрения.

Они не могли спокойно устоять на месте. Посторонние воспринимали их как нервных, постоянно чего-то боящихся коротышек. Казалось, даже мелкие проблемы повергали их в ужас, какой могла бы пережить вовлеченная в оргию старая дева.

Все это была игра, которую они вели столь долго, что сами в нее поверили.

Льда и железа в них было не меньше, чем в Кассии или Шторме. Если бы Шторм потребовал, они убили бы чиновника корпорации без колебаний. Само понятие непослушания было им чуждо.

Идеальная пара старых жилистых убийц.

Их жизнь, чувства и преданность уже двести сорок лет сосредоточивались лишь на одном. Они последовали за Борисом Штормом еще мальчиками, в старом Директорате Палисарии. Вместе с ним они поступили в военное училище, вместе с ним пошли служить во Флот Конфедерации и вместе с ним стали частью корпорации Префактла. Вместе с ним они вернулись на службу после нападения Уланта, а затем помогали ему создавать Железный Легион. После смерти Бориса они остались столь же преданы его сыну.

Они родились на Старой Земле и попали в Директорат в юности. Родной мир преподавал им немало суровых уроков в худших трущобах Европы.

Лишь две вещи всегда имели значение – вступить в банду, где больше всего оружия, и служить ей с абсолютной преданностью, пока она столь же преданно служит в ответ.

За прошедшие столетия эти истины слегка изменились. Братья уже не могли покинуть Легион, сколько бы ни было там оружия. Иногда они напоминали друг другу, что пора бы уйти, но ничего не предпринимали. Они продолжали служить Гнею Шторму с неумолимостью законов природы.

Шторм оставил их заправлять крепостью. Сам факт его отсутствия, как утверждал Вульф, стал для них достаточной проблемой, чтобы вынудить святого заключить сделку с дьяволом.

Дарксворды были странными людьми еще в одном отношении. Они принадлежали к редкой породе истинно верующих, живущих в эпоху неверных. И только они отдавали себе отчет в том, насколько соответствовали их поступки моральным требованиям христианской веры.

Майкл Ди вел себя подобно живчику, появляясь то тут, то там. Полианна, в отсутствие способного урезонить ее Люцифера, похоже, поставила себе задачу оприходовать всех мужчин в крепости. Она уже превратилась в ходячий непристойный анекдот.

Всего через два дня после отлета Люцифера она снова заманила Бенджамина к себе в постель, причем столь открыто, что в крепости об этом знали все. Фрида походила на вулкан, готовый извергнуться в любую минуту.

Традиционная мораль мало что значила в Железной крепости, но излишних неприятностей все же старались избегать.

Полианне, казалось, было все равно. Поведение ее выглядело самоубийственным, причем сознательно.

Ставки были сделаны. Вернется ли Люцифер столь разгневанным, что вновь попытается ее прибить? Решит ли наконец жена Бенджамина, что с нее хватит, и отрежет ему яйца? Столь напряженную ситуацию мог разрешить лишь кто-то вроде Майкла Ди.

Подготовка к Черномиру затягивалась. У Легиона не было тяжелого снаряжения, рассчитанного на безвоздушное пространство. В ядовитой атмосфере – да. Но – не без атмосферы вообще.

Но по крайней мере Ричард Хоксблад столкнулся с той же проблемой.

Страсть Фриды к оккультизму превратилась в навязчивую идею. Она многие часы проводила наедине с мадам Эндор. У нее не вызывали сомнений пророчества, якобы содержа-

шиеся в кошмарах Бенджамина, и она прилагала все усилия, чтобы его защитить. По десять раз в день проверяла, носит ли сын защитную броню, которую она требовала с оружейников.

Времяпровождение с Полианной стало для него единственной возможностью сбежать от несносной мамы и бросить ей вызов.

Среди войск возникали распри, которые можно было объяснить лишь присутствием Майкла Ди. По казармам ходили всевозможные слухи. Случались драки на кулаках и ножах. Вражда между ротами и батальонами нисколько не походила на здоровую, оттачивающую опыт конкуренцию.

Шторм отсутствовал десять дней. Его влияния, способного разрядить напряжение, сильно не доставало.

Отчаявшись, Вульф и Гельмут приказали всем не занятым на службе явиться в спортзал для интенсивных тренировок и установили круглосуточный график. У вымотавшихся легионеров оставалось намного меньше энергии на ссоры.

– Эта сволочь ничего не делает и только мутит воду! – прорычал Вульф, входя следом за Гельмутом в спортзал и яростно глядя на Майкла Ди. – Только взгляни на этого чертового смутьяна. Сидит себе весь такой из себя, будто Соломон на троне.

Гельмут согласно буркнул:

– Кто-нибудь будет против, если мы вышвырнем его из шлюза?

– Только после возвращения полковника. О, смотри-ка – Полианна. Не хочешь мне помочь?

Полианна стояла в дверях, глядя на собравшихся вокруг Ди. Ее наивный, словно у лани, взгляд был устремлен на Майкла.

И взгляд этот пылал ненавистью.

От Бенджамина ни на шаг не отходили Гомер и Фрида. Фрида вызывающе смотрела на Полианну – мол, только попробуй подойти. Сам Бенджамин руководил тренировкой солдат, не проявлявших особого энтузиазма.

Майкл молча наблюдал за происходящим, не замечая Полианны. На губах его играла задумчивая улыбка.

– Разберись с ней сам, – сказал Гельмут. – Я беру на себя Бенджамина и Ди.

В голосе его чувствовалось отвращение. С тем же успехом Вульф мог предложить ему искупаться в выгребной яме. Увидев идущего к ней Вульфа, Полианна залилась румянцем. Ему это понравилось. Он надеялся, что она видит бушующую в его душе грозу.

Единственным, кого обычно боялась Полианна, был Кассий, походивший голосом и равнодушием на компьютер. Казалось, ее не мог напугать никто, побывавший в ее постели.

Она делала недвусмысленные намеки обоим Дарксвордам, но те никак не отзывались. Так что их она тоже могла бояться. Вульф попытался придать себе столь же мрачный вид, какой мог быть у пилота-самоубийцы. То, что он собирался сделать, требовало не меньшей решимости. Аморальность Полианны ошеломляла его и вместе с тем пугала.

– Идем! – бросил он, хватая ее за руку. Полианна вздрогнула. Вульф был сильнее, чем казался, и хотел произвести на нее впечатление. – Тебе многому предстоит научиться! – прорычал он, таща ее за собой по коридору. – Лишь Майклу Ди позволено играть здесь в игры, и ему ничего за это не будет. У него охранный грамота от Шторма. У тебя же ничего нет. Ты всего лишь очередная невестка.

Полианна злобно зашипела. Ярость Вульфа обрушилась на нее словно сокрушительная волна, потопив под собой все, что она собиралась сказать.

– Я могу посадить тебя под замок. И я это сделаю, если не начнешь вести монашеский образ жизни. Держись подальше от Бенджамина. И Гомера. Я видел, как ты его оценивала. Если уж захочешь перед кем-то задрать юбку, то лучше перед Люцифером. Поняла? Хочешь

поиграть – найди себе колоду карт. А в твои игры мы все играли еще до того, как твоя бабушка впервые нагадила в пеленки.

Они дошли до комнат Полианны, и Вульф толкнул ее внутрь. Она расслабилась, и он это почувствовал.

– Думаешь, ты его хорошо знаешь? Тебе остается только молиться. Для него на первом месте всегда Легион. Тот, кому приходилось убивать собственных детей, не поколеблется перед тем, чтобы отправить несмышлениша Ди на Мир Хельги, точно так же как он поступил с тем рудокопом.

Его вера в собственного командира была столь сильной, что Полианне ничего не оставалось, как признать его правоту. Когда он уходил, она вся дрожала и, как он надеялся, ругала себя за то, что связалась со столь ужасными людьми.

Гельмут подошел к группе наблюдавших за тренировкой. Вид у него был лишь чуть менее угрожающий, чем у брата. Улыбка Ди стала неуверенной. Окружавшая Бенджамина обаятельная аура куда-то улетучилась. Гомер зловеще уставился на Гельмута невидящими глазами, похожими на глазницы смерти. Фрида не сводила с него подозрительного взгляда.

Худощавая, с жесткими светлыми волосами, она напоминала своего отца, хотя ей и недо- ставало самоуверенности Кассия. Ее встревожила целеустремленная походка Гельмута. В отличие от Шторма и ее отца, намерения которых она могла понять, Дарксворды оставались непостижимой загадкой.

Именно такое впечатление братьям нравилось производить на других. С размаху рухнув в пустое кресло, Гельмут яростно уставился на собравшихся:

– Капитан Цейслак, остаётся за главного. Бенджамин, у меня есть для тебя работа. Будешь руководить тренировками в вакууме. Начнешь завтра же после утреннего построения. Свяжись с Вонгом. Он введет тебя в курс дела.

Бенджамин сразу же понял, что его собираются убрать подальше от соблазна. Чтобы прогнать через тренировки в вакууме весь Легион, потребуется несколько недель.

«Когда ты наедине с собой в скафандре, можно о многом поразмышлять», – подумал Гельмут.

– Но он же может... – начала Фрида.

– Пострадать? – резко, будто ударом дубинкой, оборвал ее Гельмут. – Чушь. Снаружи он будет в большей безопасности. Он же не склонен к самоубийству?

Гельмут взглянул на неприятно ухмылявшегося Майкла Ди.

Бенджамин покраснел.

– Бывает всякое! Несчастные случаи, и все такое...

– Забота о благополучии сына превратилась для Фриды в навязчивую идею.

– Успокойся, мама, – язвительно заметил Гомер. – У тебя в любом случае есть я, так что всегда будет с кем нянчиться.

Фрида натянуто улыбнулась, залившись виноватым румянцем.

Гомер уставился мертвым взглядом в пол. Он знал, что даже от матери проявлений любви приходится добиваться силой.

– Да, бывает, – задумчиво проговорил Гельмут, снова улыбнувшись Ди. – Я тут немного поразмыслил о несчастных случаях. Они в чем-то похожи на мутации – иногда какой-то может пойти только на пользу. Мы с Вульфом недавно обсуждали подобную возможность.

Улыбка исчезла с лица Ди. Майкл понял смысл слов Гельмута. Пора было стать осмоторнее. Гельмут заявил, пусть и не прямо, что больше не считает интересы Гнея Юлия Шторма и интересы Легиона полностью совпадающими. Намек на то, что они с братом готовы расправиться с Ди, означал революционные перемены, которые могли охватить всю организацию. Когда старые верные псы вдруг встают на задние лапы и рычат...

Гельмут сидел и улыбался, словно читая каждую мысль Майкла.

Фрида продолжала донимать Гельмута, пока тот наконец не взорвался:

– Оспариваете мой приказ, мадам? Можете жаловаться полковнику, когда он вернется.

А пока что попридержите язык.

Он никогда еще столь резко не разговаривал с женщинами. Фрида заткнулась. Шторм всегда поддерживал тех, кого наделил властью проконсула.

Сообщив все, что хотел, Гельмут отправился будить Торстона Шторма. Торстон избавлял его от многих забот. Поначалу единственная задача Торстона заключалась в том, чтобы следить за Майклом, но по мере того, как росла напряженность, Дарксвордам пришлось взвалить на него часть собственного бремени. Он работал шестнадцатичасовыми сменами – пока один спал, остальные двое не давали воцариться хаосу.

– Не сказал бы, что сегодня он чересчур дружелюбен, – заметил Майкл, глядя вслед уходящему Гельмуту. – Он даже на свадьбу навел бы уныние. Заставил бы жениха работать до начала празднества.

Хитрость Майкла удалась – Бенджамин клюнул на приманку:

– Празднество... А что, это мысль, Майкл. Нужно как-то оживить здешнюю атмосферу. Устроим вечеринку!

Майкл улыбнулся и кивнул.

Благодаря усилиям Бенджамина вечеринка перестала казаться натужной и превратилась в настоящее веселье. После нескольких порций выпивки молодежь забыла о столь быстро и загадочно возникшей напряженности. То и дело раздавались неуверенные взрывы смеха.

Мать Бенджамина держалась в стороне, мрачная, будто старая карга. Она с самого начала была против вечеринки, чисто интуитивно, но ей не удалось поколебать Бенджамина. Мадам Эндор оказалась бессильна. Он взбунтовался против материнской опеки и ни за что не позволил бы себя спасти.

Порой он был столь же упрям, как и его отец.

«Где мой муж и отец?» – подумала Фрида. Крепость катилась в преисподнюю, а они были одному Богу ведомо где, гоняясь за какими-то женщинами.

Ди наблюдал за веселящимися с презрительно-насмешливой улыбкой.

На них из-за двери смотрел Торстон Шторм, угрюмый мускулистый рыжеволосый великан, выглядевший чересчур простодушным даже для самых очевидных хитростей. Но внешность была лишь иллюзией – этот человек был крайне опасен.

Торстона возмущало, что его не включили в список гостей, сочтя чересчур буйным. Ему не приходило в голову, что он мог бы на время забыть о своих обязанностях и присоединиться к остальным, никого не спрашивая. Он просто стоял, скрестив руки на груди и сжимая в правой ладони крошечный по сравнению с кулаком игломет, который следил за Майклом Ди, будто управляемый компьютером.

Торстон озадачивал всех. Он казался пустой оболочкой, лишь видимостью человека, напоминая в этом отношении Полианну Эйт. Его «маски» порой конфликтовали друг с другом. Иногда он выглядел отражением собственного отца. Но в основном производил впечатление большого туповатого веселого парня, который пил так, будто впереди не было будущего, ел за целую компанию, шумно хвастался и скандалил, прокладывая кулаками путь в жизни. Гора мускулов, лишенная мозга, который мог бы ею управлять.

Вульф ушел с вечеринки, сославшись на занятость. Полианна хандрила у себя в комнатах. Гельмут спал. Все остальные были здесь.

Бенджамин красовался в форме собственного покроя, чересчур цветастой и пышной для Легиона. Отец бы этого не одобрил. Форма не нравилась и ему самому, но – защитная броня сглаживала производимый ею эффект.

Броня эта была лучшей из лучших. Ее силовые поля поглощали энергию любого оружия, и от них отразился бы любой движущийся с высокой скоростью объект. Эти поля могли захватить и оттолкнуть металл клинка убийцы. Оказавшись в по-настоящему враждебной среде, Бенджамин мог полностью застегнуться и выжить за счет собственного запаса воздуха, воды и питательного супа. К нему невозможно было притронуться. Его мать хвасталась неуязвимостью сына, хотя и боялась, что он все же умудрится погибнуть, несмотря на всю защиту.

Бенджамин придумал игру, заставив друзей стрелять в него, рубить саблями и пронзать ножами. Они изорвали форму в клочья, но не причинили ему ни малейшего вреда. Он хохотал до упаду.

Цель его заключалась в том, чтобы досадить матери.

Гомер, которого все сторонились из-за уродства, сидел в одиночестве, погруженный в мрачные мысли. Очередная вечеринка, где звенел смех женщин, которых привлек Легион. Неужели они снова над ним насмеялись? Женщины всегда смеялись над ним, даже сумасшедшая Полианна. Наверняка она соблазняла его лишь затем, чтобы поиздеваться. И Фрида, эта сука, заявлявшая, будто она его мать... Она бы с радостью куда-нибудь его отправила, чтобы не смущал ее своим присутствием. Как бы она ни притворялась, от проблесков пси-способностей не скрыться.

Всем было все равно. Никто его не понимал – кроме Бена, его отца и иногда того странного юноши Мыша. И он никогда не простит отца за подаренную жизнь. Наверняка тот мог что-то сделать, с такой-то властью и деньгами, – вернуть ему зрение, исправить физические дефекты...

Гомер знал, что отец пытался помочь. Но человеческий разум в минуты отчаяния редко следует доводам здравого смысла.

В такие минуты Гомер ненавидел Гнея Юлия Шторма.

– Гомер? Страдаешь? – послышался рядом голос.

Гомер вздрогнул – подобного сочувствия он никогда прежде не встречал. А чужой жалостью он всегда был готов воспользоваться.

Странно, что он не почувствовал, как к нему подошли. Глаза его были мертвы, но все прочие чувства – сильнее обычного. Казалось, рядом стоял призрак.

– Кто это? – (Голос был незнаком.)

– Майкл.

Ну конечно. Его выдавала способность незаметно подкрадываться и менять голос.

– Чего тебе?

– Просто хотел тебя развеселить. В крепости в последнее время становится слишком мрачно.

Гомер кивнул, хотя, естественно, не поверил ни единому слову. Ди был принцем лжецов и всегда говорил уклончиво. Может, он и в самом деле хотел поднять Гомеру настроение, но лишь с некоей вполне определенной целью.

Для подозрений у Гомера имелись все основания. Будучи слепым, он не мог определить, какое зло замышляет Майкл. Это можно было заметить по выражению лица, да и то лишь на мгновение.

Ди обнаружил ахиллесову пяту Бенджамина. Он получил всю необходимую информацию от самой стойкой защитницы Бена, его матери, попросту послушав ее встревоженную болтовню.

– Хочешь поучаствовать в игре, Гомер? Бенджамин вызывает желающих на поединок. Может, разрешишь и тебе.

– Поединок со слепым? Ты совсем рехнулся, Ди?

– Ничего, я тебе помогу. Идем. Бенджамин, Гомер хочет попробовать.

Ди оглянулся, и по его виску стекла капля пота. Оружие Торстона следило за ним с идеальной точностью.

– Почему бы и нет, черт побери? – ответил Бенджамин. – Давай, Гомер. Может, у тебя выйдет получше, чем у этих клоунов.

По обычаю здоровый шагнул в сторону, снисходительно уступая калеке.

Уговорив Гомера подняться на ноги, Ди вложил ему в руку дуэльный нож и поставил лицом к брату-близнецу. Галерея наблюдала за ними, весело улыбаясь. Гомер почувствовал, как у него поднимается настроение.

– На счет три, – сказал Майкл, отступая назад и пытаясь расположиться так, чтобы кто-нибудь оказался между ним и Торстоном. – Раз...

Бенджамин, играя на публику, подставил грудь клинку Гомера. Пострадать он не мог. Ни одно холодное оружие не пробьет защиту его брони.

– Два...

Ориентируясь по дыханию Бенджамина, Гомер сделал выпад, желая вынудить брата свалиться на свою хваленую задницу.

Отравленное острие деревянного клинка проскользнуло сквозь защищавшую от любого металла броню, и наступила тягостная тишина. Последовала немая сцена, словно в стоп-кадре из старого кино, а затем Бенджамин и Гомер одновременно завопили. Их пси-способности сцепились друг с другом, ярость и боль вырвались наружу, окутав крепость. Бенджамин медленно сложился пополам и осел на пол. Гомер без чувств рухнул на Бенджамина – его разум не смог противостоять нахлынувшей пси-волне брата-близнеца. Завизжали женщины, закричали мужчины.

Воспользовавшись тем, что случившееся отвлекло Торстона, Майкл Ди выскользнул за дверь, столь же незаметно, как до этого подошел к слепому брату.

В зале разразился настоящий ад.

Когда в зале появился Вульф, он обнаружил, что Торстон расшвыривает во все стороны молодых офицеров, пытавшихся отомстить Гомеру за Бенджамина. И зовет на помощь кого-нибудь, кто доставил бы близнецов в медицинский центр.

Кто-то проскользнул за спиной Торстона и, воспользовавшись смертоносным деревянным клинком, совершил акт мщения, едва Гомер пришел в себя. Развернувшись, Торстон расколол нападавшему череп.

Гомер встретил смерть с улыбкой. Темная Госпожа была единственной женщиной, которая могла его полюбить.

Вульф не обращал внимания на свершившуюся драму. Чтобы доставить братьев в медицинский центр, требовалось всего несколько минут, и вряд ли кто-то из них умрет безвозвратно. Он искал тех, чье отсутствие могло бы броситься в глаза.

Ворвался Гельмут, в одном исподнем, держа в руках по пистолету:

– Что случилось?

– Найди Ди! – приказал Вульф. – И убей его. Поруби на куски и вышвырни их в разные шлюзы. На этот раз полковник нам не помешает.

Гельмут взглянул на тела. Пояснений не требовалось.

Они с Вульфом разделились, ища след, будто гончие псы, которые не успокоятся, пока их морды не обогреть кровь добычи.

Вульф был вне себя от ярости. Его крайне удивляло отсутствие Фриды. Будь она здесь, наверняка бы рыдала, оплакивая бедное дитя, и мешала всем подряд.

Через несколько минут всю крепость мобилизовали на поиски Майкла Ди. Но каким-то образом, несмотря на царившие на планетоиде ограничения, ему удавалось скрыться.

Братья Дарксворд, с трудом сдерживая злость, отправились в Боевой центр, намереваясь руководить оттуда поисками.

Едва они вошли, оператор межзвездной связи оторвал с принтера распечатку. Это оказалось полное тревоги сообщение от Шторма. Вульф прочитал его первым и обреченно покачал головой:

– Всего двадцати минут не хватило.

– Сигнал пришел с задержкой. С опозданием на двадцать минут. Могу поспорить, – сказал Гельмут.

– Мне нужен Ди! – прорычал Вульф.

– Пусти по его следу гончих.

– Так и сделаю.

Через несколько минут по следу уже шли сирийские боевые псы Шторма. След нашелся на жилом уровне и вел к входным шлюзам. Дежурные утверждали, что за последние часы не видели никого, кроме жены полковника, которая с двумя санитарями загружала на старый одноместный корабль две медицинские капсулы.

– Вот черт! – выругался Вульф. – Неужели?..

Кивнув, Гельмут схватил коммуникатор.

Два последовавших вызова подтвердили самое худшее. После того как Гомер нанес смертельный удар, Ди схватил Фриду и уволок ее в свои комнаты. Там он раздел ее, связал и заткнул рот кляпом, а сам облачился в ее одежду и загримировался. Под видом Фриды он отправился в медицинский центр и, изображая крайнюю тревогу за Бенджамина, убедил дежурных переправить мертвецов в какой-нибудь госпиталь, располагающий всеми ресурсами планеты. Ди столь идеально сыграл свою роль, что ничего не подозревавшие санитары помогли ему перетащить и погрузить криогенные гробы.

Ярость Дарксвордов повергла в ужас даже тех, кто знал их много десятков лет.

– Он еще не улетел далеко, – заметил Гельмут, когда к нему вернулось самообладание. – Когда он все это проворачивал, он не знал, куда отправился полковник. Посмотрим, что скажут в Боевом центре. Может, еще успеем.

При поддержке Боевого центра они начали контригру.

– Он направился в космос. – Вульф показал на пятнышко корабля Ди на главном дисплее. – Набирает скорость, готовясь уйти в гиперпространство. – Взяв указку, он показал на полудюжину преследующих Ди пятнышек. – Похоже, они времени зря не теряли.

– Когда я услышал о случившемся, сэр, отправил туда всех, кто находился на маневрах, – сказал старший дежурный, тот самый, который так разочаровал Шторма и Кассия во время инцидента с Абхусси и Ди.

– Отлично, – ответил Гельмут. – Соображаешь.

– Я отправил и всех, кто был в причальном отсеке, сэр. Я подумал...

– Правильно подумал, – кивнул Вульф. – Нам нужны все, кто способен летать. Они появляются на дисплее, Гельмут.

Позади пятнышка корабля Ди возникали расходящиеся в разные стороны трассы выстрелов. Вульф взглянул в сторону:

– Тактический компьютер работает?

– Да, сэр. Можете вводить любые команды, каких требует положение.

– Базовая стратегия?

– Выстроить позади Ди непреодолимую преграду, сэр. Послать с флангов самые быстрые корабли и выдвинуть их вперед, чтобы взять его в кольцо.

– Очень хорошо. Гельмут, похоже, он у нас в руках. Хотя может потребоваться некоторое время.

– Нам придется отправить туда штабной корабль. Отсюда мы долго руководить операцией не сможем.

– Я задержал «Роберт Ноллес», сэр, – сказал старший дежурный. – Они получают всю информацию и отрабатывают параллельную программу. Можете подняться на борт и взять управление на себя.

– Хорошо, – кивнул Вульф.

– Похоже, он в самом деле у нас в руках, – сказал Гельмут, глядя на массив дисплеев. – Если только он не решит сесть где-нибудь поблизости. У него чертовски медленная посудина.

– Какая ближайшая планета в той стороне? – спросил Вульф.

Если Ди совершит посадку, прежде чем на его горле сомкнутся челюсти преследователей, найти его будет невозможно. Он затеряется среди населения и пустит в дело собственные, весьма существенные ресурсы.

– Мир Хельги, сэр.

– Ага! – улыбнулся Вульф.

У них с полковником определенно имелись тузы в рукаве.

– Проблема со связью, – сказал Гельмут. – С управлением. Слишком уж обширен тамошний космос.

– И что?

– Пора потребовать старые долги. Выяснить, нет ли там какого-нибудь звездного ловца, который мог бы передавать для нас информацию. Майкла они тоже не любят.

Вульф повернулся к оператору межзвездной связи:

– Повторяй на тридцать седьмом диапазоне: «Шторм вызывает Гэль».

– Если они там, ответят, – кивнул Гельмут.

– Все может быть, – пожал плечами Вульф. – Люди порой бывают чертовски неблагодарны. – Он повернулся к оператору. – Дай нам знать, если будет ответ.

28. Год 3052

Как я уже говорил, у моего отца имелись враги, о существовании которых он не знал. То же верно и в отношении друзей. Он был жестким человеком, но отличался сильным чувством справедливости. Возможно, оно побуждало его к действию не столь часто, как могло бы, но когда это случалось, обзаводился друзьями, которые оставались верны ему навсегда. Именно такими друзьями были Небесные сейнеры, звездные ловцы, которых он спас от рабства на Гэле.

Масато Игараси Шторм

29. Год 2973

Шанс был один из квадриллиона. «Светляк» и два других рейдерских корабля прыгнули в бездну и затаились, надеясь оторваться от Флота, уже уничтожившего один корабль их банды. Погоня была долгой и тяжелой. Трое капитанов кораблей тряслись от страха и отчаяния. Предводитель группы на «Светляке» едва не впал в панику, когда радар обнаружил приближающиеся корабли Флота.

Панике, однако, он не поддался. Дрейфующие корабли нелегко заметить, если только преследователь не подберется совсем близко. Он решил посмотреть, что станет делать Флот.

– Это не они, сэр, – сообщил вскоре оператор радара. – Слишком крупные. Мы засекли их с большого расстояния, и они движутся очень медленно.

Предводитель взглянул на радар. Ничего подобного он прежде не видел.

– Господи! – пробормотал он. – Таких огромных просто не бывает. Если только...

Если только это не были корабли звездных ловцов.

О Флоте все тут же забыли.

– Отслеживать их курс. И ничем не выдавать нашего присутствия. Ясно?

Сам он последовал собственному совету. Сообщения с корабля на корабль передавались вручную курьерами в скафандрах, пока флотилия кораблей-тральщиков не скрылась с радара.

Восемь громадных кораблей, движущиеся рядом на крайне малой скорости... У предводителя возникло искушение послать подальше своего работодателя. За свою находку он мог назвать любую цену.

Звездные ловцы контролировали производство химического элемента, критически важного для систем межзвездной связи. Другого его источника не существовало, и источник этот был невероятно мал. Имевший в своем распоряжении флотилию тральщиков получал несметные богатства и власть.

В конце концов страх погнал предводителя к его хозяину.

Майкл Ди поступил очевидным образом. Собрав корабли, он отправился в погоню за флотилией тральщиков. Операция эта оставалась его личной тайной. В ней он видел возможность не только получить прибыль, но и стать хозяином собственной судьбы.

Он рискнул, пойдя на внезапную атаку. У него не хватало сил для открытого столкновения с восемью кораблями-тральщиками. Он рискнул – и проиграл. Впустую погубив свои рейдеры, он едва сбежал живым. Охваченный яростью поражения, он оставил после себя три разбитых остова кораблей-тральщиков и народ, готовый расправиться с ним при первой же возможности.

На протяжении всей своей ничтожной жизни Майкл оставлял за собой след из заклятых врагов, которых сам себе создавал. И когда-нибудь все должно было вернуться на круги своя.

30. Годы 2878–3031

Планета называлась Бронвен и лежала далеко в стороне от проторенных путей. Известность она получила из-за того, что стала первой человеческой планетой, оккупированной Улантом, и последней, вернувшейся в Конфедерацию. В промежутке между этими событиями она напоминала вольную пиратскую гавань восемнадцатого века на северном побережье Африки. Там высаживались и торговали награбленным сангари, разбойники Макгроу и свободные пираты. Торговые бароны искали там возможность выгодно приобрести товар, который можно было продать за хорошие деньги, окупив межзвездную доставку. Вольные перевозчики искали груз, которым можно было заполнить трюмы кораблей. Со своих космических течений прилетали одинокие звездные ловцы, чтобы хоть изредка пообщаться с миром людей. Ежедневно миллионы вещей меняли владельцев. Здесь не существовало государства, которое могло бы урвать свою долю. То были бурные и жестокие времена, но правителей Бронвена такое положение вполне устраивало. Здесь делались состояния.

Майклу Ди не следовало посещать эту планету, рискуя, что его имя свяжут с именами негодяев, которых он нанял. Но успех вскружил голову, и он не верил, что удаче что-то может помешать.

К его флагману старому «Светляку», который Майкл приобрел на рынке старья, куда после войны выбросили десятки устаревших кораблей, пришел некий сангари. Он не пытался никем притворяться и показался Майклу смутно знакомым. Где он мог его видеть? Кажется, где-то в пресс-центре во время войны. А может, еще в детстве.

Ди не любил загадки, и ему не нравилось, когда подводила память. Память была лучшим его оружием. Но этот сангари никак не посягал на его права. Сперва он назвался покупателем. Майкл с интересом наблюдал, как тот проходит мимо его камер наблюдения. Сангари выглядел чересчур толстым и самоуверенным, и в нем неуловимым образом чувствовалась власть. Он

нисколько не походил на мелкую сошку, какой мог быть скупщик краденого. Ди ждал, глядя на экран.

Сангари вошел в его каюту и протянул руку:

– Норбон в’Дит. Глава семьи.

Подпольные связи Майкла простирались теперь и в сферу деятельности сангари, и иногда ему приходилось иметь дело непосредственно с представителями их расы. Они отличались проницательностью и осторожностью и честно соблюдали деловые договоренности. Их стремление тщательно оберегать тайны родной планеты, семьи и ее главы граничило с паранойей.

Перед ним был глава семьи. И в последнее время имя этой семьи звучало повсюду. Где бы ни действовали сангари, Норбоны всегда оказывались на первом плане.

Майкл пожал протянутую руку:

– Весьма польщен. Чем могу служить?

Он ничем не выдавал охвативших его замешательства и любопытства. Судя по его поведению, Норбон был для него всего лишь еще одним бизнесменом.

Майкл подумал, что тот чертовски молод для главы семьи. Впрочем, в нынешние времена омоложений и воскрешений ни в чем нельзя быть уверенным. На лбу Норбона и в уголках его глаз пролегли глубокие морщины. Он был стар душой, если не телом.

Норбон взглянул на Майкла:

– Как поживает ваша матушка?

Вопрос застиг Майкла врасплох. Подобного он ожидал меньше всего.

– Полагаю, неплохо. Я давно не виделся с родными.

– Да, война многое перевернула. Но помогла кое-кому заработать. – (Майкл едва заметно нахмурился, начиная нервничать.) – А как остальные ваши родственники?

– Тоже не хуже. Нас, Штормов, нелегко прикончить.

– В этом я уже убедился.

Майкл коснулся носком ноги тревожной кнопки. Несколько секунд спустя игломет в руке надежного человека уже отслеживал гостя Ди из-за внешне непрозрачной переборки.

– И меня уж точно не легче всех прочих, сэр. Но мне в вашем присутствии как-то не по себе. Может, все-таки перейдем к делу?

Майкл даже удивился – он никогда еще не высказывал мысли столь открыто. От одного вида сангари его пробирала дрожь.

– У нас с вами семейное дело. В прямом смысле – между моей семьей и вашей. Норбоны и Штормы до сих пор не решили один вопрос. Наверняка эта история вам известна. И моя цель – выяснить вашу позицию.

– Ничего не понимаю.

Слова сангари полностью сбили Ди с толку, и он не сумел скрыть чувств.

– Похоже, мне придется начать с самого начала. Ладно. Год две тысячи восемьсот сорок четвертый. Действуя на основании информации, полученной от изменников-сангари, капитан Борис Шторм и полковник космической пехоты Таддеус Иммануил Уолтерс вторглись на Префактл. Они уничтожили станции нашей семьи и убили всех сангари, до которых дотянулись. Среди погибших оказались мои мать с отцом, а также сотни подчиненных семьи Норбон. Спаслись удалось лишь горстке. Среди выживших был и Норбон в’Дит.

Майкл небрежно пожал плечами:

– В любом деле бывают издержки.

– Да, таково отношение людей к риску и возможной награде. Впрочем, оно мало отличается от нашего, не считая того, что эти люди сочли нужным устроить резню вместо простого набега. И с этой минуты бизнес превратился в кровную вражду. Я остался жив, и мой долг – осуществить возмездие.

До Майкла начало доходить. Нервы его оказались крепче, чем он думал.

– На вас нацелен игломет.

– Я в этом не сомневался, – улынулся гость. – Вполне разумная предосторожность.

– Значит, вы не собираетесь меня убить?

– Даже не думал. Я намерен привлечь вас на свою сторону.

У Майкла отвалилась челюсть.

– Впервые в жизни вижу нечто подобное, – рассмеялся Норбон.

– Что?

Норбон махнул рукой – мол, не важно.

– Вы сидите между двух стульев, Майкл. А я хочу, чтобы вы сели рядом со мной.

– Вы меня совсем запутали. Я не питаю особой любви к семье, и все это знают. Но у меня нет и причин желать им смерти. Собственно, иногда они полезны как источник ценных связей.

– Да, понимаю. Проблема в том, что я слишком неявно выражался, думая, что вы и так все знаете. Вернемся к вашей матушке. Она родилась рабыней, как выражаются люди. Хотя это вам известно?

– Да, и что?

– Она родилась и воспитывалась в хозяйстве Норбонов на Префактле. И она единственная особь женского пола, кому удалось спастись. В течение десяти лет мы с ней вместе сражались с варварами, конфедератами, чиновниками корпорации, болезнями и добрыми старыми несчастьями. И мы выжили. Наши отношения стали столь же близкими, какими они могут быть между мужчиной и женщиной. Мы даже завели ребенка.

Майкл постепенно понимал, что перед ним в самом деле чудовище. И тем не менее... Все это объясняло многое, что столь его озадачивало.

Ответ выглядел даже чересчур простым:

– Полагаете, я поверю во всю эту чушь?

– Такое случалось и раньше. С генетической точки зрения нет никаких сомнений, что у людей и сангари имеются общие предки где-то в глубинах истории. То, что подобная мысль внушает отвращение обеим расам, никак не меняет фактов. Существовали и другие расы до наших, Майкл. Кто знает, какие эксперименты они проводили и с какой целью, прежде чем исчезнуть с исторической сцены?

– А какая, собственно, разница?

Дит проигнорировал его реплику.

– С нашей Родиной связан один любопытный факт, Майкл. Она идеально подходит для жизни людей. Во многом она похожа на Старую Землю до Промышленной революции. Мы, сангари, заполняем там экологическую нишу человечества. Но, что не менее любопытно, нет никаких археологических или антропологических свидетельств нашего существования примерно до тех времен, когда на Старой Земле появились кроманьонцы. Отсутствует эволюционная цепочка. Никаких связующих звеньев. Вообще никаких других приматов. И мы иногда скрещиваемся с людьми. Какой из этого можно сделать вывод?

С точки зрения эмоций вывод не имел значения. А Майкл следовал чувствам, но не разуму.

Он вырос с непреклонным убеждением, что сангари – враги расы и их следует истреблять, за исключением случаев, когда контакт с ними может принести пользу или дать некое преимущество.

«Не могу же я стать врагом самому себе», – подумал Майкл.

– Пока что у меня все, – сказал гость. – Подумайте над этим. Возможно, вам не сразу удастся переварить услышанное. И не забывайте – я готов помочь вам в той же степени, в какой вы поможете мне. Как бы то ни было, формально вы мой наследник. Вы единственный мой потомок.

Майкл ошеломленно нажал кнопку, открывавшую дверь каюты. Сангари вышел.

После Майкл не встречал Норбона много лет. У него было достаточно времени, чтобы забыть об их встрече, но он не мог. Его натура взяла верх, и он начал строить планы, каким образом можно использовать этого сангари.

Но он не понимал одного, пока не стало слишком поздно, – что на самом деле используют его самого. Норбон в’Дит, подобно коварному пауку, оплетал биологического сына паутиной интриг, столь мягкой, что Майкл не замечал, как его окутывает гибельная сеть. Во время событий на Теневой Черте с его глаз слетела часть пелены, и он разрыдался. Но тогда он уже мог лишь следовать приказам, пытаясь обманывать себя в отношении того, кто на самом деле плетет паутину.

Все его планы, даже лучшие, терпели неудачу.

Старый Лягуш смеялся в могиле. Майкл рискнул всем, чтобы убить коротышку и сберечь тайну, пока не сможет воспользоваться ею сам. Богатеи с конца Теневой Черты могли бы дать ему вздохнуть спокойно, подарив тихую новую жизнь под другим именем, свободную как от сангари, так и от собственной семьи.

Норбон каким-то образом об этом пронюхал. И отдал очередной приказ, который мог привести к гибели семьи Шторм.

Ди извивался и дергался, пытаясь вырваться, но Норбон продолжал давить, зачастую посредством детей Майкла от подстроенных им браков, а зачастую финансово. Майкл не мог освободиться. Возможно, окончательная капитуляция наступила, когда Дит вынудил его отказаться от фамилии Шторм и взять, словно в качестве утонченной насмешки, фамилию Ди.

У Майкла возникла вполне очевидная мысль обратиться за помощью к брату, но он ее тут же отверг. Он знал, каков будет ответ брата, – если тот вообще поверит рассказу. Гней прикажет ему прекратить пресмыкаться и вести себя как мужчина. Он ничего не поймет.

А продолжая подчиняться Диту, он мог свести счеты с Ричардом. Чертов Ричард! Собственно, с мелкой злобы на него и началась вся эта хрень.

Майкл сам плел паутину, а потом потерял над ней власть, отдав ее в лапы куда более крупного и отвратительного паука. В год Теневой Черты он словно оказался верхом на несущейся галопом лошади из ночных кошмаров. И оставалось лишь надеяться, что его ждет не слишком жестокое падение, когда она доскачет до конца пути.

Но он даже не надеялся, по-своему уверенный в неминуемой гибели, – так же как Гней был уверен в собственной.

31. Год 3031

Магазин игрушек был воистину шикарен. Там даже подавали крошечные чашечки кофе и чая с вычурными маленькими пирожными. Кассий пребывал на седьмом небе.

– Что, не особо впечатляет? – спросил он.

– Нет. – Мыш крепко зажмурился и яростно потрянул головой. Его постоянно клонило в сон. Они провели на Большой Сахарной Горе четыре дня, и Кассий почти не давал ему поспать. – Только и делаем, что болтаемся повсюду, задавая одни и те же вопросы.

– Именно такова работа разведчика, Мыш. Стучишь в двери и задаешь одинаковые вопросы, пока не получишь нужный ответ. Или сидишь в штаб-квартире, скамливая компьютеру все те же старые ответы, пока он не выдаст нужный вопрос. – Кассий снова завел музыкальную шкатулку, игравшую незнакомую обоим мелодию, под которую кружился в танце крошечный фарфоровый мышонок. – Симпатичная, да?

– Вряд ли оно стоит всех хлопот.

– Господин Рассел, я возьму музыкальную шкатулку. Можете оформить доставку?

Так или иначе, на какой-то след им выйти удалось. У Кассия имелись надежные высокопоставленные контакты на Горе, по обе стороны закона. Им он тоже задавал вопросы.

Майкл не особо скрывался. Они обнаружили около десятка тех, кто встречал его там или сям, обычно в компании Гнея Шторма. Некоторые видели его с одним или двумя незнакомцами сурового вида.

Ди перестал попадаться на глаза после отлета Шторма, хотя сам он оставался на планете еще несколько дней.

– Еще как стóит. Вырисовывается некая картина.

– Что за картина? – Мыш махнул рукой продавцу, одновременно исполнявшему роль официанта. – Можно еще кофе?

– Этого я пока не знаю. Пока виден лишь самый краешек. Мы разбросали вокруг достаточно денег и соглядатаев. Скоро должно что-то выясниться.

– Кстати, о соглядатаях. За нами наблюдает твой друг-капитан. Из магазина по соседству. И вид у него не особо радостный.

Кассий нахмурился и, повернувшись, уставился на примыкавший к игрушечной лавке магазин хрусталя. Взгляд его встретился со взглядом полицейского. Офицер глубоко вздохнул, пожал плечами и прошел через соединявшие магазины двери.

– Мог бы с тем же успехом присоединиться к нам, – сказал Кассий. – Так всяко проще. Что случилось, Карл? Зачем за мной вдруг понадобилось следить? – Присев, Кассий вложил ребристый пластиковый диск в заднюю часть карикатурного подобия паровоза. Игрушка, пыхтя, покатилась по полу, наигрывая старомодную детскую мелодию. – Единственная проблема с коллекционированием этих штуковин – если не хочешь просто сидеть и таращиться на них, приходится специально заказывать батарейки с завода на Старой Земле. Они даже отдаленно не похожи на те энергоэлементы, которые мы используем сейчас. Рассел! Вы уверены, что это не реплика? У вас есть сертификат?

Официант-продавец принес кофе Мышу и еще чашку полицейскому, который, медленно повертев ее в пальцах, сказал:

– Что, если я слежу за тобой ради твоей же безопасности? Что ты затеваешь. Кассий? Ты говорил про некую услугу для друга. Да, я был перед тобой в долгу, но не думал, что окажусь между двух огней.

– Кое-что случилось.

– Кое-что, угу. Ты чертовски прав. Похоже, ты заварил кашу, на которую я не рассчитывал.

– Что-то не так, Карл?

– Сегодня утром мы забрали пять трупов, друг мой. Пять. Вот что не так. И мне это не нравится. Гора – спокойное место. Сюда прилетают отдохнуть от всех забот. Снимают небольшие домики на отшибе, где до ближайшего соседа с гарантией не менее полусотни километров. Может, раз в месяц летают за продуктами или встретиться с приятелем за кружкой пива. Если бы им хотелось бандитских разборок, они могли бы и остаться дома.

– Карл, поясни-ка подробнее. Похоже, я что-то пропустил.

Мыш яростно тряхнул головой. Его снова клонило в сон.

– На улицах поговаривают, будто ты просил Клементина кое-что для тебя разнюхать. Кому-то это не понравилось. Сильно не понравилось. Сегодня он положил четверых парней Клементина. Мы не знаем, что это был за тип. Кто-то с другой планеты, без документов. Клементин всадил ему пулю за ухом, оставив свой старинный автограф.

– Любопытно, – проговорил Кассий.

– Еще как любопытно, черт побери. У нас с Клементином небольшой неофициальный договор, друг мой. Мы его не трогаем – он вполне смирный и туристов не пугает. Мы ловим достаточно шлюх и игроков, чтобы умиротворить сторонников нравственности, и судьи отпускают их под залог. Клементин платит за них штрафы. В числе прочего этот сброд привлекает

туристов, так что все счастливы. Клементин держится подальше от «звездной пыли», «стекляшки» и прочей тяжелой дури, а мы держимся подальше от него.

– Вполне цивилизованная сделка, – заметил Кассий, возясь с игрушечным паровым экскаватором. – Как думаешь, Мыш?

Мыш пожал плечами.

– Кассий, – сказал офицер, – прошло четыре года с тех пор, как в бандитских разборках доходило до убийства. Никакой конкуренции нет. Клементин делает все, чтобы его парни были довольны. И тут ко мне приходит друг с просьбой оказать услугу, после чего по всему городу валяются трупы.

– Извини, Карл. Честно говоря, я такого не ожидал. Не понимаю. Ты уверен, что это из-за меня?

– Такова имеющаяся у меня информация. Каким-то высокопоставленным инопланетчикам не нравятся вопросы, которые тут задают. И они посылают Клементину недвусмысленный намек.

– Кто они?

– Мы не знаем. Полагаю, кто-то весьма важный. Из Большой Конторы. Возможно, происходит какая-то встреча на нейтральной территории. Местным не хватило бы отваги тронуть Клементина. И сам он никого бы не тронул.

– Угу, кажется, понимаю, о чем ты. Рассел? Сколько с меня за экскаватор?

– Мне страшно, друг мой, – сказал полицейский. – Клементин – парень мирный, но, если его разозлить, ему не хватит ума не высовываться. Он станет драться. Если это в самом деле Большая Контора... Что ж, скажем так – мне нравится наш с ним договор. Мы вполне ладим, и никаких проблем у нас нет. Наши позиции всем известны. Но если они что-то предпримут...

Послышалось жужжание. Офицер достал из кармана коммуникатор:

– Хеллер слушает.

Он прижал аппарат к уху, и лицо его посерьезнело.

Убрав коммуникатор, он задумчиво посмотрел на Кассия:

– Еще три трупа, друг мой. Два их и один парень Клементина. Похоже, это действительно Большая Контора. Один внешне походил на сангари.

Кассий нахмурился. Сон с Мыша как рукой сняло.

– Сангари? – ошеломленно переспросил он. – Кассий, кажется, мы во что-то всерьез вляпались.

– Чертовски на то похоже... Карл, я понятия не имею, что происходит. На это мы никак не рассчитывали. Мы прилетели в поисках одного, а наткнулись на нечто другое. Поговорю с Клементином. Попробую его успокоить.

– Давай. И держи связь. Не нравится мне все это. Эти деятели мне тут совершенно ни к чему. – Хеллер одним глотком допил кофе и встал. – Береги себя, друг. Не хотелось бы и тебя отскребать от земли.

Мыш и Кассий смотрели ему вслед.

– Что скажешь? – спросил Мыш.

От сонливости не осталось и следа. Ему было крайне не по себе.

– Думаю, лучше вернуться в отель и залечь на дно. Похоже, хорошего мало.

В отеле Кассий остановился у стойки портье.

– Двенадцатый, – сказал он, беря ключ. – Сообщения есть?

Мыш облокотился на стойку, с надеждой глядя на портье – вдруг есть что-то от отца? Но их ждала лишь межзвездная телеграмма из Железной крепости. Кассий прочитал ее вслух.

С улицы вошел худощавый старик. Мыш уже видел его раньше – тот следил, как они заходят в отель. Во взгляде старика было нечто...

– Кассий! Ложись!

Он нырнул за ближайший диван, вытаскивая на ходу крошечное нелегальное оружие. Кассий кувыркнулся в другую сторону.

Старик спокойно открыл огонь.

Кто-то из постояльцев отеля вскрикнул и упал, корчась на плюшевом ковре вестибюля. Заряд ударил в диван, за которым притаился Мыш. Повалил дым.

Со второго раза Кассий попал в нападавшего, но старик устоял. С легким удивлением на лице он продолжал поливать вестибюль лучевыми зарядами из оружия военного образца. Слышались крики, горела мебель. Выли сирены. Из-за отражавшихся от зеркальных стен рассеянных лучей ничего не было видно.

Задыхаясь от дыма, Мыш выстрелил в старика. Заряд опалил волосы убийцы, но тот, казалось, этого не заметил.

Кассий попал в него еще раз. Старик повернулся и как ни в чем не бывало вышел за дверь...

– Мыш, – крикнул Кассий, – звони Хеллеру. А я – за этой сволочью.

Мыш позвонил, а затем выскочил на улицу.

Старик лежал на тротуаре, скорчившись в позе эмбриона и прижав к груди оружие. Над ним озадаченно стоял Кассий. Хеллер появился еще до того, как собралась толпа.

– Что еще за чертовщина? – спросил полицейский.

– Этот человек пытался нас убить, – пробормотал Мыш. – Зашел в отель и принялся стрелять.

Кассий уже стоял на коленях, вглядываясь в глаза старика:

– Карл, смотри. Кажется, это один из них.

– Эй, – сказал кто-то в толпе, – это же Кассий. Наемник.

– Вот так хрень, – ответил кто-то еще.

Слух быстро разошелся.

– Расчистите тут все, пока не слетелись стервятники из новостей! – рявкнул Хеллер офицеру в форме. – И заберите тело. Кассий, тебя с твоим дружкой тоже придется забрать. Больше я этого не вынесу.

Десять минут спустя они уже были в полицейской крепости. Улицу снаружи заполнили репортеры. Имя Кассия возымело соответствующий эффект.

– Сиди и не высовывайся, пока мы со всем не разберемся, – сказал Хеллер в ответ на требование Кассия разрешить ему встретиться с человеком по имени Клементин. – Если тебе так нужно с ним поговорить, он может и сам сюда прийти.

К вечеру о стрельбе в отеле уже говорили во всех новостях. Репортеры пытались установить связь между различными убийствами и на все лады склоняли Легион, настаивая, что Гора в его представителях несколько не нуждается. Мыш равнодушно их слушал, наблюдая за работой Кассия.

Уолтерс приложил все усилия и воспользовался всеми связями, пытаясь добиться, чтобы стрелка воскресили. Но попытка не удалась, поскольку тот оказался слишком стар. Тогда он переключился на межзвездные сети, потратив целое состояние.

– Карл, готов передавать? У меня есть связь с моим человеком в Лунном командовании.

Хеллер весьма впечатлился, хотя и сам этого не ожидал.

– Жми красную кнопку. Сейчас все полетит.

Кассий нажал кнопку:

– Поехало. Если об этом старикане есть хоть какая-то информация, то она у Бекхарта. Он заведует сектором сангари. Хороший мужик. Я сам его учил много лет назад.

– Слышал про него, – ответил Хеллер.

От событий последних часов у него кружилась голова. Кассий превратил местное происшествие в инцидент межзвездного масштаба. Хеллеру это не нравилось, но как остановить лавину, он не знал.

Мыш с некоторым интересом наблюдал за ними, пока не заснул.

Когда Кассий его разбудил, солнце уже взошло.

– Собирайся, Мыш. Летим домой.

– Куда?

– Домой.

– Но...

– Мы сделали все, для чего сюда прилетели. Пилотировать корабль будешь ты. Мне нужно немного поспать.

Хеллер проводил их до порта, который до завершения кризиса закрыла полиция. Любой корабль мог взлететь только с его разрешения.

– Кассий, – сказал Хеллер, когда Уолтерс уже поднимался на борт, – окажи мне любезность, ладно? Не торопись сюда возвращаться.

Кассий широко улыбнулся. На мгновение он стал снова похож на мальчишку вместо усталого и очень, очень старого человека.

– Карл, если ты еще раз вынудишь меня перед тобой извиняться, меня стошнит. Ясно? Будем считать, что я перед тобой в долгу. И в немалом.

– Ладно-ладно. В конце концов, не ты же их сюда притащил. Давай сматывайся, пока я не вспомнил, что тебя следует привлечь за незаконное ношение оружия.

Кассий устроился в противоперегрузочном кресле рядом с Мышом. Тот взглянул на него.

– Проложи курс к Миру Хельги, – сказал Уолтерс.

Мыш начал вводить программу:

– Зачем нам туда? – Он все еще не пришел в себя после случившегося. – Что произошло прошлой ночью?

В ответ Кассий захрапел.

Он проспал девять часов, что еще больше раздражало Мыша. Кассий редко спал дольше пяти часов, и даже при этом ему казалось, будто кто-то крадет его время жизни.

Мыш направил корабль за пределы планеты и вышел на курс к Миру Хельги, накапливая энергию для ухода в гиперпространство.

– Продолжай увеличивать скорость, – сказал Кассий, объявив тем самым о своем пробуждении. – При такой траектории потеря скорости при выходе из гиперпространства составит около тысячи километров в секунду, а нам, возможно, потребуется быстро оценить обстановку.

– Может, все-таки расскажешь, что случилось, пока я спал?

– Мы узнали, кто этот дряхлый стрелок. От моего друга Бекхарта. Как оказалось, только он мог помочь. Считалось, что старик уже двести лет как мертв.

– Что?

– У Бекхарта есть компьютер, который все помнит. Когда он скормил машине все известное о старике, она добралась до персональных данных, которые мы когда-то забрали с Префактла. Именно там она его и нашла. Его звали Рхафу. Он работал на семью Норбон – тех самых, кого мы захватили врасплох на их собственной станции.

Мыш задумался. Судя по тону Кассия, информация заслуживала куда большего внимания, чем могло показаться.

– И в чем подвох?

– Бекхарт не просто ответил на вопрос. Он начал искать, что это может означать, и переслал нам краткую сводку своих распечаток. Этот Рхафу оказался не единственным выжившим. Наследнику семьи, своего рода кронпринцу, тоже удалось спастись. Они сбежали с Префактла и каким-то образом вновь заявили права на семейные привилегии. Их окружает множество

тайн. Даже сородичи знают о них не больше, чем мы, но их крайне уважают и боятся. Благодаря им семья Норбон вошла в число самых высокопоставленных семейств сангари. Основу их экономики составляет некая, ничем более не известная планета времен Первой экспансии.

– И как это связано с нами? Старик пытался нас убить вовсе не потому, что у нас глаза не того цвета. Несомненно имелось в виду нечто личное.

– Весьма личное. Хотя, чтобы это увидеть, нужно взглянуть с точки зрения сангари.

– И?

– По их мнению, личные счеты начались в ту ночь, когда мы с твоим дедом высадились на Префактле. Никто до сих пор не понял, как они отличают личное от бизнеса и случайностей войны. Это жестокая и изменчивая культура с уникальными законами. Норбоны, похоже, решили, что налет на Префактл был не просто войной.

– Ты же не хочешь сказать, будто они выбрали нас в качестве цели для кровной мести?

– Именно так. Это единственный осмысленный ответ. А после того как мы прикончили Рхафу, они еще больше разозлятся. Не спрашивай почему. Нас им в любом случае не понять. Они не в силах сообразить, что вызывает у нас желание их уничтожить.

– Ты меня совсем запутал, Кассий. Как это связано с Майклом Ди? И есть ли вообще связь? Наверняка есть. Не зря же вытащили на свет того старика?

– Может, и есть. Но сперва мне хотелось бы подумать. У тебя на пульте связи горят красная и желтая лампочки. Может, лучше поглядишь, кто хочет с нами пообщаться?

Мышь немного послушал.

– Кассий, это звездный ловец. Передает информацию от Вульфа и Гельмута.

– Заткнись и слушай.

Через пятнадцать минут они узнали самое худшее.

– Поставь энергию на максимум, – велел Кассий. – И продолжай увеличивать скорость. Хочу выскочить из гиперпространства как черт из табакерки.

Все так же спокойно и деловито он взглянул на данные, которые выдавал компьютер на главный астронавигационный экран. Он скормил машине все, что сообщили Дарксворды, и проложил альтернативный маршрут через гиперпространство к Миру Хельги.

– Но...

– Корабль выдержит. Даже больше, если потребуется. Проверь реестр. Мне нужно знать скорость посудины, которую спер Майкл.

Мышь ввел данные:

– Старый умник дядюшка Майкл. Прихватил самый медленный наш корабль. Ну, почти. Есть парочка учебных, которые он сумел бы обогнать.

– Что ж, у нас есть шанс. Как раз вовремя. Так, слушай. Мы его в любом случае настигнем – примерно за час до того, как он ускользнет под ракетный зонтик Хельги. А если ему придется маневрировать, чтобы скрыться от твоего отца, то и еще раньше. Начинай проверку оружейных систем.

Мышь беспокойно поерзал в кресле.

– Что такое?

– Гм... думаешь, придется стрелять?

Кассий зловеще ухмыльнулся:

– Ты чертовски прав, парень. Стрелять точно придется. Первый раз, да? Просто сиди и делай, что я скажу. Все будет в порядке.

Больше всего Мыша донимало ожидание. Особо страшно ему не было. Шли часы, но они, казалось, нисколько не приблизились к цели...

– Есть, – весело объявил Кассий. – Вижу твоего отца на экране. А вот и твой идиот-дядюшка, который скачет вокруг, будто босой в терновых кустах. Дай-ка залп.

Часы превратились в минуты. Кассий продолжал приближаться.

– Проклятье! – внезапно выругался он. – Гней, черт бы тебя побрал, зачем тебе это понадобилось?

– Что? – спросил Мыш, отстегивая ремни и склоняясь над экраном. – Что он сделал?

– Сядь, дурак. Сейчас начнется. Мало не покажется.

Мыш даже представить себе не мог насколько.

32. Год 3052

Мой отец не был религиозным человеком. И тем не менее он непоколебимо верил в предназначение, до самого конца считая, что сражается с непобедимыми войсками судьбы. Чувствовалось, что на победу он не рассчитывает, но это не становилось поводом для отчаяния. Можно было не сомневаться, что Гней Шторм никогда не сдастся.

Масато Игараси Шторм

33. Год 3031

Сейнер вышел на связь сразу после того, как Шторм покинул атмосферу Мира Хельги.

– Он улетел? Уже?

Не оставлявшее Шторма напряжение вдруг спало, и он почувствовал себя выжатой тряпкой. Протянув правую руку, он выключил межзвездный передатчик.

Апатия длилась недолго. На него обрушились ярость и тоска подобно сокрушительной лавине. Чувства были столь сильны, что ошеломили даже его самого.

В уединении корабля, вдали от чужих глаз, он мог свободно дать волю чувствам. Выплеснуть не только боль оттого, что не удалось спасти Бенджамина и Гомера, но и все разочарование и ощущение крушения всех надежд, которое накапливалось с тех пор, как он впервые услышал о Черноморе и Теневой Черте. Он рыдал и ругался, взывая к богам с вопросом, есть ли справедливость во вселенной, где человеку неподвластна собственная судьба.

Вселенная и боги, естественно, не отвечали.

В этом водовороте хаоса справедливости не существовало. Шторм знал, что ее никогда не было и никогда не будет. И если кто-то хотел справедливости, то вершить ее мог лишь собственноручно.

Шторм прекрасно об этом знал, но порой даже самый здравомыслящий разум не выдерживал, отказываясь воспринимать реальность. Ему казалось, что хотя бы раз богам или вселенной должно быть не все равно.

– Я сам добьюсь справедливости, – поклялся Шторм, тут же поняв, что в последнее время принес немало клятв. Доживет ли он до исполнения хотя бы одной?

Дрожь прошла. Слезы высохли. Голос больше не срывался. Он снова вышел на межзвездную связь:

– Звездный ловец? Вы меня слышите? Почему вы суете свой нос в эти дела?

Обычно звездные ловцы не вмешивались в чужие проблемы.

Последовала долгая пауза.

– Из-за леди Пруденс Гэльской, полковник. И по другим причинам, связанным с человеком, которого вы преследуете. Это не тема для обсуждений. Хотите что-то передать?

– Да. Для Железной крепости.

– Готов принимать, полковник.

– Вульф? Ты меня слышишь?

– Слушаю, полковник, – не сразу последовал ответ.

– Свяжись с Кассием. Пусть возвращается.

– Он уже закончил дела и летит назад. Я включил его в число преследователей.

– Хорошо. Есть новости?

– Ди бежит на Мир Хельги. Сейнеры сообщили нам его предполагаемый курс. Он летит прямо вам в руки. Я взял его в клещи и сжимаю их, чтобы ему некуда было деться. Кассия я направил наперехват – он должен поймать Ди сразу после того, как тот заметит вас и устремится прочь от Мира Хельги. Ловушка захлопнется еще до того, как он что-то сообщит.

Ловушка закрывалась медленно. Даже на скоростях, во много раз превышавших скорость света, потребовалось несколько дней, прежде чем действия приобрели масштаб, позволивший Шторму перевести корабль на ручное управление. Какое-то время он висел неподвижно по отношению к ближайшим звездам. Он слушал доклады сейнера и поддерживал запас энергии, чтобы нанести быстрый, словно змеинный укус, удар по Ди, когда тот приблизится. По сути, он изображал из себя некую пространственную сингулярность.

Майкл не дал себя провести. Он не мог знать, кто поджидает его в засаде, но не сомневался: никаких сингулярностей в окрестностях планеты его дочери нет. Сменив курс, он устремился в единственный казавшийся ему открытым просвет.

Там ждал Кассий, который проделал примерно такой же трюк, как и Шторм, но оставаясь в обычном пространстве на скорости, близкой к световой.

Нос корабля Ди развернулся к крошечной щели в смыкающихся стенах ловушки, которую он атаковал со всей энергией, имевшейся в его распоряжении.

Шторм устремился вперед. Кассий нырнул в гиперпространство. Начался безмолвный танец, который вполне мог завершиться вспышками выстрелов. Интересно, подумал Шторм, готов ли брат сражаться? Подобное было не в стиле Майкла, но он мог впасть в панику, не зная, кто перекрывает ему путь.

Маневр. Контрманевр. Ложный выпад и удар. Ди пытался хотя бы на несколько секунд вынудить Шторма сменить позицию, чтобы проскочить мимо и устремиться к Миру Хельги, где ему ничто не угрожало.

Маневрируя, Ди сбросил скорость, и тут же сомкнулись клещи Вульфа.

Корабль Кассия, самый быстрый из всех преследователей, вновь возник в обычном пространстве, летя, словно стрела. Он готов был преградить путь Ди, если Шторму не удастся его задержать. Даже разделенные расстоянием в несколько световых часов и без непосредственной связи Кассий и Шторм работали как одна команда.

Шторм был доволен, что его одноместный корабль способен превзойти корабль брата. У него оставалось право на минимальную ошибку, которая не стала бы роковой. Следовало экономить любую секунду на случай непредвиденных обстоятельств, но Гней предпочел забыть об осторожности. Ему нужен был Ди, и чем быстрее, тем лучше. Он решил рискнуть, воспользовавшись преимуществом.

Выжимая из корабля все возможное, Шторм устремился туда, где, как он полагал, должен был оказаться Майкл. Генератор на корабле Ди был мощнее, и тот вполне мог захватить в свое поле корабль Шторма. Но Майклу потребовалось бы несколько драгоценных минут, чтобы распутать сцепившиеся поля. К тому времени должен был появиться Кассий, добавив к остальным свое поле, и Вульфу вполне хватило бы времени, чтобы захлопнуть ловушку.

Майкл понял намерения Шторма и ушел в сторону, но было уже слишком поздно. Траектории двух одноместных кораблей продолжали сближаться.

Расстояние между ними сокращалось, как и относительная скорость, пока поле корабля Шторма не коснулось поля брата.

На его корабле взвыли сирены. Возникший эффект можно было описать лишь как пятимерную прецессию. Оба корабля пытались свернуть в направлении, которого просто не существовало. Бортовой компьютер Шторма негромко бормотал, предвещая катастрофу.

По стенам рубки управления молнией побежали неровные трещины. Еще до того, как Шторм услышал треск, он понял, что прочный каркас машинного отделения ломается на части и генераторы сползают с оснований. Рука метнулась к кнопке ручного управления, чтобы отменить программу сближения, но он знал: уже слишком поздно. Либо его двигатель, либо двигатель Майкла пошел вразнос.

Ди снова победил.

Это могло закончиться безвозвратной смертью, без малейших шансов на клонирование. Шторма несколько не утешало, что Майкл разделит его судьбу.

Рука ударила по рычагу аварийного сброса.

Прежде чем отказало зрение, он успел увидеть туман и кристаллики льда. Рубку управления заполнил вакуум, и Шторм ощутил, как в кожу вонзаются тысячи раскаленных игл. Сцепившиеся корабли вывалились в обычное пространство. Конфликтующие между собой скорости раздирали их на части.

За мгновение до того, как наступила тьма, Шторм пожалел, что был не слишком хорошим отцом и мужем. И что ему не хватило ума надеть скафандр перед предстоящим поединком.

34. Годы 2853–2880

Дит полагал себя нечувствительным к боли. В конце концов, та девчонка даже не была сангари... Он шел и шел, не думая, куда идет. Ноги сами вели его, повинаясь некоему инстинкту. И привели его в космопорт.

За время человеческой оккупации космопорт основательно разросся. Торговля, которую вела корпорация на Префактле, была намного оживленнее, чем во времена сангари, и жизнь космопорта не замирала ни на минуту. Корпорация в буквальном смысле потрошила планету.

Дит остановился, наблюдая за разгрузкой большого грузового корабля «Звездных линий». Корпорация нанимала местных жителей и бывших рабов – человеческая мускульная сила стоила дешевле, чем импорт погрузочного оборудования.

Внезапно в его сторону повернулся некто знакомый...

– Во имя Санта! – прошептал он, отводя взгляд. – Не может быть!

Но ошибиться было невозможно, – казалось, обветренное лицо Рхафу растет на глазах, целиком заполняя поле зрения. Зоотехник страшно постарел, но Дит ни на мгновение не сомневался, что это именно он.

Старик, казалось, не обращал внимания на любопытного парнишку. Деревенские мальчишки постоянно приходили в космопорт полюбоваться на местные чудеса.

Диту потребовалась вся его сила воли, чтобы не кинуться к Рхафу и не обнять его – единственного, кто остался в живых из разрушенного прошлого.

Но вместо этого он сбежал, лихорадочно размышляя над возможными вариантами.

Сам факт, что Рхафу жив, сработал как тревожный звоночек. Не был ли он агентом людей, пошедшим на сговор с животными? А может, он сам был одним из них? На Префактле завелся предатель. Судя по точно рассчитанному времени атаки на базу Норбонов, противник располагал всей необходимой информацией.

Но если в том действительно виновен Рхафу – почему он превратился в обычного работника, прозябавшего в самом низу социальной лестницы? Люди наверняка убили бы предателя, как только в нем отпала бы необходимость. Или, напротив, вознаградили бы куда лучше.

Дит заперся в убогой хижине, где жили они с Эмили. Вернее, теперь жил он один. Эмили больше не делила с ним невзгоды, и он знал, что никогда больше ее не увидит. Его мучили страхи и подозрения.

Кто-то постучал в дверь. Знакомых у него было немного. Полиция? Эмили?

Ожидая очередного удара судьбы, он открыл.

На пороге стоял Рхафу. Схватив Дита за запястье, он яростно уставился на все еще видимую татуировку. Лицо его смягчилось. Захлопнув дверь, он заключил Дита в крепкие объятия.

– Хвала Санту. Хвала Санту, – прошептал он.

Дит высвободился из объятий и отступил назад. В глазах старика блеснули слезы.

– Дит... Я глазам своим не поверил, когда увидел тебя. Думал, это лишь игра воображения. Я уже много лет как оставил всяческую надежду. Как ты выжил, парень? Где ты был?

Сбиваясь и путаясь, Дит задавал собственные вопросы.

Они снова обнялись.

Прошлое вернулось. Он снова был Норбоном в Дитом. Он был сангари. Он был главой... семьи, состоящей из одного?

– Спокойно, спокойно, – сказал Рхафу. – Давай по порядку. Ты расскажешь свою историю, а потом я расскажу свою.

– Я и так уже сгораю от нетерпения, – пожаловался Дит.

– Тогда будь краток, если хочешь получить ответы на свои вопросы, – парировал Рхафу.

Дит не тратил слов зря. Когда он упомянул о том, как нашел останки наследника Дхарвонов, Рхафу усмехнулся, но воздержался от комментариев.

– Насчет той девчонки, – сказал он, когда Дит закончил. – Ей точно можно доверять? Если что, мы сумеем до нее добраться.

– Она будет молчать.

Дит увидел в глазах Рхафу смерть.

– Разумнее было бы не рисковать.

– Она ничего не скажет.

– Ты – Норбон, тебе решать, – пожал плечами Рхафу.

Чувствовалось, что с Дитом он не согласен, хотя и вынужден уступить.

– Рассказывай свою клятую историю, старый негодник. Как тебе удалось пережить тот налет?

– По приказу твоего отца. Он передумал отсылать тебя одного. Сказал, что тебе потребуется телохранитель и советник, когда наступят тяжелые времена.

– Меня удивляет, как ты вообще выжил.

– Пришлось пролить немало крови. К тому времени космопехота уже высаживала десант. Мы убили всех производителей и полевых рабочих, которые могли меня знать. Я переоделся дикарем. Когда высадились первые космопехотинцы, я уже возглавлял атаку на гостевой коттедж, завывая и швыряя копыя, будто бешеный троглодит.

Дит нахмурился.

– Это был коттедж Дхарвонов, Дит. К тому времени твой отец уже понял, что за налетом стояли именно они. Они намеревались получить долю в корпорации Префактла, а также все активы Норбонов, считая, что таким образом завладеют и Осирисом. Звери вполне могли пойти на сделку. Борису Шторму не чуждо благородство. Думаю, я избавил его от многих душевных мук, убив его партнеров-сангари.

– И все из-за того, что отец даже помыслить не мог, чтобы с кем-то поделиться Осирисом?

– Кто сеет ветер, пожнет бурю. Твой отец слишком ревностно относился к своему богатству, как нынешнему, так и в перспективе. Хотя он верно оценил Дхарвонов, предвидя, что Холар в их руках пропадет впустую.

– И в каком мы теперь положении? Как семья?

– У нас кровная вражда с Дхарвонами. Я восстановил связь с твоим Домом на Родине. Дхарвоны восстановили род по младшей линии. Дом Норбонов остается разделенным. Небольшая группировка все еще надеется, что ты вернешься и поведешь их на Осирис. Другая группировка, становящаяся с каждым месяцем все сильнее, требует провозглашения нового главы, чтобы они могли управлять всем, чем сейчас владеет Дом. Сферы влияния людей и уланто-

нидов неминуемо столкнутся, и уже скоро. И представители этой группировки хотят собрать сильное войско, чтобы не упустить выгоды.

– Понятно. – Насколько Дит помнил из подслушанных в детстве разговоров, все это вполне соответствовало типичной политике Дома. Вряд ли его возвращение обрадует любую группировку. – Но вернемся к твоему бегству. Вряд ли все было настолько просто. Эти звери далеко не дураки.

– Потребовалось приложить определенные усилия. Они пытались тщательно проверять пленников, чтобы убедиться, что никто из нас не прячется среди рабов. В основном мне удавалось их опередить. Пришлось пережить несколько тяжких лет, а потом я обосновался здесь. Не считая иногда появлявшихся из-за пределов планеты агентов, ты первый из наших, кого я видел за девять лет.

– Кроме нас, никто не выжил? – Дит уже понял, что Префактл необратимо потерян для них с тех пор, как кто-то из Дхарвонов вступил в сговор с человеком, но ему не хотелось признавать это окончательно. Отрицание очевидного стало для него кирпичом в стене, которую он возвел, прячась от задачи, которую возложил на него отец. – Как ты вообще существовал, Рхафу? И есть у нас хоть что-то, за что можно зацепиться?

– Я вовсе не впал в апатию, – улыбнулся Рхафу. – Я всегда был простым работником и им оставался. Но пусть моя работа тебя не обманывает. Я стал очень богат. Когда ты единственный из наших, в том есть свои преимущества. Я стал главой здешнего подполья и полностью его контролирую. Не буду хвастаться, но могу сказать, что на всем Префактле нет никого могущественнее меня, кроме Бориса Шторма. Никто не знает, кто я, но все обо мне слышали.

– Ты... Змей?

– Он самый. Собственной чешуйчатой персоной.

– Будь я проклят. – Дит не смог сдержать приступа смеха. – И почему мы с тобой не встретились раньше? Столько лет прошло впустую, Рхафу...

Смех оборвался. У Рхафу теперь имелась собственная империя. И старые обязательства он мог счесть лишь помехой.

– Будь это действительно так, – ответил Рхафу на незаданный вопрос Дита, – меня бы сейчас здесь не было. Я бы покинул Префактл, как только здешние дела пошли без сучка без задоринки. Я отправился бы куда-нибудь в безопасное место, забрав свою долю, и лишь иногда показывал бы силу, чтобы держать в узде подчиненных. Нет. Я остался, поскольку мой договор с Норбонами до сих пор в силе.

Дит улыбнулся. Рхафу порой была свойственна чуждая сангари сентиментальность.

– И что теперь будем делать, Рхафу?

Старик улыбнулся в ответ:

– Все просто. Снова заявим права на семью и основу ее могущества на Родине.

– Что, правда? На это потребуется немало денег и сил, друг мой. Есть они у тебя?

– Нет. Их у меня не хватает. Нам придется ликвидировать здесь все дела, а на полученные деньги нанять корабль и нескольких хороших парней. Нам придется разрабатывать Осирис, пока мы не станем достаточно сильны. Нам придется держаться подальше от Родины, но при этом поддерживать связь с семейством, чтобы тебя не лишили наследства. Осирис станет нашим рычагом воздействия. Это должно их убедить. Посмотрим, сколько потребуется времени – может, года два? Потом еще как минимум два, чтобы укрепить позиции семьи на Осирисе и набрать жирок. Потом еще пять, чтобы прийти к соглашению с Дхарвонами, защитить свои интересы в суде, решить споры с новыми врагами, которые могут появиться, и тщательно разработать всю операцию на Осирисе. Может, еще год или два про запас? Так что будем планировать по крайней мере на десять лет, прежде чем крепко встанем на ноги, наберемся сил и окажемся готовы к настоящему делу, завещанному твоим отцом, – уничтожить зверей, которые убили его и твою мать.

– Это очень долго, Рхафу.

– Есть другие предложения? Или, может, ты все уже продумал от начала до конца, пока сидел в той пещере, и теперь готов удалиться на покой?

Шли годы, исчезая в пыльных уголках времени. Дит и Рхафу воплощали в реальность одну мечту за другой. Вернув себе имущество Норбонов на Родине, они отправились на Осирис. Семья Норбон обрела прежнюю силу, внушая не меньший страх, чем любое другое семейство сангари. Действуя хитростью и коварством, они поглотили несколько небольших Домов, которые Дхарвоны, зная о причастности своего семейства к катастрофе на Префактле, пытались подставить с помощью поддельных доказательств. Когда Норбоны насытились и были готовы навсегда помириться с Дхарводнами, Дит попросил одного друга доставить изобличающие документы, взятые непосредственно из файлов корпорации Префактла.

Перед собравшимися главами Первых семейств выступила Эмили, которая затем задержалась на день. Она превратилась в настоящую красавицу. Диту вдруг захотелось вернуться в те времена, когда они жили вместе. И ей тоже. Но...

Проведенные с Борисом Штормом годы сгладили ее острые грани. Она больше не была сбежавшей девочкой для утех по имени Эмили. Она стала знатной дамой, к которой даже сангари приходилось относиться с уважением. От прежней Эмили не осталось ничего – с Норбоном в Дитом ее объединяли лишь немногие воспоминания.

Да и сам Дит уже не был мальчишкой-сиротой, которому приходилось выживать в трущобах враждебного мира.

Они провели вечер, прогуливаясь по ухоженным садам во владениях семейства Норбон, вспоминая прошлое и пытаясь лучше понять, кем стали.

В каком-то смысле это был завершающий ритуал, последнее подтверждение неизбежного расставания ставших чужими друг другу. Оба согласились, что между ними нет обязательств и вражды и ничто не связывает их в будущем.

Когда Эмили покинула Дита, он пролил скупую слезу. Больше он никогда ее не видел.

Но с ее сыновьями, которых она привезла с собой, его пути предстояло пересечься еще не раз.

Часть вторая Палачи

Кто выбивает скамью из-под ног, когда умирает палач?

35. Год 3052

Один из самых неприятных моментов в жизни наступает тогда, когда мы осознаем, что наши родители – люди, и смертные. На меня эти откровения снизошли одно за другим. Они воистину меня потрясли, хотя, думаю, в то время я старался это скрыть.

Я рос, считая отца полубогом. Хотя я понимал, что он смертен, мне попросту не приходило в голову, что его могут убить. Пожалуй, мне стоит поблагодарить дядю за то, что он снял с моих глаз эти шторы.

Лишь отца я могу благодарить – или винить – за то, что он дал мне понять: даже мудрый и благородный Гней Шторм может быть мелочным, надменным, слепым, чрезмерно жестоким и даже слегка глупым. Последнее открытие затронуло мою душу куда сильнее, чем остальные. В конце концов, все мы начинаем жить уже с подписанным смертным приговором. Но нигде не говорится, что мы должны провести свой срок в камере смертников, разделяя все идиотизмы и невзгоды таких же обреченных, как и мы.

Хотя я не стал меньше любить отца, весь мой благоговейный трепет перед ним исчез после того, как я стал свидетелем его расправы с дядей. Какое-то время мне становилось не по себе даже от одного его присутствия рядом.

Расставаться с иллюзиями всегда больно.

Масато Игараси Шторм

36. Год 3031

Гней Шторм постепенно возвращался в полную гложущей боли вселенную.

Где он? Что случилось?

То ли его умирающая рука успела дотянуться до рычага, то ли сработала автоматика, но спасательный баллон окутал его прежде, чем вакуум нанес смертельный укус.

Шторм знал, что не умер. Воскрешение происходило безболезненно. После смерти врачи полностью восстанавливали организм, прежде чем оживить, и человек воскресал здоровым и помолодевшим. Если же человек не умирал, а возвращался к жизни посредством более приземленных медицинских процедур, в дело вступали старые законы природы и приходилось терпеть боль.

Шторм не раз пожалел, что его не оставили умирать. Или о том, что Кассий даже не потрудился доставить его в крепость, где ему оказали бы подобающую медицинскую помощь.

Придя в себя, он увидел над медицинской капсулой встревоженного и усталого Мыша.

– Мыш, – прохрипел он, – что ты тут делаешь?

– Кассий велел мне остаться, – ответил парень. – Это часть моего обучения. – Он выдавил улыбку.

– Он сам меня упросил, – послышался из коммуникатора голос Кассия, казавшийся вдвойне механическим и далеким.

– Ты должен вернуться в Академию, сын, – настойчиво проговорил Шторм, забыв, что один раз уже проиграл этот спор.

– Все уже обговорено, – сказал Кассий.

«Может, и так», – подумал Шторм. Точно он не помнил. Весь прошлый месяц царила полная сумятица. Возможно, Кассий воспользовался связями в Военном колледже.

Он попытался рассмеяться, но в ответ тело пронзила мучительная боль. Вакуум успел как следует поработать над его легкими.

– Ему нужен был кто-то, кто следил бы за тобой и Майклом, – сказал Мыш, словно не догадываясь, что его отец с трудом осознает происходящее. – А это работа не для одного, даже притом, что Майкла удалось умирить.

Шторм кое-что вспомнил и улыбнулся. Майкл всерьез впечатлил Кассия. Ди был всего лишь человеком и проигрывал столь же часто, как и выигрывал. Самый большой его талант заключался в создании легенды о самом себе.

– Он тоже выжил? – Теперь он вспомнил почти все.

– И даже пострадал намного меньше тебя, – сказал Кассий. – Предприняв некоторые элементарные меры предосторожности.

– Это его корабль пошел вразнос, – добавил Мыш. – Он специально это подстроил. Трюк, которому он научился у Хоксблада. Хоксблад настраивает все свои двигатели так, что они работают в единой фазе друг с другом, но ни с чем больше.

– Для парня это первый успех в Разведке, – усмехнулся Кассий. – Хотя это сообразил бы любой при наличии достаточного компьютерного времени и некоторой толике вдохновения. Воздадим ему должное за вдохновение.

Мыш слегка покраснел.

– Мы направляемся к астероиду? – спросил Шторм.

Мыш кивнул.

– Да, – ответил Кассий. – У нас еще остались вопросы к Майклу и Фирчайлду. – Он немного помолчал. – Но обычными методами до Майкла нам не добраться. Наркотики и полиграфы против него бесполезны. Возможно, примитивные способы окажутся действеннее.

– Гм...

Шторм в этом сомневался, хотя Майкл, несмотря на всю бравату и показную отвагу, в душе был трусом.

Каким образом Ди прошел курс невосприимчивости к более утонченным способам извлечения истины? Процедура была сложной, дорогой и крайне секретной. Конфедерация позволяла ее наиболее ценным и высокопоставленным агентам, а также руководителям на самых важных постах. Шторм знал, что Мыш – единственный известный ему человек, который мог бы рассчитывать на подобную честь, если, конечно, проживет еще сорок лет и достигнет адмиральской должности.

– Любопытно, – пробормотал он.

– Ты даже представить не можешь, насколько любопытно.

Интонации в голосе Кассия зачастую нелегко было уловить, но на этот раз Шторм сообразил:

– Ты что-то выяснил?

– Думаю, мы узнали почти все. Было бы интересно понаблюдать за Ди, пока мы будем это обсуждать.

– Прямо сейчас рассказать не можешь?

– До астероида пятьдесят один час лета. Пока приходи в себя. Ты все еще с трудом соображаешь. А обсуждение предстоит напряженное.

– Не сомневаюсь.

Последующие двое суток Шторм спал или терпел интригующие намеки сына на то, что удалось обнаружить им с Кассием на Большой Сахарной Горе. Он попытался найти утешение в

кларнете и Библии, которые, рискуя жизнью, спас его сержант с разрушенных останков одно-местного корабля.

Зрение его оставалось слишком слабым, чтобы читать, а для игры на кларнете не хватало координации пальцев. Мыш читал ему вслух, так что время шло быстро. К тому же он много спал.

Мыш разбудил его, когда Кассий вошел в поле звезды. Уолтерс намеревался совершить полный виток, на короткое время уйти в гиперпространство, используя поле звезды в качестве маскировки, а затем около суток дрейфовать со скоростью чуть ниже световой. Астероид болтался в кометном поясе звезды.

Цель маневра заключалась в том, чтобы оторваться от любого оставшегося незамеченным хвоста. Любому соглядатаю пришлось бы действовать на грани радиуса обнаружения, и он быстро потерял бы связь.

Когда они вышли на звездную орбиту, Шторм велел Мышу перенести его в рубку управления.

– Кассий, разверни корабль так, чтобы солнце было сверху, – сказал он.

– Есть.

Кассий изменил положение корабля, и звезда, покачнувшись, начала увеличиваться в размерах. Кассий нырнул к ней, скользя столь близко от ее поверхности, что линия горизонта исчезла. И казалось, они плывут под бескрайним огненным потолком, походившим на небеса Армагеддона, с которого с величественной грацией тянулись вниз языки пламени, словно пытаясь схватить их и увлечь в пылающую бездну. Даже небольшие солнечные пятна напоминали обширные темные континенты, окруженные океанами огня. Кассий включил все фильтры, позволив Шторму задумчиво созерцать чудовищную печь, изначальный источник всех прочих видов энергии.

– Насколько же похожа звезда на саму жизнь, – заметил Шторм. – Она пульсирует и пытается удержаться в бескрайнем океане холодного отчаяния. Крошечное ядро каждого атома трепещет, сражаясь с вампиром тьмы, высасывающим его жизнь. И звезда продолжает сражаться, зная, что все усилия безнадежны и все, что ей остается, – умереть непобежденной, совершив последний величественный жест и превратившись в новую.

Мыш наклонился к нему, внимательно слушая. Похоже, отец пытался навести некий порядок в своей небесной философии.

– Энтропия и хаос, смерть и зло – их не победить ни звезде, ни человеку, но в поражении всегда содержатся победа и вызов. Будто это солнце говорит мне: «Гней, можно уничтожить смертную плоть, но дух и присущая ему отвага вечны, и он не должен сдаваться. И именно это станет твоей победой».

Со слезами на глазах Мыш смотрел, как отец засыпает, утомившись от усилий, которые потребовались ему, чтобы описать чувства словами. Юноша смотрел в пламя, пытаясь увидеть в нем то, что видел Гней Шторм, но никак не мог найти. Встав, он перенес старика в медицинскую капсулу.

Шторм почувствовал, что его куда-то несут, и у него вновь пробудились сумеречные проблески сознания.

Всю свою взрослую жизнь он ожидал жестокой решающей схватки, в которой невозможно победить обычным способом. И почти набожно верил, что когда-нибудь его загонят в угол, откуда не будет иного выхода, кроме смерти. Он всегда считал, что орудием его гибели станет Ричард и что они с Ричардом обрекут на гибель всех им подобных, уничтожив друг друга.

Огонь войны с улантонидами разжег пламя пангуманизма, преимуществами которого сполна пользовалась Конфедерация. Она с боем пробивалась в широкие просторы относи-

тельно неуправляемого космоса, подчиняясь тем же законам, которые обеспечивают рост организмов и распространение видов. Среди тех, чье будущее становилось все более неопределенным, были и армии наемников.

Ни одно правительство не станет добровольно терпеть чью-либо конкуренцию, а тем более такую, которая способна бросить вызов его решениям. В основе любого, даже самого мягкого правления, лежит право на применение силы к отдельной личности. И любое правительство с начала времен стремится расширить рамки этого права.

Шторм считал, что, если их с Ричардом втянут в поистине кровавый Армагеддон, им предстоит сразиться в последней войне с участием наемников, которую потерпит Конфедерация. Ее спецслужбам вполне хватит сил и организации, чтобы разоружить вольные войска. Требовался лишь повод.

Корабль Кассия добрался до куска космического мусора, который Шторм когда-то давно превратил в тюрьму для Фирчайлда Ди. Это был настоящий ад, награда для Фирчайлда за измену на планете, где Кассий потерял руку.

И дело было вовсе не в превратностях войны.

Фирчайлд был дилетантом-наемником, командовавшим войсками, которые его отец надеялся превратить в семейную армию. Легион унизил его в первом же сражении, и он попытался применить в ответ тактику Ди.

Войны наемников носили церемониальный и ритуальный характер. Их завершение отмечалось формальным подписанием акта о капитуляции и сдачей знамен побежденного. Фирчайлд тайком пронес бомбу, рассчитывая уничтожить штаб Легиона перед внезапным возобновлением военных действий.

Повергнутые в ужас офицеры Фирчайлда выступили против него и предупредили своих противников. Единственным пострадавшим легионером оказался Кассий. От восстановления руки он отказался.

Потеря кисти постоянно напоминала ему, что во вселенной есть те, кому неведомо понятие чести. И ненависть к семейству Ди вспыхивала с новой силой.

Кассию и Мышу потребовалось два часа, чтобы переправить Шторма и Майкла вместе с медицинскими капсулами в единственное пригодное для жизни помещение на астероиде. Лишь затем они разбудили пострадавших.

Проснувшись и увидев Шторма, Майкл завопил:

– Гней, этот человек хочет меня убить!

Кассий издал металлический смешок:

– Да, убью. Если смогу.

– Ты же обещал, Гней. Ты дал мне слово.

– Ты прав, Майкл. Но Кассий тебе никогда ничего не обещал. Как и Масато – а у меня такое чувство, что он крайне зол на тебя за то, что ты сделал с его братьями.

Мыш попытался гневно насупиться, но тщетно. Ди ничего не заметил. Его больше интересовали он сам и Фирчайлд, которого он только что увидел.

– Господи боже мой! – простонал Майкл. – Что ты с ним сотворил?

– А ты думал, его тут будут улаживать гурии? – спросил Кассий.

Майкл в ужасе уставился на сына. В нем все же оставалось нечто человеческое, и он любил своих детей. Родительская забота превозмогла тревогу.

– Фир, Фир... Что они с тобой сделали?

– Подключи его, Кассий, – приказал Шторм. – Так он будет сговорчивее.

Мыш и Кассий уложили безвольного Майкла на автоматизированный операционный стол.

Положение Фирчайлда на первый взгляд казалось не столь уж и жестоким. Он был прикован к стене, и от шлема на голове к стоящей поблизости машине шел толстый пучок проводов.

Машина поддерживала жизнедеятельность Фирчайлда на самой грани. Как и Валерии в Фестунг-Тодезангсте, ему не позволялось впадать в забытие. Не мог он и рухнуть в пропасть безумия – благодаря набору психотропных средств он оставался в здравом уме. В случайные минуты машина стимулировала его болевой центр, столь же случайно выбирая неприятные ощущения.

Так что жестокости вполне хватало.

Мыш работал словно в тумане, не в силах поверить, что все здесь происходит по-настоящему и создал все это его собственный отец.

Кассий подстроил машину Фирчайлда таким образом, чтобы младший Ди мог проявлять интерес к тому, что делали с его отцом.

Привязав Майкла к столу, Мыш и Кассий поставили его вертикально. Шторм бесстрастно наблюдал за ними. Кассий придвинул и настроил хирургическую аппаратуру, включавшую в себя систему, похожую на ту, что поддерживала здравый рассудок Фирчайлда. К ней он добавил систему своеобразной анестезии, запрограммированную на усиление, а не на подавление боли.

– Это в самом деле необходимо? – прошептал Мыш.

Кассий кивнул. Похоже, ему это нравилось.

Жестокие люди.

– Я сдержал слово, Майкл, – сказал Шторм. Голос его звучал тихо и устало. – Что бы ни случилось, я никогда тебя не убью. Я пытался объяснить тебе это на Горе, но ты так ничего и не понял. Придется повторить, чуть подходчивее. Может, на этот раз до тебя дойдет. – Он минуту помедлил, собираясь с силами. – Майкл, я заставлю умолять меня, чтобы я тебя убил. Но я сдержу обещание и оставлю тебя в живых. Готов, Кассий?

Кассий кивнул.

– Дай ему попробовать.

Машина загудела, и крошечный скальпель срезал несколько квадратных миллиметров кожи с носа Ди. Второй манипулятор смазал обнаженную плоть йодом. Третий наложил маленький кусочек пластыря. Программа анестезии усилила жжение антисептика. Ди вскрикнул.

– Достаточно. Понял, Майкл? Это устройство – небольшая игрушка, которую я установил, когда мы здесь все обустроивали. У меня было чувство, что когда-нибудь ты вынудишь меня им воспользоваться. Оно будет сдирать с тебя кожу по несколько квадратных миллиметров зараз, в разных местах. Времени на заживление вполне хватит, так что процесс никогда не закончится. Только представь – боль до конца жизни.

Ди заскулил. Взгляд его остекленел.

Мыш отвернулся, с трудом удерживая внутри съеденный завтрак. Кассий мягко положил ладонь ему на плечо.

– Спокойно, – прошептал он.

– Майкл, Майкл, – проворчал Шторм, – ты ведь знал, что доиграешься. И не говори, будто тебя не предупреждали. И будто ты не знал, чем рискуешь. – Он слабо махнул рукой Кассию. – Теперь веко.

Ди побледнел как сама смерть:

– Мое лицо...

Жестокие люди. Кассий рассмеялся столь зловеще... Казалось, никакой искусственный голосовой аппарат не в состоянии издать подобный смех.

– Будут еще и шрамы, – пообещал Шторм. Голос его звучал тихо и задумчиво. – Да, это больнее, чем просто сдирать кожу. Кассий, проверь, что в программе хватает шрамов. Пусть будет что-нибудь поартистичнее.

– Будь ты проклят, Гней... – завопил Майкл.

– Здесь не санаторий, Майкл. Здесь преисподняя. Твой личный ад. Ты сам себя на него обрек. Полагаешь, кто-то тебя пожалеет? Не выйдет. Мы уже не дети. И тебе нас не одурачить, как ты привык. Нам знакомы все твои трюки.

– Гней, только не лицо...

– Не хочешь рассказать, почему Черномир столь многое для тебя значит?

– Для меня это выход... – Ди тут же замолчал и больше не произнес ни слова.

– Кассий, прежде чем мы улетим, расположи их так, чтобы они смотрели друг на друга. Поставь между ними звукоизолирующий барьер, чтобы не могли разговаривать. А теперь, прежде чем снова займемся моими вопросами, расскажи, что вы нашли на Горе.

Кассий коротко изложил события. Шторм иногда прерывал его вопросом или замечанием.

– Сангари? – спросил он, когда Кассий упомянул старика-убийцу.

Кассий кивнул.

Шторм повернулся к Майклу Ди, глядя на перепуганное красивое лицо.

– Значит, слух оказался верен. Ты в самом деле с ними сотрудничаешь. Так ты друзей не заведешь, Майкл. – Он погрозил пальцем. – Продолжай, Кассий. Становится все интереснее и интереснее. – Минуту спустя он пробормотал: – У меня такое чувство, что после того, как я оплачу твои счета за межзвездную связь, у меня будет право на социальную страховку.

– Возможно. Того старика звали Рхафу.

Шторм озадаченно взглянул на Майкла. На лице Ди отразились смешанные чувства разочарования и облегчения.

– Мне это ни о чем не говорит, Кассий.

– На самом деле говорит. Слушай дальше.

Он рассказал о том, что узнал от друга в Лунном командовании.

– Зачем этому таинственному сангари нужно было столько ждать, чтобы свести счета?

– Как я понимаю, он в самом деле из тех, кто предпочитает не спешить, пока все идеально не подготовит. Вероятно, он давно уже к нам присматривался.

Шторм посмотрел на Ди:

– Возможно, это многое объясняет. Но не вполне.

– Я немного поразмышлял на этот счет. Лететь было долго, и поговорить особо не с кем. В основном я пытался понять, зачем кто-то может настолько хотеть расправиться с собственным братом, что готов пойти на сделку с сангари. Но мне так ничего и не пришло в голову. Каждый раз я возвращался к одному и тому же. Все, что ты когда-либо делал, делалось в ответ на нечто, совершенное до этого Ди. Наш друг, конечно, тот еще сукин сын, но в прошлом он обычно набивал шишки, когда их заслуживал. И до последнего времени его мало волновало собственное дерьмо. Так что я снова стал размышлять с самого начала. Где-то должен быть ключ. Думаю, все началось потому, что он хотел свести счета с Ричардом Хоксбладом. К тому же ты должен был стать подачкой для твари по имени Дит. Иными словами, ничего личного. Просто договоренность. Дит помогает ему разделаться с Ричардом, а он помогает Диту разделаться с тобой и Легионом.

Шторм уставился на брата. Майклу было до ужаса не по себе.

– Зачем, черт побери, ему понадобилось заводить шашни с этим Дитом?

– Тут мне пришлось напрячь старую добрую логику. Чтобы все сложилось воедино, нам придется вернуться к твоим отцу и матери. Историю семьи ты знаешь. Он встретил ее на Префактле, и, когда они поженились, она была беременна. Борис так и не выяснил, кто отец Майкла, а Эмили ничего не говорила. Дальше я рассуждал так. Эмили родилась девочкой для утех сангари и носила четкую генетическую метку Норбонов. Мы знаем, что она несколько лет путешествовала и жила с парнем, который, возможно, стал отцом Майкла. Он бесследно исчез после того, как твоя мать вышла замуж за Бориса. Примерно в то же время исчез некто

более известный – повелитель преступного мира Префактла, которого мы называли Змей. Как утверждает мой друг Бекхарт, Змей и этот самый Рхафу – одно и то же лицо. Начинаешь сомневаться?

– Похоже на то. – Шторм сжал пальцами переносицу. – И мне это не нравится. Он не просто ведет с ними дела – он один из них. Сын этого Дита. На первый взгляд невероятно, но ты ведь нашел на Префактле нескольких полукровок?

– Не так уж мало. И, судя по выражению лица Майкла, мы попали в самую точку.

– Да. Так и есть.

– Гней, я... – Ди замолчал.

Лгать или признаваться было уже слишком поздно.

Молчание затягивалось. Мыш нервно озирался, переводя взгляд с одного на другого.

– Что ж, становится понятнее, – пробормотал Шторм. – Мы знаем ответы на некоторые «кто?» и «почему?» и даже, возможно, «как?». Вполне достаточно, чтобы расстроить их планы, вернув Бенджамина и Гомера. Но на самом деле это ничего не меняет. Похоже, уже слишком поздно.

– Мы можем убить некоторых Ди, – предложил Кассий. – Я расспросил Бекхарта про этого Дита. Нам никак до него не добраться – он покинул Родину и теперь обитает на собственной планете времен Первой экспансии. Он единственная сволочь во вселенной, которая знает, где та находится. И как, черт побери, подкупить какого-нибудь дурака-сангари, чтобы тот перерезал ему глотку? Если мы хотим его заполучить, нужно заставить его явиться к нам самому.

– Майкл останется в живых. Я дал ему слово. В любом случае он, возможно, не столь уж и виновен, как может показаться.

– Хватит его оправдывать, Гней.

Шторм проигнорировал реплику Кассия:

– Здесь им с Фирчайлдом ничто не угрожает. Помнишь «Троянский катафалк»? Я приведу план в действие и прикажу начать поиски Сета-Беспредельного. Если мы прижмем к стене и его, Диту придется дать о себе знать. У него не останется больше марионеток.

– Хельга, – предложил Мыш.

– Хорошего от нее ждать не приходится, – ответил Шторм. – Заводи свою межзвездную связь, Мыш. Мне нужно поговорить с Ричардом.

– У нас ее нет. Наш друг Майкл срезал все волноводы, – сказал Кассий. – И мы потеряли связь с твоим другом-сейнером. Придется ждать, пока не вернемся в крепость.

– Тогда зачем мы валяем тут дурака? Вези меня домой.

Развернув медицинскую капсулу отца, Мыш покатил ее к шлюзу. За его спиной завопил Майкл.

Кассий прибавил мощность пыточной аппаратуры.

Жестокие люди. Все до одного.

В обычном космосе дрейфовала небольшая яхта. Ее пилот терпеливо наблюдал за сканером гиперпространства. Яхта потеряла цель, которую преследовала, но надеялась найти ее снова.

Кассий ушел в гиперпространство, на долю секунды оставив после себя едва заметную волну.

Яхта развернулась, словно игла компаса, и мгновение спустя начала ускоряться.

37. Год 3028

Мойре было семнадцать, когда ее вызвал к себе Блейк. Ей стало страшно. Она столько всего слышала... Но даже Блейк не сможет ее ни к чему принудить. Или сможет?

У нее не было покровителя, и после смерти Лягуша приходилось самостоятельно бороться за жизнь. Она считалась достаточно крутой даже для девчонки из Крайгорода. Но – Блейк? Сразиться с полубогом?

Лягуш сумел. Ему хватило для этого упрямства.

Мойра окинула взглядом крошечную комнатку, когда-то служившую жилищем коротышке и ставшую домом для всеми брошенной и никому не нужной маленькой девочки.

– Что мне делать, Лягуш? – спросила она.

«Иди, девочка, – ответил призрачный голос. – И засунь этому уроду нос в задницу, если он хотя бы попробует тебя тронуть».

На самом деле у нее попросту не оставалось выбора. В Крайгороде Блейк был всевластным хозяином, и, если бы она не пошла сама, за ней все равно бы явились и притащили силой.

Готовясь к выходу и стараясь придать себе как можно более непривлекательный вид, она снова оглядела комнату. Ее охватил холодный иррациональный страх при мысли, что, возможно, она видит свой дом в последний раз.

Мойра превратила его в подобие музея, чуть ли не храма, посвященного чокнутому коротышке по прозвищу Лягуш, чьего настоящего имени она не знала. Ей не хотелось показывать, что ее это как-то волнует, – она чувствовала, что возникшая между ними привязанность смущает его самого. Теперь же, когда она вступила в самый романтический возраст и туманные воспоминания о прошлом воспринимались во все более розовом свете, она с каждым днем все больше возводила Лягуша в ранг божества.

Она не вписывалась в общество Крайгорода. Ее считали диковинкой и «приблудной бродяжкой старика Лягуша». Последнее, учитывая выглядывавший из-за ее плеча призрак чокнутого коротышки, отталкивало людей в большей степени, чем первое.

Старый Лягуш превратился в городскую легенду, которой крайгородцы хвастались перед посторонними. Его называли Человеком, Добравшимся до Конца Теневой Черты. Из его краулера сделали памятник. И тем не менее Лягуш до сих пор внушал им неясную тревогу.

Канонизация мертвых была уделом сумасшедших. Разум Лягуша поразила некая болезнь, и люди опасались, что та могла передаться Мойре.

Никто не знал, что с ней делать, и потому ее просто не трогали. Оказавшись без всяких на то причин на положении изгоя, в полном одиночестве, она обнаружила, что у нее появилось слишком много времени для размышлений. Жители города сами создавали себе страхи из собственных тревог и ожиданий.

Фотографии Лягуша на стенах. Вещи Лягуша по всей комнате. Потрепанные остатки его скафандра. Модель его краулера. Составленные Лягушом карты Солнечной стороны, открытые им неизведанные земли. Дневник, куда Мойра записывала мысли, которые считала самыми важными. Многие записи касались ее тезки, первой женщины-старательницы Крайгорода, Девушки, Видевшей Солнце, ставшей столь же странным каноническим персонажем, как и Лягуш. Лягуш утверждал, будто состоит с ней в неких родственных отношениях, но Мойра так и не узнала, в каких именно. Это была тайна, в которую она боялась углубляться. Она несколько раз начинала исследовать городские архивы, но каждый раз бросала до того, как находила какой-либо след. Ее слегка пугала мысль, что покровитель может на самом деле оказаться колоссом на глиняных ногах.

Мойра шагнула к двери, но тут же остановилась. Слова Блейка «Как вам будет удобно, но чем раньше, тем лучше» означали «вчера», и это пугало еще больше.

– Чему быть, тому не миновать, – вздохнула она, растрепала волосы и вышла.

Главное управление Горно-металлургической корпорации Блейка находилось в огромном старом здании в центре Крайгорода, под самой прочной частью противометеоритной защиты купола. Много лет назад здесь размещался городской совет, но теперь этим зданием

владел Блейк. Крайгород принадлежал компании, так что в местоположении ее главного управления не было ничего странного.

Мойра пришла как раз тогда, когда начался запрограммированный на вторую половину дня дождь. Легкий ветерок швырял капли в лицо. Запах влаги вызывал смутные воспоминания о детстве, о беге по травянистой, поросшей дикими цветами равнине под ласковым желтым солнцем, об играх с детьми на племенной ферме, которой заведовал по-отечески добрый хозяин. Ребятишки не знали, что они всего лишь собственность, которую готовят на продажу. Впрочем, даже если бы Мойра и знала, вряд ли бы ее это волновало. Она была счастлива.

Остановившись на ступенях городского совета, она взглянула вверх, пытаясь разглядеть испещренного звездами черного врага, осаждавшего город. Но не увидела ничего, кроме заменявших солнце огней и труб, из которых лил дождь. Крайгород старался изо всех сил, чтобы дать отпор ночи.

Дождь пошел сильнее, и она поспешила к герметичной двери, которая в случае повреждения купола превращалась в шлюз.

Единственным обитателем маленькой уютной приемной был худой пожилой джентльмен, напомнивший ей выросшего Лягуша. У него было обветренное лицо человека, который всю жизнь проработал старателем, но вынужден был уйти в отставку. Мойре стало не по себе. Отставные старатели порой бывали нервными и неприятными личностями.

Но этот человек оказался не таким. Подняв взгляд и увидев, как она переминается с ноги на ногу перед его столом, он расплылся в улыбке, будто много лет ждал одну лишь Мойру:

– Госпожа Эйт? Мойра Эйт? Рад, что вы смогли прийти.

Он протянул ей темную сморщенную руку, и Мойра ошеломленно ее пожала. Рука была теплой и мягкой, и девушка слегка расслабилась. Она оценивала людей по прикосновению – теплое и мягкое означало, что ей не хотят причинить вреда, а холодное, влажное и жесткое предвещало неприятности. Она знала, что температура тела у всех примерно одинаковая, но чувствовала разницу по рукам – а позднее по губам – и доверяла подсознанию, которое делало соответствующие выводы.

В большинстве случаев ощущения ее не подводили.

– В чем... в чем, собственно, дело? – спросила она.

– Не знаю. Я всего лишь заменяю старику ноги. Значит, вы и есть та самая девочка Лягуша? Совсем уже взрослая. Вам следует больше бывать на людях. Зачем скрывать такую красоту? – Он повел залившуюся румянцем Мойру к лифту. – Господин Блейк в пентхаусе. Сейчас поднимемся наверх. Он велел доставить вас к нему.

Мойра закусила губу, стараясь выглядеть отважной.

– Ну-ну, не пугайтесь. Он вас не съест. Мы не позволяем ему закусывать девицами уже года три или четыре.

«Примерно так же разговаривал со мной в детстве Лягуш», – подумала она. На Солнечной стороне имелось нечто, делавшее старателей более нежными и чуткими. Все считали Лягуша неприветливым старым ворчуном – может, даже сам Лягуш так считал, – но те, кто так говорил, на самом деле его не знали.

Жизнь старателей никого особо не интересовала – слишком короткой она зачастую оказывалась. Сближаться с врагами демона-солнца не имело особого смысла. Те, кто, подобно этому человеку и Лягушу, успел постареть, совершая рейсы к Грозовым горам и Теневой Черте, были редкостью. Люди не выдерживали долго жесткую дисциплину и постоянное внимание, требовавшиеся для выживания за Краем Мира. Лягуш в конце концов едва не погиб, но ему повезло. Его вытащили – чтобы убить. Возможно, этот человек тоже потерпел неудачу и ему тоже повезло.

Мойра начала злиться. Убийство Лягуша так и не расследовали. Да, тех людей отправили в изгнание, но убийцу не поймали. Она намеревалась сделать это сама. Меньше чем через год

она станет совершеннолетней. И тогда наследство Лягуша, а также выручка от продажи его краулера после того, как Блейк вычтет затраты на ремонт, позволят ей купить билет за пределы планеты и разыскать Огаста Плейнфилда.

Навязчивая идея преследовала ее с тех пор, как она заглянула в дверь больничной палаты и поняла, что сделал Плейнфилд. Практические аспекты ее не пугали. Она была еще достаточно юна и верила в магию и справедливость.

Ее план обернулся мятежом против философии Лягуша. Сколь бы мрачен и ворчлив тот ни был, вряд ли он хотел, чтобы месть стала единственной целью ее жизни.

– Ну вот, пришли. Самый верх башни. Обязательно попросите его показать вам смотровую площадку. Мало кому представляется такая возможность. А вид оттуда того стоит.

Сопровождающий провел ее в вестибюль, вполне соответствовавший представлениям Мойры о штаб-квартире Блейка. Здесь воняло роскошью. До чего же расточительное использование пространства!

В городах под куполами, подобных Крайгороду, каждый кубический сантиметр служил некоей важной цели. Даже открытые пространства являлись частью единого замысла, давая возможность отдохнуть от тесноты жилых помещений.

Здесь же единственная функция пространства заключалась в том, чтобы провозглашать богатство и могущество его обитателя.

– Полагаю, он у себя в кабинете, – сказал спутник Мойры. – Прошу за мной.

– Тут столько места...

– У большого человека – большие задачи. И ему нужен простор, чтобы с ними справиться.

– Спасибо. Гм... не знаю, как вас зовут.

– Не важно. Зачем вам?

– Наверное, затем, что вы были со мной любезны. И это важно. Мне хотелось бы знать, кто был ко мне добр, чтобы потом с теплом о нем вспоминать.

Сформулировать лучше она не сумела.

– В таком случае – Альбин Корандо.

– Странно.

– Для Черномира – возможно. Мои родители прилетели сюда после войны.

– Нет, не в том дело. Лягуш иногда про вас говорил. Я как раз вчера пыталась вспомнить ваше имя.

– Могу поспорить, он немало обо мне рассказывал, – негромко рассмеялся Корандо. Взгляд его стал отстраненным, а потом вдруг помрачнел. – Да... рассказывал. Пришли. И еще, госпожа...

– Да?

– Не пугайтесь. Он всего лишь человек. И к тому же не такой уж плохой. То, что о нем говорят, – почти все неправда.

– Ладно.

И все же, когда они остановились перед дверью, за которой ждал всемогущий, ее бросило в дрожь.

Корандо толкнул дверь:

– К вам госпожа Эйт, сэр.

Мойра робко последовала за ним.

Хозяин кабинета развернулся в кресле ей навстречу. Он оказался вовсе не клыкастым циклопом, которого она ожидала увидеть. Не был он и стар – на вид лет тридцати пяти, может, моложе. Несмотря на худощавую фигуру, в нем чувствовалась сдержанная сила профессионального бойца. Он широко и ослепительно улыбнулся, показав идеальные зубы. Несколько мгновений Мойра не замечала ничего другого.

– Прошу прощения, что не встаю. – Он протянул руку, показывая другой на ноги, заканчивавшиеся культями на месте коленей. – Несчастный случай на станции у Теневой Черты несколько лет назад. У меня не было времени отрастить новые.

– Ох, простите...

– За что? Я сам это заслужил. Не стоило лезть под оторвавшийся прицеп, – в конце концов, у меня есть люди, которым за это платят. Альбин, принеси девушке выпить. Смешать вам коктейль, Мойра? Нет, пожалуй, не стоит. Ни к чему давать повод для слухов, будто я спаиваю юных девиц. Кофе устроит?

Она кивнула, и Корандо вышел.

– Что ж, садитесь. Что вас так смущает?

– Гм... – Мойра покраснела, поняв, что не сводит с него взгляда. – Я думала, вы старый.

Блейк рассмеялся приятным, по-женски мелодичным смехом. Мойра пожалела, что не взяла его протянутую руку, не узнала, теплая ли она. Та же самая рука показала на висевшие на дальней стене написанные маслом портреты.

– Вот они – настоящие старики. Мой отец. Его отец. И старый пират, с которого все началось. Обадия Блейк.

Три темных жестких лица смотрели на нее традиционным для старинной портретной живописи взглядом, в котором чувствовался злоеущий расчет или коварная алчность. Будто каждый размышлял, не продать ли художника в рабство.

– Они достаточно стары, чтобы это устраивало всех. Я называю их Старыми Пройдохами. Они все воспринимали чересчур всерьез. Варились в собственном соку. – Он улыбнулся, будто старой шутке. – Жадины и хапуги – вот кем они были. Хотели всего, что только можно пожелать.

– Наверное, теперь, когда у вас у самого есть все, что только можно пожелать, вы можете показывать на них пальцем и приговаривать: «Как вам не стыдно!»

Мойра сама удивилась своей безрассудной отваге.

– Да уж, Лягуш воспитал вас как надо, – рассмеялся Блейк. – Сам я его почти не знал, но мой папаша кое-что о нем рассказывал.

– Надеюсь, ничего хорошего.

Она улыбнулась вошедшему Корандо, который принес серебряный кофейник и фарфоровую чашку на серебряном подносе. Серебро и золото, побочные продукты горнодобывающей деятельности Блейка, были популярны в Крайгороде. Корандо носил в ухе большое золотое кольцо.

– Ничего. Вообще ничего. И вашим симпатичным ушам лучше этого не слышать. Нет, Альбин, останься. Думаю, моя гостя будет уютнее себя чувствовать в присутствии сопровождающего. Хотя одному Богу известно, сумею ли я сдержаться, если меня охватит страсть.

– Как пожелаете, сэр.

Мойра благодарно улыбнулась мужчинам.

– Что ж, – сказал Блейк, – как бы мне ни хотелось поболтать с симпатичной девушкой и помечтать о несбыточном, я пригласил вас по делу. Так что к нему и перейдем. Что вы чувствуете к человеку, убившему Лягуша?

Ответ не требовался. Все чувства отразились у нее на лице.

– Неужели настолько сильно? Альбин, поищи на том столе и дай госпоже Эйт солидографии, о которых мы вчера с тобой говорили.

В кабинете Блейка царил беспорядок. Казалось, у него никогда не хватает времени, чтобы прибраться.

– Плейнфилд, – сказала Мойра, вертя в руках два десятисантиметровых кубика. Внешность слегка изменилась, но сомнений не оставалось.

– Мы получили их вчера из Сумеречного города. У меня там свой человек, и он сделал снимки одного типа, который болтался среди тамошнего начальства и показался ему знакомым. Мой соглядатай – один из тех, кого мы изгнали после убийства Лягуша. Ему повезло – его подобрал тамошний краулер. Но он хочет вернуться домой. У него тут семья. И он пытается всеми силами заслужить право на возвращение.

– Что насчет Плейнфилда? – с трудом проговорила Мойра, чувствуя, что еще немного, и ее стошнит.

– Теперь он известен под именем Дибольд Амелунг, но и оно не настоящее.

– Что вы собираетесь предпринять?

– Пока ничего. – Блейк поднял руку, предупреждая возражения. – Пока. Всеу свое время. Я мог бы приказать его убить, но тогда не удастся выяснить, что он замышляет. Я не узнаю, зачем он убил Лягуша. Я не узнаю, имеет ли он отношение к некоему странному явлению, которое мы наблюдали на Солнечной стороне. Альбин, проектор готов? Хорошо. Мойра, настоящее имя этого человека – Майкл Ди. Мы выяснили это некоторое время назад.

– И ничего не сделали? – злость застила ей глаза.

– Моя дорогая, Блейк сделал все возможное, что отвечало его интересам. Согласен, это не так уж много. Этот человек, каким бы именем он ни назывался, не какой-нибудь головорез со Старой Земли. Он мог бы купить и продать весь Крайгород. Он очень стар, богат и могуществен. У него множество связей.

– И?

– Для вас все просто. Вам нечего терять. Зато у меня целая промышленная империя и сотня тысяч людей, о которых приходится думать.

– Неужели он настолько важная персона?

– Еще какая. Ему принадлежит целая планета. Он управляет частной межзвездной торговлей. Он получает доход от всех транспортных компаний, которые перевозят наши экспортные товары. Его брат – Гней Юлий Шторм, наемник с личным войском в двадцать тысяч человек и соответствующим количеством кораблей. Его имя связывают с Ричардом Хоксбладом, другим наемником. И у него есть друзья в Лунном командовании, которые могут наложить эмбарго на Черномир по одному его слову.

– Понятно. И что же настолько крупная шишка делает в Сумеречном городе?

– Ну вот, наконец-то наши мысли совпадают. Посмотрим несколько видеоклипов. Альбин?

Корандо приглушил свет и включил голопроектор.

– Это теневое облако, которое мы послали с отдаленной базы, чтобы прикрыть трассу между Белоземьем и Теневой Чертой.

Голопроектор показал темный столб, который, как мгновение спустя поняла Мойра, казался темным из-за ослабленного невыносимо яркого сияния.

– Мы отфильтровали картинку до предельного разрешения.

Голограмма сменилась другой. Появился еще один столб пыли, видимый слегка со стороны солнца, из-за чего часть его напоминала рой огненных мошек.

– Это отснял два года назад водитель грузового краулера, проезжавший в четырнадцати часах к северу от Теневой Черты. Тогда мы не сумели ничего понять – слишком далеко, к тому же на Сумеречной территории. Кто-нибудь мог бы подумать, что это пыль, вылетающая из жерла вулкана.

Третий видеоклип представлял собой неподвижную картину следов краулера при искусственном освещении.

– Это отснято около месяца назад водителем другого грузовика в двух с небольшим тысячах километров от Теневой Черты. Он решил, что наткнулся на следы окольной поездки Лягуша. Следы выглядели странно – слишком широкие. Мы проверили бортовой журнал

Лягуша, и стало ясно, что их оставил не он. Что-то было не так. Странность не давала мне покоя, и я велел Альбину проверить все данные и поговорить с водителями. В итоге он обнаружил то, что я и предполагал. Единственным в Крайгороде, кто забирался столь далеко, был только Лягуш. Я велел Альбину еще раз все проверить, и он нашел нескольких водителей грузовиков, которые наблюдали на радарах или воочию пылевые столбы на севере, особенно дальше к западу, где их можно было увидеть с самой Теневой Черты. Альбин?

Голограмма сменилась мелкомасштабной картой Северного полушария к западу от Края Мира.

– Все считали, что об этом нет смысла докладывать. Всего лишь еще одна диковинка Солнечной стороны. Заинтересовавшись, мы нанесли эти места на карту. Похоже, все столбы появлялись вдоль этой черной линии.

– Тайный путь к Теневой Черте с Сумеречной территории, – поняла Мойра. – Наверняка это недешево.

– До чего же она сообразительна, Альбин. И след краулера это подтверждает. Его оставил грузовик-дальнобойщик Мичемов. Сумеречный город находится на Теневой Черте, хоть это и обходится в немалые деньги и человеко-часы, куда большие, чем можно себе позволить ради простого любопытства. Одно то, что они поставили ряд теневых генераторов на протяжении двух тысяч километров Солнечной стороны, – достойный восхищения подвиг. Даже не представляю, сколько оборудования и жизней могло на это потребоваться. Я узнавал у инженеров – они говорят, что такое возможно, но для этого нужно быть воистину сумасшедшим. Так зачем это кому-то понадобилось?

Пока Блейк говорил, Корандо дважды поменял видеоклипы. Первый изображал художественную концепцию некоего подобия краулера, второй – съемки реальной машины, слегка отличавшейся очертаниями. Судя по ракурсу камеры, не оставалось сомнений, что кадры отсняты на Теневой Черте. Возвышающиеся на фоне утесы отчетливо выделялись в ярком свете.

– Это было отснято раньше на неделе, недалеко от места, где мы нашли загадочные следы краулера, – объяснил Блейк.

– Не понимаю, – сказала Мойра. – На этом же никак не заработаешь.

– Уверены? Заработать можно, и немало. Эти Мичемы – пираты похуже старика Обадии. Я надеялся, что вы прольете хоть какой-то свет.

– Я? О Теневой Черте я ничего не знаю, кроме того, что рассказывал Лягуш.

– Именно. Единственный, кто добрался до самого ее конца.

– Хотите сказать, он что-то нашел?

– Именно это мне и хотелось бы знать.

– Он ничего мне не говорил. Но я видела его всего минуту, прежде чем он меня выгнал.

А потом... потом...

– Да. – Блейк обвел кабинет рукой. – Я просмотрел все записи, которые удалось добыть, пытаясь хоть что-то найти. Даже те кошмарные часы передач, которые выходили в эфир, пока он не вернулся. Но я ничего не отыскал. Вообще ничего – будто обыскиваешь черную дыру. Ты знаешь, там должно что-то быть, но выясняешь лишь, что там ничего нет. Понимаете, о чем я? Во многие записи кто-то вмешивался. Невозможно сказать, что пытался скрыть Плейнфилд. И еще больше записей с тех пор были «исправлены». Как и в черной дыре, там столько того, чего нет, что можно сказать лишь одно: речь идет о чем-то большом и опасном. И мне больше не к чему обратиться, кроме весьма ненадежных человеческих воспоминаний о том, что случилось много лет назад.

– А что насчет вашего шпиона?

– Мне пришлось бы вернуть его домой, чтобы как следует расспросить. Я пытаюсь это сделать, но вряд ли у меня получится. В последние несколько лет Мичемы стали еще большими

параноиками. Возможно, им есть что скрывать. Черт побери, даже солидографии Ди оказалось нереально сложно раздобыть.

– Вы могли бы кого-нибудь туда отправить, сэр, – предложил Корандо. – Кого-нибудь, у кого есть законные основания. Пусть допросит нужных людей.

– Согласен, это проще, чем вытащить кого-то оттуда. Но, боюсь, даже у того, кто отправится туда на законных основаниях, будут немалые проблемы с возвращением. Судя по тому, что сообщает мой человек, за посторонними ведется чертовски тщательная слежка.

– Тогда устройте засаду на Теневой Черте, – сказала Мойра. – Используйте пушки вместо камер. Схватите кого-то из их людей.

– Я не хочу, чтобы они знали, что мы что-то знаем. Это может привести к войне еще до того, как мы к ней подготовимся.

– Войне? – одновременно спросили Мойра и Корандо.

Голос девушки сорвался.

– Естественно. Если там есть нечто, стоящее затрат, на которые они пошли, чтобы его украсть, точно так же оно стоит того, чтобы за него сражаться.

– Босс, – сказал Корандо, – у вас чертовски субъективный взгляд на вещи. На этой карте...

– Теневая Черта начинается на территории Крайгорода. С моей точки зрения, вся эта чертова хрень принадлежит нам. И не важно, что она заходит выше южной параллели Сумеречного.

«Похоже, этот Блейк в душе тоже немного пират», – улынувшись, подумала Мойра. Чтобы делать деньги на Черноморе, нужно уметь захватывать чужое.

– А какое я ко всему этому имею отношение? – спросила она. – Вы же знали, что на мою помощь относительно находки Лягуша можно не рассчитывать. Зачем вы меня сюда притащили?

– Вы правы. Умная девочка. У меня есть одна идея, довольно-таки замысловатая. Как считаете – вы смогли бы убить Ди?

– Плейнфилда? Да. Я уже об этом думала. Смогла бы. Не знаю, правда, как я чувствовала бы себя после.

– А могли бы вы его не убивать?

– Не понимаю.

– Могли бы вы оказаться рядом с ним, но не свести при этом счеты?

– Не знаю. Возможно. Если для этого будет причина. К чему вы клоните?

– Вы могли бы с ним подружиться? Или даже более того?

Ей пришлось приложить усилие, чтобы удержать внутри съеденный завтрак. Потом ей пришло в голову, что месть станет намного слаще, если она заставит этого человека в нее влюбиться, прежде чем убить. Жестоко, зато приятно.

Именно тогда она впервые поняла, насколько глубока ее ненависть к Плейнфилду, ставшая навязчивой идеей. Она была готова на все.

Мойра испугалась самой себя, и ей это не понравилось. Ей не хотелось быть такой.

– Что от меня требуется? Я все сделаю.

– Гм?

– Я сделаю все, что вы от меня хотите, если это необходимо, чтобы прикончить Плейнфилда.

Блейк пристально посмотрел на нее.

– Не стоит отдаваться во власть женщин, – с легким разочарованием пробормотал он. – Ладно. Вот мои соображения. Пока начерно, будем решать по ходу. Первым делом мы отправим вас в Сумеречный город. У вас будет билет на пролетающий корабль до Старой Земли. Ни в каком другом порту вы на пролетающий корабль не попадете. Если сумеем, устроим вам

встречу с нашим человеком. Потом вы сядете на первый корабль, летящий к Земле. Вы сойдете с него на станции Вейдерандер, сдадите неиспользованную часть билета и купите новый до Большой Сахарной Горы, на другое имя. Мы планируем зачислить вас в Модельмог. Они как раз начали принимать богатую молодежь, чтобы свести концы с концами.

Модельмог был передовым учебным центром столетия для молодых художников, актеров и писателей. Как и намекал Блейк, учебное заведение переживало нелегкие времена. И потому принимало богатых, но бесталанных, чтобы оплатить обучение талантливых, но бедных, составлявших основное число студентов. Существенные пожертвования становились платой за высоко ценившиеся дипломы.

– При чем тут вообще Плейнфилд? – горестно спросила Мойра. – Как-то все уж слишком замысловато.

– Терпение, девочка. Терпение. Сейчас дойдем и до него. Нужно, чтобы в Модельмоге вы соблазнили одного поэта по имени Люцифер Шторм. Говорят, он талантливый молодой человек и вполне симпатичный. Вряд ли он вызовет у вас отвращение. Он станет вашим пропуском в Железную крепость. Это штаб-квартира наемника Гнея Шторма. Ди постоянно там бывает, и вы без труда заведете с ним дружбу. Станьте его любовницей.

– Понятно. Жить с ним и шпионить за ним.

– Именно так.

– И как долго?

– Речь не только о том, чтобы отомстить за Лягушу, девочка моя. Тут, в Крайгороде, я крупная рыба, но там всего лишь мелюзга. Я не могу заводить врагов среди акул.

Мойре вполне хватило ума, чтобы понять его проблему, хотя та и показалась не слишком приятной на вкус.

– Ладно. Но как-то все это у вас чересчур сложно. Я наверняка все испорчу.

– Я успел как следует изучить Мойру Эйт, дорогая моя, – усмехнулся Блейк. – Она далеко не глупа. Как говорят ее знакомые, она очень хорошая актриса, как на сцене, так и в личной жизни. Драматург Уайт считает вас находкой.

Мойра пожала плечами, хотя втайне была довольна. Господин Уайт никогда ей ничего подобного не говорил.

– Мои отец и дед крайне плохо относились к старику Лягушу. Будь я тогда во главе, вел бы себя иначе. Лягуш был весьма важен для нас. Он напоминал нам, что мы не боги. Он напоминал нам, что то, что хорошо для корпорации, не всегда хорошо для жителей Крайгорода. Он сам этого не понимал, а мой папаша замечал лишь краешек, но ваш старик не позволил Крайгороду превратиться в подобие Сумеречного. Если мы пошлем вас на задание, сами поймете, что я имею в виду. В Блейке и Крайгороде до сих пор осталось нечто человеческое – несмотря на мой совет директоров. Прошу прощения, я уклонился от темы. Это мой конек.

– Желаю, чтобы вы никогда с него не слезали, сэр, – сказал Корандо.

– Альбин – моя совесть. Он родом из Сумеречного.

– Знаю. Он был изгнанником. Его привел Лягуш. Он мне своего рода брат. Но это было давно.

– Давно, – согласился Корандо. – Похоже, у него был обычай собирать бродяг.

– Жаль, что сегодня его нет с нами, – мрачно проговорил Блейк. – Я намерен в ближайшее время представить свои соображения совету директоров. Лягуш бы сумел поставить их на место. Они его боялись. И в каком-то смысле бояться до сих пор. Будто он может вернуться с того света и преследовать их, как привидение.

– А разве не так? – спросила Мойра. – Когда начнем? Что нужно сделать?

38. Год 3031

Возвращение домой не принесло радости. В Железной крепости Шторма ждало множество дурных новостей.

Вульф и Гельмут посадили на угнанный Ди одноместный корабль лучшего пилота, но на обратном пути на него и на сопровождение напали чужие корабли, принадлежавшие, судя по очертаниям, сангари. Уцелел только один – Вульфу и Гельмуту пришлось позволить ему сбежать. Его команда вновь захватила медицинские капсулы с телами Бенджамина и Гомера. Небесные сейнеры проследили за кораблем и сообщили, что он совершил посадку на Мире Хельги.

– Мы вернулись к тому, с чего начали, – простонал Шторм из своей капсулы.

– О нет, – с тошнотворной усмешкой возразил Гельмут. – Все намного хуже. Ловцы говорят, что сегодня утром Майкл и Фирчайлд Ди прибыли на Черномир.

– Не может быть.

Сердце Шторма забилося с такой силой, что капсула впрыснула ему легкое успокоительное.

– Вполне может, – ответил Вульф. – Его вытащила жена. Она была на Мире Хельги, и он общался с ней по межзвездной связи во время погони. Она полетела следом за вами в тюрьму. По крайней мере, так говорят на Черномире.

– У него новая жена?

– Нам известно только то, о чем нам докладывают, – проворчал Гельмут. – Это прежняя жена. Я тоже думал, что она умерла. Но наш человек кое-что узнал, пока они объяснялись с Сетом-Беспредельным. Он даже выяснил, каким образом она следовала за Ди.

– И каким же?

– С помощью межзвездного передатчика ограниченного радиуса. Небольшого устройства, которое проглотил Майкл, прежде чем его поймали. Оно долго не протянуло, но его хватило, чтобы жена добралась в окрестности астероида.

– Нам поставили ультиматум?

– В ту же минуту, как только сел тот корабль, – ответил Вульф. – Естественно, без подписи. Либо мы берем контракт на Черномире, либо мы никогда больше не увидим Бенджамина и Гомера. Полагаю, Ди попытаются подставить компанию Блейка.

Шторм лежал, глядя в бледный потолок. Ему не требовалась подпись, чтобы понять, кто отправил сообщение. Хельга Ди. И вряд ли бы она потрудилась замести следы. У него возникло искушение проигнорировать послание. Бенджамин и Гомер – его родные сыновья, но на другой чаше весов лежали жизни всех легионеров, которые могут погибнуть в бою.

– Каков наш статус?

– Готовы начать в любую минуту.

– Активируйте «Троянский катафалк», – приказал Шторм.

Никто не возражал. Никто даже не удивился, что слегка его озадачило. Когда много лет назад он представил план на случай непредвиденных обстоятельств, ответ был совершенно иным. Тогда никто не видел необходимости в проникновении в Фестунг-Тодезангст.

– Операция была запущена в день, когда улетел Майкл, – сказал Вульф. – Мы уже обнаружили «вброн» Хельги. Цейслак вчера захватил этот корабль и теперь летит к Миру Хельги.

Шторм впервые за долгое время улыбнулся. Хакс Цейслак, жаждущий крови юноша, обладал талантом к спецоперациям. Если кто-то и мог переправить в Фестунг-Тодезангст корабль легионеров под видом трупов, то именно он.

– Сколько их? Все добровольцы? Вряд ли она взорвет корабль, если только не решит, что ей все равно не жить. Но мне не хотелось бы, чтобы кто-то шел на риск против своего желания.

– Батальон в полном составе. Все добровольцы. Еще тысяче мы отказали. Они думали, что им придется вытаскивать и вас. Цейслак отобрал тех, кого хотел сам.

– Ладно. Летим на Черномир. Заварим там кашу и отвлечем их внимание, пока Цейслак не выполнит задачу. Ему придется потянуть время. Если он приведет «ворон» раньше намеченного графика, она точно почует наш запах.

– Ему потребуется месяцев пять, – словно извиняясь, пожал плечами Гельмут. – Это был единственный «ворон», который мы нашли.

– Нам будет не хватать Цейслака на Черномире, – сказал Вульф. – Я изучил расклад. Положение Блейка настолько лучше того, с которого приходится начинать Ричарду, что без набора тузов в рукаве Хоксбладу не обойтись.

– Естественно, они у него есть, – ответил Шторм. – Это же Ричард Хоксблад. Он бы не взялся за это задание, если бы не считал, что победит. Если станет тяжело, Цейслака нам будет очень не хватать.

– Возможно, удастся убедить моего друга Бекхарта взять всю работу на себя, – сказал Кассий. – Если мы представим доказательства, что между Хельгой и сангари есть некая связь.

Мыш почувствовал, что понимает все меньше.

– Почему это так важно? – спросил он.

– Ему потребуется повод, чтобы сунуть нос в чью-то личную войну, – ответил отец. – И тогда, вмешавшись в нее, он сможет захватить Мир Хельги для Лунного командования. Для сангари это станет крупным поводом к войне.

– Я знаю, они проводили целое исследование, какой ценой обойдется ликвидация Хельги, – сказал Кассий. – Собственно, мы тоже. Основной план – разрушить ее защиту ракетным огнем, уничтожая все живое. Они будут только рады, если мы откроем дверь и позволим им наложить лапы на всю эту приятную информацию.

– Организуй это, – приказал Шторм.

– Ты уверен? Стоит ему захватить Мир Хельги, и правительство получит полное господство над всеми корпорациями на этом краю Конфедерации.

– Знаю, – сказал Шторм. – Знаю. Что бы ты ни делал, это игра без выигрыша.

– Что насчет компании Блейка? – спросил Гельмут. – Они уже две недели рыдают, словно младенцы. Один мой связист постоянно отвлекает их внимание.

– Пусть продолжает. А пока начинайте подготовительные шаги. Устройте им сюрприз. Я появлюсь, как только медики отпустят меня на свободу.

– Еще одно, – сказал Вульф, когда Мыш покати́л отца к выходу.

– Что? – огрызнулся Шторм. – Какие еще дурные известия ты для меня припас, черт бы тебя побрал?

– Может, дурные, а может, и хорошие, – заметил Вульф. – Сообщение от Люцифера. Он в некотором замешательстве. Оказывается, его жена – агент Блейка и его корпорации.

– И что? Разве это теперь имеет значение?

– Может, и нет. Но ответьте мне вот что, полковник. Почему ее посадили к нам? Она охмурила Люцифера еще до того, как все началось. Мне кажется, это означает, что вряд ли она имеет какое-то отношение к Теневой Черте.

– Слишком сложная взаимосвязь, – заметил Кассий, мягко кладя руку на плечо Мыша. – Шестеренки вращают одна другую, и порой невозможно понять почему.

– Ар-р-г-х! – прорычал Шторм. – Отвези меня вниз, Мыш.

Крепость превратилась в цитадель уныния. В ней не было места улыбкам. Легион походил на корчащегося на крючке червя, к которому приближалась крупная рыба.

– Все безнадежно, отец? – спросил Мыш.

– Похоже на то, Мыш. Похоже. Но возможно, мы сумеем их всех одурачить. Перед штормом всегда становится темнее всего.

- Это каламбур?
- Чтобы я – и шутил над нашей фамилией? Кошмар.

39. Годы 3028–3031

Мойра изо всех сил пыталась привыкнуть к имени, под которым должна была появиться на Вейдерандере. И еще больше она старалась стать по-настоящему творчески мыслящей художницей, но все попытки закончились провалом. У нее не было никаких талантов, кроме актерского.

– Полагаю, достаточно, – проворчал Блейк.

– Достаточно? Что не так? Все законно. И драматург Уайт говорит, что Янош Касафирек...

– Я сказал – все в порядке, – улыбнулся Блейк. – Он был убедительнее, чем вы, красавица. И он говорит, что это ваше будущее.

Мойра была вне себя от счастья. Она в самом деле могла заняться тем, чем ей хотелось... Она зубрила классические пьесы Старой Земли, особенно елизаветинских времен. От Шекспира она была просто без ума. Драматург Уайт в конце концов окончательно растаял и предложил ей сыграть вдохновенную роль Офелии.

Она пребывала на седьмом небе. Миссия давала ей возможность реализовать самые сумасбродные мечты. Она могла учиться у великого Касафирека.

– Планы слегка меняются, – сказал однажды Блейк незадолго до отлета. – В Сумеречном городе усилили меры безопасности. Вы отправитесь отсюда как Полианна, не дожидаясь, пока доберетесь до Вейдерандера.

Ей предстояло выступить под именем путешествующей дочери Амантеи Эйт, заместительницы министра торговли Конфедерации. Такая женщина действительно существовала и не особо себя афишировала, что вызвало некоторую озабоченность у местных чиновников. Именно подобные ей, делавшие тайную карьеру, обладали реальной властью в Лунном командовании. Совпадение фамилий оказалось счастливой случайностью.

Мойра считала, что после того, как она покинет Черномир, дальше все будет просто. Роль, которую она играла, была ближе к ней настоящей, чем к той, кого она изображала для Крайгорода. Она часто мечтала об актерской карьере, но никогда не думала о ней всерьез, поскольку в Крайгороде актеры никому не были нужны. Не собиралась она и покидать дом, кроме как для охоты за Плейнфилдом.

Наступил день отлета. К шлюзу краулера она шла с неохотой. Заканчивалась одна жизнь и начиналась другая. У Мойры зарождались сомнения.

– Альбин? Что вы тут делаете?

– Босс велел мне ехать с вами.

Заметив Блейка, она подбежала к его креслу и быстро поцеловала:

– Спасибо вам. За Альбина. Мне будет не так страшно.

– Вам нечего бояться. И думаю, мы можем кое-что выяснить в Сумеречном. Альбин знает город. Удачи вам, Мойра. И будьте осторожны. Вам придется иметь дело со странными и опасными мужчинами.

– Все будет хорошо.

Поездка в Сумеречный город ей понравилась. Она никогда не бывала за пределами купола и теперь видела свою планету с совершенно новой перспективой.

Мимо краулера скользили тусклые призраки полуночных пейзажей. Водители, которым ее красота и экзотический цвет кожи развязали язык, комментировали на ходу увиденное. Тут случилось то-то, там то-то, а вон там вдаль – фантастическая гора, уходящая в небо на тысячу

метров, но сейчас ее не видно из-за темноты. Водители были из Города Ночи, и они ее не знали. Она отрепетировала перед ними роль Полианны, рассказывая невероятную ложь о жизни в Лунном командовании.

До Сумеречного она добралась в веселом и радостном настроении, которое вскоре сменилось мрачным.

На первый взгляд Сумеречный город выглядел клоном Крайгорода. Она уже собралась сказать об этом Корандо, когда вмешался человеческий фактор.

Пассажиры начали снимать скафандры, и двое суровых полицейских приступили к проверке документов. Особенно они придирались к крайгородцам, но лишь чуть вежливее вели себя с водителями из Города Ночи и жителями Темного Плато. Они наслаждались мелочной властью – садисты, из-за которых складывается скверное представление о полиции. Когда они принялись за Корандо, терпение Полианны лопнуло.

– Эй, ты, – бросила она, превращая каждое слово в нож мастера пыток. – Да, ты, с рожей вроде свиной задницы. Да-да, ты, с носом вроде давленного собачьего дерьма. Мы знаем, что твоя мамаша совершила ошибку, отказавшись от аборта. С первого взгляда видать. Иди поклоти свою жену, если хочется кого-то помучить, чтобы почувствовать себя настоящим мужиком.

Корандо бросил на нее умоляющий взгляд, но она лишь улыбнулась.

Полицейские ошеломленно уставились на нее. Лица пассажиров страдальчески вытянулись.

Тот, кого она оскорбила, зловеще ухмыльнулся. Он нашел себе жертву:

– Документы, сука!

Злоба сменилась неуверенностью. Он взглянул на нее, на паспорт. Белый. С другой планеты. Судя по возрасту и полу, она вполне могла быть отпрыском кого-то из сильных мира сего.

– Радуйся, если они в порядке, сука, – пробормотал он себе под нос.

– Давай их сюда, Хамф, – сказал его напарник. – И успокойся.

– Вы что, читать не умеете? – заявила Полианна. – А, ты умеешь? Я удивлена.

Она ожидала, что проблем будет больше. Увидев печати в ее паспорте, офицер стал весьма предупредителен:

– Спокойно, Хамф. Эта фифочка из Лунного командования.

Хамф схватил паспорт и перелистал. Его глаза слегка округлились, и он швырнул документ Полианне:

– Лучше мне больше не попадайся, выскочка.

– Полагаю, ты весь в отца. – Ей стало немного страшно и пришлось сосредоточиться, чтобы продолжать дерзить. – Вряд ли он простил твою мамочку. – Прежде чем полицейский успел ответить, она добавила, уже мягче: – Немного любезности вам не помешает, офицер. Будьте вежливы с людьми, и вам ответят тем же.

Она направилась прочь.

В кафетерии на станции к ней подошел Корандо:

– Не слишком-то умно с твоей стороны, Полли. Но – все равно спасибо. Обо мне он полностью забыл.

Для возможных соглядатаев они делали вид, будто только познакомились. Корандо сказал Полианне, что будет держаться рядом, причем несколько ближе, чем планировалось. Следовало любой ценой избежать проблем.

И он действительно не отставал от нее, будто липучка, – настолько, что ему даже не представилось возможности поговорить с агентом Блейка. Он ни на шаг не отходил от Полианны, пока не убедился, что ее приняли в Модельмог.

До этого она воспринимала свое путешествие как некое приключение, учитывая, что всю ее вселенную, как и вселенную Корандо, прежде составлял Крайгород. Космические полеты

мало отличались от развлекательного визита в другой купол. Большие звездные лайнеры походили на космические отели.

На станции Вейдерандер все было иначе. Обширное космическое сооружение казалось слишком чуждым. Полианна и Корандо провели большую часть времени между рейсами в номерах.

Полианна помнила Вейдерандер. Она уже была здесь, хотя достаточно давно, и в памяти ее остался лишь страх. Тогда они бежали от тех, кто хотел убить сопровождавших ее людей. Один лишь вид всех этих коридоров, магазинов и ресторанов, заполненных чужаками – токе, улантонидами и прочими странными существами, – ужасал ее до дрожи.

Вряд ли она выдержала бы без помощи Корандо.

Полианна постепенно вводила его в роль, освободившуюся после смерти Лягуша. И он, похоже, не возражал.

Сахарная Гора тоже ее напугала. Хотя это была одна из самых спокойных планет, на ней не доставало того, без чего уроженец Черномира не мог чувствовать себя в безопасности. Там не было куполов. Ни Полианна, ни Корандо так и не привыкли к виду открытого неба.

С Люцифером Штормом все оказалось просто. Полианна спала с ним, любила его и вышла за него замуж, даже не успев толком понять, что происходит.

Яноша Касафирека впечатлили ее способности, что удивило ее и обрадовало, поскольку он пользовался репутацией яростного и несдержанного критика.

Какое-то время Полианну все полностью устраивало. Жизнь казалась прекрасной, за исключением того, что ей не удавалось видеться с Корандо так часто, как хотелось. Альбин оставался единственным, что связывало ее с прошлым и домом.

А потом, через год после прибытия на Гору, Альбин объявил, что возвращается домой. Полианна пыталась возражать.

– Случились неприятности, – сказал он. – Какая-то стычка на Теневой Черте.

– И чем вы можете помочь?

– Не знаю. Но я в любом случае буду нужен господину Блейку. Успокойся, Полли. Все под контролем. Я теперь только лишняя обуза.

Она плакала и умоляла, но он все равно улетел.

Позже она решила, что именно с этого дня все пошло не так.

Пока Полианна училась в Модельмоге, между отцом Люцифера и Ричардом Хоксбладом случилась короткая война на Сломанных Крыльях. Люцифер встретил новость с тревогой. Полианна, пытаясь его утешить, вскоре сама увлеклась происходящим. Она отслеживала все отрывочные известия из Железной крепости и постоянно переключала новостные каналы. Это было первое ее знакомство с войной наемников. Ее заинтересовало похожее на игру действие и участвовавшие в нем странные личности. Люцифер отнесся к этому крайне неодобрительно – сам он уже потерял интерес.

Ее разочаровало, что война закончилась столь быстро.

– Нам нужно возвращаться домой, – объявил Люцифер несколько месяцев спустя. – Я получил сообщение по межзвездной связи от моего брата Бенджамина. Назревает что-то нехорошее.

– В крепость? – обрадовалась Полианна, поняв, что может оказаться на шаг ближе к Плейнфилду, а также к столь заинтересовавшим ее наемникам.

Отец Люцифера, прилетавший на свадьбу, был загадочным и интригующим человеком. Двести лет от роду! Живой срез истории. И Кассий, который был еще старше, и братья Люцифера... Никого подобных им не бывало ни на Черномире, ни на Горе.

То, что начиналось для нее как восторженный медовый месяц, быстро сходило на нет. Она была не против сменить обстановку, становившуюся все более безрадостной, – хотя ей недоставало бы Яноша Касафирека и учебы.

– Я не хочу лететь, – сказал Люцифер. – Но приходится. И это жестоко – срывать тебя с учебы, когда ты делаешь такие успехи.

– Меня это не слишком волнует. Янош придирается все больше, и вряд ли я еще долго выдержу. Нам обоим нужна небольшая передышка.

Люцифер бросил на нее косой взгляд.

Когда они добрались до крепости, он стал другим. От его радости, молодости и романтизма не осталось и следа. Он помрачнел и отдалился от Полианны, все меньше обращая на нее внимание. Он пытался приспособиться к жизни Легиона, а Легион пытался приспособиться к нему. Но влиться в Легион ему не удавалось.

Он не подходил на роль наемника, и вряд ли стоило рассчитывать на какую-то его помощь во время мрачных событий, из-за которых пришлось вернуться. Полианна это понимала, как и все остальные. Но Люцифер понять не мог. Он был мелкой рыбешкой среди акул, пытавшейся поверить, что она крупная рыба.

И он все чаще срывался на Полианне.

Она знала, почему он причиняет ей боль, но от этого не становилось легче. Понимание имело свои пределы.

Одиночество, неуверенность в себе, собственные расстроженные чувства и сомнения привели ее в объятия другого мужчины. Потом еще одного и еще. С каждым разом было все проще. И с каждым разом ее воображаемый образ все больше размывался. Потом появился отец Люцифера. Сперва он показался Полианне непростым вызовом, но затем начал напоминать ей Лягуша. С ним она чувствовала себя по-настоящему умиротворенно. Он был с ней нежен и внимателен, и вместе с тем в нем ощущалась некая отстраненность. Порой казалось, будто тело, которое она обнимала во время любовных утех, – лишь проекция из иной плоскости мироздания, аватар. И еще больше это чувствовалось в товарищах Шторма – зловещем старике Кассии и Дарксвордах.

Наконец объявился Плейнфилд, носивший имя Майкла Ди. При встрече с ним Полианну бросило в дрожь – она была уверена, что либо наружу вырвется ее ненависть, либо он ее вспомнит.

Но он ее не помнил и не ощутил ее ненависти. План ее продвигался с такой легкостью, что она даже слегка растерялась. Прежде чем она успела что-либо сообразить, они с Плейнфилдом оказались на борту корабля, летевшего к Старой Земле и в конечном счете к Ричарду Хоксбладу.

Жизнь Полианны будто превратилась в древний черно-белый фильм, дерганный и тягостный. События разворачивались в точности по сценарию Блейка, но у нее все больше росло ощущение, что все вот-вот развалится.

Она потеряла мужа, который многое для нее значил. Ей не нравилось, кем она стала. Иногда, лежа рядом со спящим Плейнфилдом, она вела беседы с призраком Лягуша, но Лягуш не говорил ничего такого, что стоило бы той цены, которую она платила.

Положение все ухудшалось. Шторм вынудил ее вернуться в крепость. К тому времени она уже убила бы Плейнфилда, если бы не чувствовала себя до сих пор в долгу перед Блейком, Корандо и родным городом.

Даже в Крайгороде она никогда не чувствовала себя такой одинокой. Казалось, будто ее швырнули в гущу некоей чужой расы. Мужчины помогали ей, на несколько минут каждый, но, уходя, любовники забирали с собой частичку ее собственного достоинства.

Затем Плейнфилд оказался для нее недосягаем, сбежав с телами сыновей Шторма. Она едва не покончила с собой.

Призрак Лягуша обозвал ее маленькой идиоткой. И это ее остановило.

У нее по-прежнему оставался долг перед Крайгородом. К этому времени она уже достаточно долго жила с солдатами, чтобы считать себя солдатом, защищающим свой город. И она знала, что сможет продолжить начатое.

40. Год 3052

Насколько может быть важным некое место? Место – всего лишь место, скажете вы. А я отвечу – неправда! Ты либо принадлежишь этому месту, либо нет. Если да – оно остается в твоём сердце, плоти и костях, ты понимаешь его не раздумывая, а оно понимает тебя. Вам уютно вместе. Вы – партнеры. Ты знаешь все его особенности и дурные привычки и как их обходить. Если же ты чужой...

Это примерно как разница между новыми и старыми ботинками. Можно носить и те и другие, но новые ботинки могут стать проблемой, если у тебя нет времени их разносить.

Таковыми новыми ботинками стал Черномир для отца и Железного Легиона.

Масато Игараси Шторм

41. Год 3031

Краулер из космопорта поднялся на вершину перевала через Белые горы. Шторм впервые увидел Крайгород.

– Похоже на восходящую полную луну, – пробормотал он. – Или сверкающий пузырь, вздувшийся от падения камня в темную воду.

Над кольцевой стеной, окружавшей купол города, видна была лишь его половина, светившаяся изнутри.

Помощник озадаченно взглянул на Шторма. Шторм почувствовал его взгляд, но не подал виду. Он потянулся к футляру с кларнетом, но решил, что не сможет играть внутри этой трясушейся и раскачивающейся груды металлолома.

Нужно было как-то снять напряжение. Казалось, прошли века с тех пор, как у него были столь натянуты нервы.

Шторм вернулся к лежавшим на коленях отчетам, написанным в сжатой и бесстрастной манере Кассия. Данные и статистика сводились к невыполнимой задаче. Корпорация Мичема давно замышляла атаку на Блейка. Несмотря на сложности с логистикой, они с умом воспользовались имевшимся у них временем, несколько лет назад начав производить военные краулеры. Двадцать четыре этих чудовища выстроились лагерем на Теневой Черте в тысяче километров к западу от теневой станции Блейка. И выкорчевать их оттуда было весьма непросто.

До линий снабжения Ричарда, также поддерживавших предприятие Мичема в конце Теневой Черты, с теневой станции Блейка было не добраться. Они находились слишком далеко под лучами солнца, чтобы даже самый выносливый краулер мог быстро атаковать и тут же отступить.

Кассий говорил о некоем молчаливом соглашении избегать конфликтов на Темной стороне. Блейк и слышать не желал о предложениях нанести непосредственный удар, настаивая, что все боевые действия должны ограничиваться Теневой Чертой.

– Идиоты, – пробормотал Шторм, внезапно ощутив жажду крови. – Следовало бы ударить по Сумеречному городу, проделать дыру в куполе, дать им воздух, когда сдадутся, и дело сделано.

Он тут же рассмеялся. Наверняка так же чувствовал себя и Ричард.

Конфликты между наемниками редко бывали простыми. Корпорации, несмотря на все желание сражаться, нечасто были готовы рисковать синицей в руках ради журавля в небе.

Единственный плюс, который видел во всем этом Шторм, заключался в том, что где-то еще оставались сейнеры, всегда готовые решить его проблему со связью. В свое время ему крайне повезло, что, движимый эмоциями, он решил, будто народ Пруды заслуживает его помощи. Ловцы ничего не забывали.

Пруды, милая... Что стало с этой красоткой? Вряд ли она подпустила бы его к себе, даже если бы он ее отыскал. Ловцы не верили в победу над природой. Сейчас она наверняка уже старуха. Шторм перелистал отчеты, заставив себя вернуться мыслями к Теневой Черте.

Когда краулер добрался до стоянки в Крайгороде, Шторм все еще размышлял над предложением Кассия нанести удар по лагерю Ричарда. Он не сомневался, что это вполне выполнимая задача, хотя для надежности пришлось бы обойтись без помощи инженеров их работодателя. И без совета директоров корпорации. У этих сукиных сынов на все было собственное мнение.

Блейк встретил его лично. Подобная любезность впечатлила Шторма, поскольку тому пришлось продемонстрировать собственное увечье.

– Крейтон Блейк, – сказал смуглый мужчина, протягивая руку. – Рад вас видеть. Вы уже полностью выздоровели?

– Как новенький. У меня хорошие врачи. – Шторм взглянул на стоявшего позади Блейка человека, показавшегося ему смутно знакомым. – У нас в крепости лучшая медицинская аппаратура. Не хотите попробовать нашу лабораторию восстановления конечностей?

– Знаете, вряд ли. Я давно уже не скупаю по ногам, к тому же их отсутствие дает мне чертовски большое преимущество перед советом директоров. Они чувствуют себя виноватыми, что им приходится донимать калеку, – усмехнулся он. – К этим пиратам хороши любые подходы. Прошу простить мне мои манеры, но я не привык иметь дело с посторонними. Мы тут все друг друга знаем. Этот джентльмен со мной – Альбин Корандо. Он заменяет мне ноги. И еще он мой телохранитель, компаньон, совесть и камердинер.

– Очень приятно, господин Корандо. – Шторм обменялся с ним рукопожатием. – Мы уже встречались на Большой Сахарной Горе. На свадьбе.

Корандо удивленно взглянул на Блейка. Тот слегка кивнул.

– Да, сэр.

– Так я и думал, – улыбнулся Шторм. – Мы пойдем отсюда пешком? Куда?

– У вас хорошая память, полковник, – заметил Блейк. – Как я понимаю, вы тогда видели Альбина всего несколько секунд.

– Зачем?

– Простите?

– Зачем вы подсунули мне Полианну?

– Ах, вы и об этом знаете? – усмехнулся Блейк. – Собственно, вы не были целью. В то время вы меня не интересовали. Главной задачей был ваш брат Майкл. Нам почти удалось свести и их, но вы опрокинули все наши планы.

– Будем откровенны – может, все же расскажете, зачем?

Блейк объяснил. Еще до того, как он закончил, Шторм снова пожалел о своем обязательстве защищать брата. Здесь, на Черноморе, Майкл превзошел самого себя.

– Насчет Теневой Черты, – сказал он, пытаясь не обращать внимания на сотни любопытных глаз. – Насколько большое вмешательство мне придется терпеть? Кассий говорит, что вы исключаете прямые удары по Сумеречному городу, так же как и любые другие вооруженные действия по эту сторону Края Мира.

– Это вопрос отношений между Блейком и Мичемом, а не Крайгородом и Сумеречным. Мы считаем важным подчеркнуть это различие. И мы не хотим, чтобы пострадали гражданские.

Шторм бросил на Блейка циничный взгляд, но понял, что тот не шутит. Сама мысль повергла его врасплох – как давно ему доводилось иметь дело с кем-то, не лишенным совести? Казалось, с тех пор прошла вечность.

Гуманные порывы Блейка могли повлечь за собой неразумные потери.

– Вы мне не ответили.

– Со мной у вас много проблем не будет. Я не генерал и готов это признать. Но, как обнаружил ваш полковник Уолтерс, мой совет директоров никогда не признается в том же самом. Они не захотели предоставлять краулеры для непродуктивного использования. Возможно, они решили, что вы собираетесь сражаться в пешем строю.

– Сколько у вас голосующих акций?

– Тридцать восемь процентов, а что?

– Среди директоров есть ваши люди?

– Я обычно поступаю по-своему.

– Вы назначите меня своим временным заместителем?

– Прошу прощения?

– Одним из моих условий были пять процентов голосующих акций и место в совете.

– Его отвергли. Добавлю – единогласно.

– Где моя штаб-квартира?

– В ангаре. Мы оборудовали ее в старом ремонтном отсеке. Эй, куда вы?

– Заберу свои игрушки и отправлюсь домой. Здесь я зря теряю время. У меня нет никаких обязательств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.